

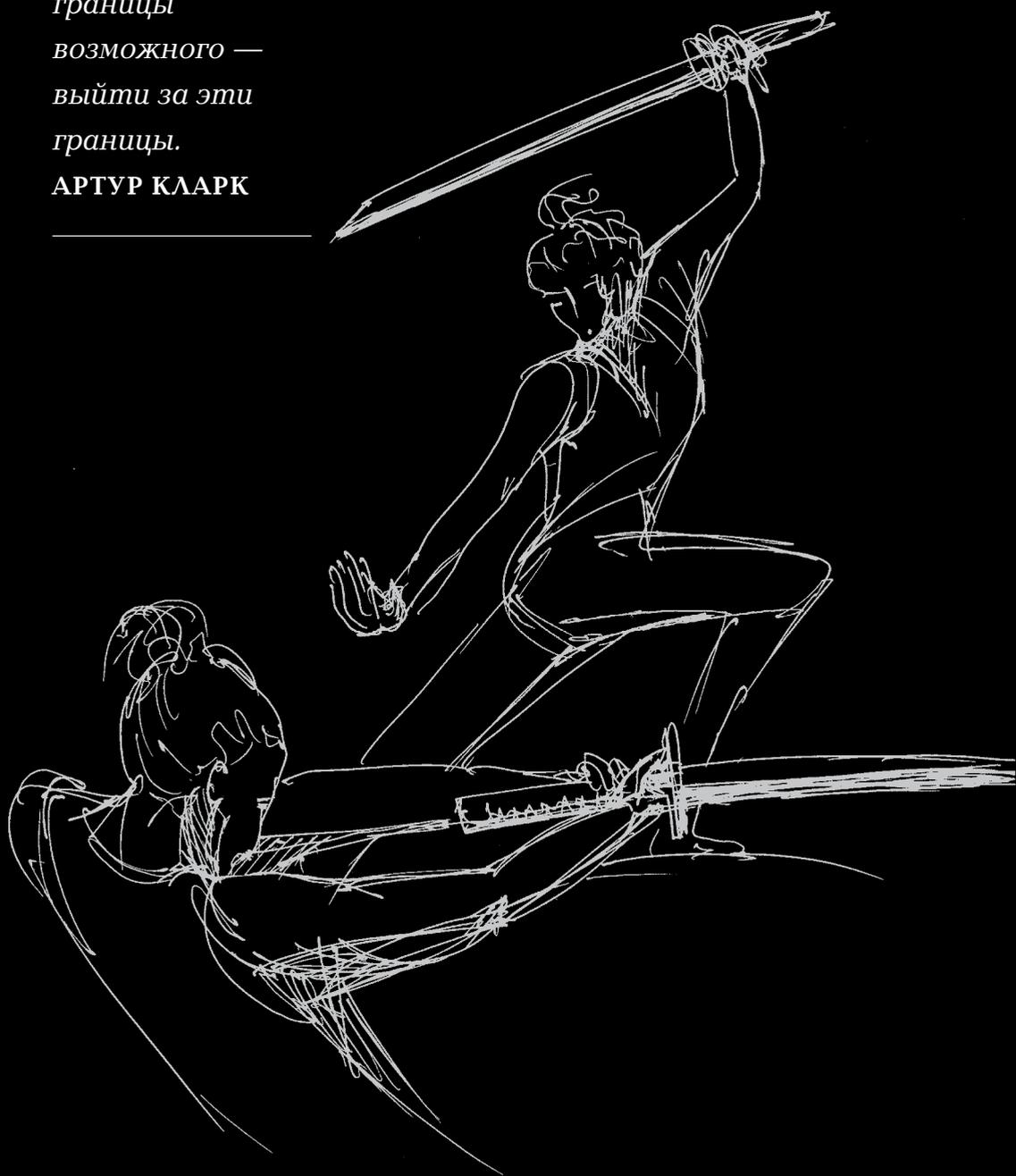
ГАЛИНА ДИЦМАН@
Контракт Саламандры

РЕДАКТОР Светлана Заикина
КОРРЕКТОР Ирина Степачева-Бохенек
ИЛЛЮСТРАЦИИ,
ДИЗАЙН, ВЕРСТКА Галина Дицман@

Отпечатано с готового оригинал-макета
по заказу ИП Чибисов К.Е
в ООО «Формула Печати»
г. Москва, 121170, ул.Поклонная, 15
WWW.PRINT-FORMULA.RU

*Единственный
способ
определить
границы
возможного —
выйти за эти
границы.*

АРТУР КЛАРК

ЧАСТЬ I

*Будьте внимательны к своим мыслям —
они начало поступков.*

ЛАО ЦЗЫ

глава 1

Нельзя дважды войти в одну и ту же воду, но приходится заново влезать в одну и ту же шкуру. Каждый день. Рожденный ползать, ползи, как можешь,— взбадривала себя Маша во время утренней зарядки. Отжавшись несколько раз сверх нормы, она отряхнула руки и обреченно попелелась в ванную. Обреченность связана была с грядущим холодным душем. Не потому что горячую воду отключили, а потому что у Маши была Железная Воля — как у персонажа Лескова. Никому не нужная в мирной жизни, окаянная Железная Воля требовала делать зарядку, плавать в бассейне и к тому регулярно посещать клуб восточных единоборств. В остальном она более ничем не отличалась от «нормальных людей». Необычайные приключения, пережитые в недавнем прошлом, были внесены в ячейки памяти под грифом «Экстрим», и сама Маша изо всех сил туда не заглядывала. «Жизнь — это то, что происходит с нами, пока мы строим планы»,— говорил Уинстон Черчилль. В обычной жизни у нее было многое: своя квартира в хорошем районе Москвы, приличная работа в рекламном агентстве, взрослые дети, которые обзавелись своими семьями и жили отдельно. И от этой видимости благополучия ее неудержимо тошнило. А выбраться не было никакой возможности. «Лед подо мной и сверху. Маюсь между...»

Ее прошлое почти не оставило материальных следов. Только старая черно-белая фотография висела теперь над столом, рядом с портретами родителей: юноша с азиатским разрезом глаз и худенькая светловолосая девушка. И на книжной полке лежал старинный кинжал. Вечерами она вынимала его из узорных ножен с иероглифами и полчаса упражнялась то перед зеркалом, то с завязанными глазами: защита — атака — блок — удар — уход с линии атаки — удар обратной петлей... Потом замирала и отрешенно смо-

трела в пустоту, как ящерица на камне. Старалась ни о чем не задумываться и не вспоминать. Иначе жить дальше стало бы просто невозможно.

Сегодняшний день обещал быть столь же обыденным, что и все предыдущие. Нет, еще более невыносимым, потому что в лобовое стекло било прямой наводкой апрельское солнце, не затененное пока листвой. Глаза начали слезиться. Где темные очки? На них, как это частенько бывает, кто-то недавно сел. Таким ярким солнце бывает только в городе ранней весной или на море. Зажмуриться бы — и очнуться на берегу... «Да-да, кредит за ремонт закрыла, еще автокредит выплатишь — и Мировой океан примет тебя на свою могучую грудь», — резонно возразил внутренний голос. Крыть было нечем: долги надо отдавать. Для этого существует работа. Маша работала за деньги. Или за деньги, или за удовольствие — других вариантов в жизни не бывает.

Пробки — кофе — перекур — обед... Молодые коллеги звали Машу в «Якиторию» по соседству, но она отказалась: хотелось просто пройти по Маросейке. Именно пройти, заодно посмотреть на уличных лотках дешевые темные очки. Мимо порхали изящные девушки, одетые по-весеннему, а она еще не вылезла из всепогодной куртки и джинсов. Позавчера дали аванс, но пора покупать новую летнюю резину. Хороший воин сначала позаботится о своем коне, а потом уж о себе. Поэтому можно спокойно разглядывать витрины и идти дальше: шопинг в бюджет не заложен. Да и воевать вроде не с кем...

На пути ее поджидал маленький сюрприз. Антикварный магазинчик, окна которого были давно завешены надписью «Ремонт», снова открылся. Вероятно, там сменились владельцы: вместо темной бронзы дореволюционных подсвечников за стеклом ослепительно сверкала полутораметровая металлическая женщина в венке и с загадочной золотой хреновиной в руках. А сзади маячили каминные щипцы с вензелями и прочий аляповатый новодел. Тем не менее, Маша расценила это как добрый знак. Жизнь научила ее внимательнее относиться к любым мелким изменениям в окружающем мире: ничего не бывает случайно. «У меня нет учителя: жизнь — мой учитель». Гимн монахов Шаолиня.

Она заглянула внутрь, надменный молодой продавец скользнул по лицу оценивающим взглядом: вряд ли что-то купит, но вряд ли и ста-

чит. Маша прошла мимо салонных причиндалов к небольшому стенду с холодным оружием. Присмотрелась: богатая дешевка из тех, что дарят на юбилеи начальникам. Рядом с мечами в глубине витрины притулилось несколько ножей.

- Подарок ищите?
- Вроде того...
- Показать что-нибудь?
- Те два ножа достаньте, пожалуйста.

Продавцу ничего не оставалось, как полезть за ключиком от стеклянного стеллажа. Он делал это подчеркнуто медленно. В дверном проеме на контровом свете показался темный силуэт. Продавец повернул голову, кивнул вошедшему, открыл витрину и достал оба ножа.

Первый нож оказался сувенирным, легким, с полый рукоятью, облепленной со всех сторон разноцветными камнями. Второй был тяжелым и слишком длинным, хотя сталь ей понравилась.

— Хороший подарок, не пожалеете, — продавец увидел, что гостя задумалась, и поспешил воспользоваться паузой: — Дамаск...

— Это? — Маша подставила лезвие под узкий луч света, провела ногтем по узорному скосу, только что не понюхала клинок, еще раз подбросила нож в ладони и вернула продавцу. — Это не Дамаск. Больше ничего нет?

Продавец повел плечами и сделал некий жест, обозначающий превосходство профессионала перед наглым дилетантом. Пошарил за стойкой, достал еще один ключик и подвел Машу ко второму стеллажу, завешенному темной бархатной шторой:

- Здесь вы наверняка найдете то, что нужно.

На сей раз он позволил Маше выбирать. Сам повернулся к посетителю, чей силуэт продолжал загоразживать уличный свет. Маша, не обращая на них внимания, по очереди вытягивала из подставок четыре ножа. Два отмела сразу из-за изогнутой формы и вычурных рукоятей. А из оставшихся выбрала тот, что сразу лег в ложбинку на ладони, выбросила вперед, прочертила в воздухе пару восьмерок. Длинноват.

- Если бы на полфаланги короче... — обернулась она к продавцу.

Продавец и посетитель, чье лицо скрывала густая тень, слегка отодвинулись в сторону и несколько секунд молчали.

— Интересуетесь? — низким баритоном спросил вошедший.— Алекс, покажи что-нибудь из заглазника.

Продавца заело. Он решительно забрал из Машиных рук предыдущие экземпляры, смел оберточную бумагу и рекламные проспекты с невысокого шкафчика и чуть ли не из подпола вынул промасленный тканевый мешок. Развязал шнурок, достал два темных чехольчика, один чуть больше другого, воскликнул предостерегающе:

— Только аккуратнее, прошу вас!

Но Маша уже отодрала липучку с чехла и вытащила сложенный серебристый нож. Пальцем откинула стоппер. Едва уловимый запах гвоздичного масла заструился в душноватом воздухе. Длинное узкое лезвие чуть изогнутой формы, с изящным росчерком посередине... «Балисонг,— сказал ей внутренний голос,— нож-бабочка. Это, конечно, не меч-бабочка, но летать должен хорошо. Хищная штучка...» Она и не почувствовала, как рубанула кончик пальца, заметила только проступившую кровь. Продавец было прикрикнул на нее:

— Аккуратнее, я сказал! — Он сунул Маше салфетку, потом обернулся к гостю: — А все ты: достань, достань... Нельзя давать такие вещи кому попало!

— Это вы про меня?

Маша облизнула палец, отбросила салфетку, мгновенно перехватила нож в левую руку, откинула стоппер снова. Лезвие вылетело с большей амплитудой, сверкающее перышко описало круг и пересеклось в полутьме с узким солнечным лучом... Металл и огонь. Мгновенные выбросы кисти и лезвия слились в мерцающий серебристый веер, который постепенно расширялся. Ослепительное крылышко рассекло подброшенную салфетку, замерло на реверсном движении, легко вернулось в ладонь. Щелкнул стоппер.

— Беру. «Визу» принимаете?

Продавец молчал, тупо глядя то на нее, то на гостя, замершего у стены.

— Карточка «Виза-классик» годится? — почти по слогам спросила Маша, облизывая палец, словно кроткая белошвейка.

Продавец кивнул. Маша левой рукой достала из кошелька карту, кинула на прилавок.

— А в-вы в-второй нож не хотите п-попробовать? — наконец выговорил продавец, протягивая ей кассовый аппарат.

— Этот балисонг — мой.

Она набрала левой рукой пин-код, не глядя расписалась на чеке. Заляпала стол и карточку кровью и теперь пыталась карточку облизать или вытереть рукавом куртки, благо куртка была черной.

— Интересуетесь боевыми искусствами? — осведомился ироничный незнакомец. — Любите мультфильм «Панда Кунг-Фу»? Стиль Богомола, Тигра, Журавля и Змеи? Или как там называется ваш стиль?

— Стиль Саламандры, — от балды ляпнула Маша, по-прежнему облизывая палец.

— Завернуть? — продавец убрал нож в чехол и шарил по столу в поисках подходящего цветного пакетика.

— Не надо. — Она подставила раскрытую сумку: — Кидай внутрь. Запачкаться боюсь.

— Может быть, вы посмотрите еще кое-что? — продавец взял себя в руки, — у нас есть очень редкие старинные украшения, вышивки...

— Какие на хрен вышивки, Алекс, — пробасил в спину гость, — ты что — не видишь?..

Окончания фразы Маша не услышала за мелодичным звоном колокольчиков на двери. И вывалилась на свет божий: с балисонгом в сумке, снесенным кончиком пальца на правой руке и почти без аванса. «Просила на полфаланги короче? Пожалуйста! На конкретно сформулированный запрос немедленно дается конкретный ответ, — сказал ей кто-то невидимый. — Полегче с формулировками, Саламандра!»

Уже почти три года к ней никто так не обращался.

глава 2

На работе Маше было некогда возиться с пальцем: в конце концов еще девять штук целых осталось. Лезвие прошло в миллиметре от ногтя, она промыла рану перекисью водорода и попросту залила клеем из автоаптечки. Порадовалась лишний раз своему пристрастию к черному цвету в гардеробе. А дома отодрала лейкопластырь и с изумлением обнаружила, что рана затягивается, опухоли почти нет, да и не болит особо.

Может, необычайные свойства ее организма сами собой восстанавливаются? Увы. То, что случилось с ней два с лишним года назад,

явилось сочетанием многих немислимых обстоятельств, которые могут совпасть в одной Вселенной один раз. Свою функцию она выполнила. Чудеса закончились. Закрыто, сдано в архив. Иначе жить дальше было бы невозможно. Умение обращаться с холодным оружием — всего лишь один из бесполезных навыков, приобретенных в прошлой жизни. Эти навыки были не более бесполезными, чем этюды Черни, которые она прекрасно играла в музыкальной школе...

Наспех проглотив ужин, Маша вынула из сумки балисонг.

— Тебя-то мне и не хватало, хищник... напился крови? Доволен? И что мы с тобой будем делать? В нашем доморощенном клубе «Осс» кровопролития запрещены на веки вечные. А ты без крови не обойдешься, чую.

Нынешние Машины занятия в маленьком клубе восточных единоборств носили чисто оздоровительный характер. Во Вьетнаме ей не слишком везло с друзьями, зато везло с учителями. Вернувшись в Москву, она попыталась найти школу боевых искусств, в которой могла бы хоть частично применять полученные знания. Опросила бесчисленных знакомых, составила список из рекомендованных ими клубов и честно начала обходить все подряд.

Сначала попала в школу кендо, где очень красиво одетые юноши и девушки, зашнурованные в защиту сверху донизу, страшно кричали и рубились деревянными мечами. Маша повела себя глупо: сначала никак не могла сообразить, зачем кричать, если меч все равно игрушечный, а бой — понарошку. Потом встала в спарринг без всякой защиты, машинально отобрала бамбуковую игрушку у нападавшего, вырубил его точечным ударом, долго извинялась, принесла пострадавшему нашатырь и пластырь и быстро ушла.

Не оставляя надежды, побывала в элитарном клубе «Сакура» на тренировке по иайдо — искусству работы с самурайским мечом. Стены клуба были украшены принтами в японском стиле, зал заполняли солидные мужчины в красивых черных хакамах. Ей как новенькой выдали деревянный меч — боккен — и заставили полтора часа повторять скучнейшие боевые формы в очень медленном темпе. Она чуть не заснула, повторяя плавные движения, заплатила за пробную тренировку и быстро ушла. Руководитель самурайского клуба понял, что Маша платежеспособна, и стал приглашать ее на занятия по тамесегири — разрубанию специальных ковриков, для этого пообе-

щал выписать ей из Японии боевой меч, который по стоимости равнялся коробке передач от BMW. Маша отбивалась от дорогостоящей игрушки, но он уговорил ее прийти посмотреть на московский чемпионат. «За погляд денег не берут...» — подумала Маша.

Десяток солидных мужчин по очереди рубили свернутые коврики дорогими мечами. По залу летали ошметки плетеных циновок. Малочисленные зрители болели за своих знакомых. Бравые отцы-основатели федерации, одетые в кимоно с драконами, наскоро порубили все, что хотели, собрали с участников солидные членские взносы, присудили друг другу первое-второе место и стали друг друга награждать. Маша захотела курить и ушла...

Список клубов и школ единоборств закончился, а результат оставался нулевым. От безысходности она нашла в интернете клуб ниндзя, почему-то расположенный в Химках. Наученная горьким опытом, Маша попросилась теперь только посмотреть. Химкинские ниндзя — девчонки в черном камуфляже из армейского магазина — картинно перекатывались по матам школьного спортзала, делали кувырки и условно резали друг друга деревянными ножами. Главная ниндзя, сняв маску, оказалась белокурой кудрявой девицей с певучим малороссийским выговором, в майке с люрексом. Она вцепилась в Машу и в течение трех минут выдала тайну своего происхождения: дома, в Днепродзержинске, была КМС по акробатике, а в Москве устроилась в фитнес-центр инструктором. Центр закрылся, тогда знакомый байкер предложил ей открыть школу ниндзя, дал скидку в магазин байкерского снаряжения — «оно ж все тоже черное», скачал пару фильмов с торрентов, посоветовал пока на «физиуху» налегать, а там видно будет... «А вы че — занимались раньше? Может, покажете чего?..»

Маша подвезла ниндзю к метро и на этом поиски тайных кланов в городе Москве прекратила.

Однажды пошла на ремонт обуви, случайно заметила на двери подвала вывеску: «„Осс!“ Клуб карате». Заглянула, увидела симпатичного парня в кимоно в окружении старшеклассников, попросилась в гости — да и осталась у них: недалеко и недорого.

Поединки фулл-контакт здесь были не приняты. Работой с оружием и вовсе никто не увлекался. Местный сэнсей Марат позиционировал себя как бывший спецназовец и племянник ученика монахов со-

временного Шаолиня. Поначалу он встретил новенькую осторожно, сильно напрягся, увидев ее вытертый черный пояс с иероглифами. Маша объяснила, что недолго работала во Вьетнаме, брала частные уроки у тамошних старичков и выпросила на память антикварный пояс. А был ли он когда-то черным, неизвестно, и смысл иероглифов неведом. Сувенир, так сказать.

Марат подсмотрел, как Маша скачет с кинжалом, палками и вилами, и на всякий случай запретил работу с оружием в арендуемом подвале. Затем впарил ей диски старых мастеров и пробурчал, что скоро можно будет подумать о показательных выступлениях — то ли в Туле, то ли в Вышнем Волочке. Маша слушалась и вела себя скромно. Без Вышнего Волочка, к счастью, обошлось.

Вскоре сэнсей удостоверился, что новенькая не претендует на его авторитет, учеников и заработка. Иногда Марат просил ее изобразить атаку при помощи какого-нибудь предмета из окинавского боевого арсенала и всякий раз обезоруживал — как положено, голыми руками. Падая, Маша ловила на себе его недоверчивый взгляд. Тогда она делала максимально кроткое лицо и с поклоном говорила: «Осс!» — что в карате означает терпение и послушание.

Занятия ей были нужны для поддержания формы. Лишний вес, безвозвратно потерянный во время экстремальных путешествий, более не набирался, Маша чувствовала себя сильной и почти молодой... и это была почти правда. А вернее сказать — наглая ложь. Ей было пусто и одиноко. Но знать про это не следовало никому.

— Труден путь самурая,— сказала она в пространство. Потом поняла, что обращается к балисонгу.— Но для чего-то ты появился на моем пути. Надеюсь, не только затем, чтобы моей крови хлебнуть?.. Знаешь, я собираюсь в бассейн, там до 23 часов пускают. А ты пока веди себя тихо. Нам проблемы не нужны.

Балисонг был живым существом, хищным и опасным, его следовало на всякий случай держать под замком хотя бы первое время. И она не могла сказать ему: «Мы с тобой — одной крови». Он был пришельцем из другой жизни, в которой разговор с клиентом начинается с укорачивания пальца на полфаланги. Та жизнь была, как принято говорить в некрологах, «короткой, но яркой» — и три года назад закончилась. Вместе с короткой жизнью Марии Ким, туристки из Москвы, пропавшей без вести во время цунами на юге Вьетнама.

Маленькая серебристая молния смиренно улеглась в чехол.

— Не верю, — пробурчала ему Маша, захлопывая дверь. Забытый легчайший озноб пробежал по спине. Впрочем, возможно, это просто сквозняк в подъезде — все двери открыты, весна...

В бассейне на последних сеансах никого не бывало. Она специально выбрала дешевый фитнес-центр рядом с домом. В выходные под водой было людно: инструктора из местного подводного клуба обучали новичков основам плавания с аквалангом. Она проплывала над ними размеренным брассом, старательно не вспоминая ни вспененную воду Южно-Китайского моря, ни наполненные ужасом светлые глаза под чужой маской. А в будни по вечерам бороздила кафельные глубины в полном одиночестве. И это было здорово — общения ей с лихвой хватало на работе. Формально нырять в одиночку тут не разрешалось. Однако Маша успела раздарить работникам бассейна нужное количество шоколадок и бутылок к праздникам, чтобы они закрывали глаза на нарушение правил техники безопасности.

Сегодня, против воли, мысли норовили свернуть туда, куда путь был заказан, наглухо закрыт и запечатан. «Растревожил ты мне душу, Бровкин!» — мысленно обратилась она к балисонгу. Сделала пару глубоких вдохов, приказала себе: «Отключись!» Вытянулась и вплотную прилипла ко дну, стараясь сосредоточиться только на мельтешении мелкого мусора над кафелем. Плитки чередовались: синяя, голубая, белая. Две дорожки по двадцать пять метров с поворотом. Первый поворот — две голубые плитки. Второй поворот — белая и синяя. Крышка люка. Расположение плиток было выучено наизусть, равно как и щербатые углы, и конфигурация швов герметика. «Я помню все твои трещинки...»

На шахматный узор кафеля упала длинная, искаженная водой тень. Кто-то рассматривал ее, стоя на бортике. Сбросив лишний вес, Маша перестала болезненно реагировать на чужие взгляды. Но в столь позднее время здесь почти не бывало других посетителей. Может, дежурному администратору хочется домой, а она торчит в воде?.. Намек понят, пора уходить.

Она пошевелила раненым пальцем: лейкопластырь отмок и куда-то сгинул. Нехорошо мусорить, на дне скапливается невесть что. Пронырнула бассейн по периметру, нашла желтую полоску пластыря, подобрала заодно заколку-краб, сережку-гвоздик, застежку от

ласты. Зажала в кулачок и вынырнула, стянула маску, сложила находки на бортик.

Человек, наблюдавший за ней, подошел вплотную. Это был вовсе не вахтер или гардеробщик, а абсолютно незнакомый мужик средних лет — жилистый, среднего роста, с почти приятным, но маловыразительным лицом. Лицо пыталось изобразить улыбку.

— Давно наблюдаю. Как вам удается не дышать?

— Техника задержки дыхания, называется апноэ. Читали в детстве про ловцов губок или искателей жемчуга?

— Нет.

— Немного йоги. Немного тренировок. Короче, ничего нового. Любой может при желании научиться.

— А вы долго учились?

— Как вам сказать? В детстве занималась в секции подводного ориентирования. Потом еще довелось подучиться...

И это тоже была почти чистая правда. Если не брать в расчет обстоятельство. Правда не является истиной, если замалчиваются истинные обстоятельства... «Бог в мелочах», — говорила Шанель.

— Может, я вас подожду у выхода, и вы мне расскажете? — не отставал незнакомец.

— Не могу, извините.

— Простите, а вы не могли бы дать мне пару уроков?

«Вот урод, — беззлобно подумала Маша. — Ничего умнее придумать не мог?»

— Здесь работает подводный клуб, они учат нырять с аквалангом.

— Ответьте хотя бы на один вопрос, — не отставал незнакомец, — откуда у вас такая татуировка на плече?

— Сделала на отдыхе.

— Это знак? Символ?

— Никакой смысловой нагрузки татуировка не несет. Я выбирала рисунок, руководствуясь исключительно эстетическими соображениями. Всего хорошего! — Маша отвечала ледяным тоном вдовствующей королевы-матери. С той же интонацией она разговаривала на педсоветах, когда ее сына в подростковом возрасте все время норовили исключить из школы.

Собеседник растерянно замолчал, Маша воспользовалась паузой и скользнула в душ. Нарочито долго собиралась, даже высушила во-

лосы, хотя обычно ей было лень это делать. Сдала вахтерше найденные на дне сокровища, с опаской выглянула наружу, но незнакомца и след простыл. «Клеил меня, что ли? Весна. Ох, не нужно мне все это...» И это была почти чистая правда: полная правда заключалась в том, что Маше нужно было или все, или ничего. А все уже было — с одним конкретным человеком. Чье ненастоящее имя и сильные руки остались наглухо запечатанными в секретных файлах. Она сама понимала, что назад пути нет, но и впереди ничего не просматривается. Зато в одиночестве есть свое печальное преимущество: больше никто не обманет и не предаст. «Трусость?» — осведомился внутренний голос. «Нет, мудрость...» «А может, старость?»

Было что-то необычное в незатейливом эпизоде. Странная речь незнакомца неуловимо отличалась от московского выговора. Впрочем, сегодня в Москве редко услышишь чистое московское «аканье». Незнакомец был приезжим, но не южанином, и не выходцем с Западной Украины. Иностранец? Тогда не из тех русских, что подолгу живут в англоязычной среде: у тамошних эмигрантов быстро меняется интонация. И про искателей жемчуга он в детстве не читал. Кто такой? Пришел специально на нее полюбоваться? Откуда бы ему взяться в маленьком дешевом клубе на последнем сеансе? Если он хотел банально познакомиться, то должен был вести себя не так. «Кто и когда в последний раз пытался с тобой познакомиться?» — ядовито осведомился внутренний голос. Она отлично знала ответ.

Маша развесила в ванной мокрый купальник и уставилась на палец: края раны срослись.

Ей доводилось наблюдать стремительную регенерацию собственных тканей. Но причиной тому послужил контакт с генератором энергетических преобразований — примерно так объяснял суть метаморфоз один старший товарищ. Эпопея с генератором закончилась, необычайные способности вскоре сошли на нет. Огонь и вода были пройдены, только с медными трубами вышла неувязка: спецслужбы внятно объяснили ей, что собственная жизнь и жизнь близких значительно дороже всего остального. С этим трудно было не согласиться. И с тех пор ничего с Машей не происходило. Одно было отрадно: она снова носила джинсы того же размера, что и в двадцать семь лет. И на том спасибо. А палец заживает быстро, потому что на ней все как на собаке заживает.

Она полезла в почту, чтобы отвлечься. Почтовый сервер фильтровал ее, но периодически попадался спам. Свирепо жала на клавишу Delete, остановилась, увидев прикрепленное к одному из писем изображение: стилизованная саламандра в оранжевом кружочке. Маша стерла бы рассылку немедленно, если бы не эмблема компании. Безвестные проходимцы выбрали ее знак — знак Саламандры... «Кто смеет присваивать родовой талисман? Что за дети лейтенанта Шмидта?» — «А что тебе дал этот знак? Какие привилегии? То, что ты умеешь, тут на фиг никому не нужно. И твои необыкновенные свойства — как фамильные бриллианты, которые лежали дома мертвым грузом. Соберешься продать — настучат куда следует, наденешь — начнут докапываться, откуда взяла да кто были родители. Судьба родителей, кстати, до сих пор является государственной тайной — хорошо, дощечку на кладбище удалось поставить...» Она на всякий случай открыла файл.

В нем рекламировался препарат «Биофорте». Как заверяли изготовители, создан был он из лекарственных трав и прочих натуральных препаратов по уникальным древним технологиям. Тибетские мудрецы веками искали эликсир бессмертия, нашли и засекретили. Но российские ученые смогли расшифровать состав. Теперь секреты эликсира находились в руках скромной фирмы «Нановита», которая и предлагала свою продукцию оптом и в розницу, от 2 до 3 тысяч рублей за флакончик. Если верить рекламе, препарат гармонизировал все уровни — от энергетического до ментального, излечивал раковые опухоли и гангрену, улучшал память и внимание. А уж регенерирующие свойства его были таковы, что целая рота смертельно раненных бойцов спецназа вставала на ноги, выпив один флакон на всех. «Конечно, в редкие часы досуга спецназ попивает исключительно тибетский эликсир...» Одна капля чудо-средства походя излечивала ангину, язву желудка, хламидиоз и пародонтоз. «Назвали бы тогда проще — нанотрихопол...» Оставалось невыясненным только одно: вырастают ли новые части тела взамен утраченных. Для тех, кто не понял, были указаны сайт и телефон. Приходите и регенерируйтесь вдоволь... «Бред сумасшедшего. Ступай, Саламандра, займись делом...» — резюмировал внутренний голос. Маша выключила компьютер и отправилась упражняться с балисонгом.

— Ты мне полфаланги снес, зверюга! И пол-аванса! Я из-за тебя резину летнюю не купила! — бурчала она, вынимая из чехла балисонг. — Только не говори, что ты сделан из магического сплава с добавлением крови дракона, на чехле честно написано: «Южная Корея». Вот и веди себя прилично...

Три года назад, во время вынужденного пребывания в удаленном вьетнамском монастыре, ее научили многому и в том числе мимоходом объяснили алгоритм работы с балисонгом. В антикварном магазинчике забытая моторика всплыла сама собой — но это были понты на публике. Сейчас Маше пришлось поднапрячься, чтобы не остаться без пальцев. Во время упражнений кровопийца вел себя кротко. Однако мгновенного озноба, предшествующего слиянию руки с оружием в единое целое, не последовало.

— Ничего иррационального. Ты больше ничем не отличаешься от других. Значит, быть посему. Живешь на этой планете — будь любезна, соответствуй принятому здесь гуманоидному типу. Или вообще не живи.

Дальнейшие размышления о смысле собственного пребывания на планете Земля были признаны неконструктивными.

глава 3

Когда она пришла на работу, на столе лежал рекламный буклет компании «Нано-вита». Шеф звонил с дороги: «Прости, дорогая, вчера скинул тебе на мыло кое-что про новых клиентов, сам задерживаюсь, разберись с ними...» Странно: вчерашняя рассылка с саламандрой в оранжевом кружочке была отправлена отнюдь не с его адреса.

Сюрпризы на этом не закончились. К буклету, отпечатанному на принтере в домашних условиях, прилагалась представительница фирмы. Дама с немосковским выговором, в костюме с рынка и в дорожных темных очках немедленно начала произносить хорошо заученный монолог и выкладывать на стол флакончики с тибетским эликсиром. Вела она себя, как распространитель «Орифлэйма», только что скидок не обещала. На блеклых бумажных коробочках зеленым фломастером были написаны названия — «Биофорте-1», «Биофорте-2» — и артикулы. Маше так хотелось кофе и сигарету,

что она опомнилась только под конец монолога и выпроводила тетку со всем скарбом к секретарше шефа, с трудом выдавив из себя что-то обтекаемое: «Он скоро будет... непременно-непременно... сначала вы должны заключить официальный договор, а потом мы с вами пригласим маркетологов и обсудим рекламную кампанию в СМИ...» Сама сбежала в соседнюю комнатуху, где сидели дизайнеры, и не выходила оттуда до тех пор, пока тетка с пакетом флакончиков «Биофорте» не покинула офис. Вскоре пришел и сам шеф, изображая смущение.

— Ты, Борис Маркович, зачем ко мне гримзу подослал? — злобно осведомилась Маша. — Может, мы еще шампуни продавать начнем, два в одном? Нам угрожает перхоть?

— Машка, не гони... — жалобно попросил шеф. — Вчера на очередном юбилее был, башка трещит...

Шеф тоже окончил филфак МГУ, только не прикладную лингвистику, а классическую английскую филологию, на пару лет раньше нее. Следовательно, сейчас его курс вступил в пору полувековых юбилеев. Борю, как известную в рекламном бизнесе персону, охотно везде приглашали, а он охотно везде и ходил. Боря был всеобщим любимчиком, потому что занимал свою нишу, сам хотел спокойно жить и давал жить другим. Маша работала у него почти десять лет, не лезла наверх, не подсиживала, не перешибала клиентов и не собиралась ничего менять, цenia приличные заработки и относительную независимость. Судя по тому, как Маркович вилял похмельным хвостом, «Нано-виту» повесят на Машу. Вероятно, откат был таков, что упустить никак нельзя.

— Кто такие? — покорно спросила она. — Доморощенный отечественный производитель?

— Нет, хуже: нанотехнологии...

— Сколково? Они не платят ни фига!

— Ты меня за идиота держишь? Это не Сколково, они будут платить. Маша, ради бога... — Шеф держался за лысину.

— Ступай, проверь давление, — махнула на него рукой Маша.

— Ты это... — шеф заглянул обратно в дверь, — к ним съезди, Машка. Меня пару дней не будет, хочу свежим воздухом подышать. А насчет тебя я договорился. Прямо завтра и езжай. Покажут всякие научные изыскания. Фотографа возьми, пусть снимет пару че-

ловец, у которых после использования этих мазей волосы на лысине выросли.

— Только не говори, что заварил кашу ради своей редеющей шевелюры!

Но шеф сгинул, слишком быстро для человека с тяжелым похмельем.

Маша повертела в руках листок, выяснила, что расположена фирма-изготовитель на базе бывшего завода биохимических препаратов в Подмосковье. На уголке проспекта от руки был написан номер телефона. На визитки-то разориться не пожелали, а туда же, подавай им рекламную кампанию... Пришлось звонить. Ее действительно ждали завтра. От услуг фотографа клиенты решительно отказались: у них есть свой. Понятно: если нет денег на визитки, а флакончики надписаны от руки, то и фотографирует секретарша. Да и зачем тратиться на профессионалов, они теперь никому не нужны.

Раз придется завтра ехать за город, надо срочно купить темные очки, на трассе без них в такую погоду невозможно. У тетки из «Нановиты», кстати, были на удивление шикарные очки, надо найти что-то похожее, только не дороже десяти долларов.

Маша раскидала текущие дела и выбежала на улицу. Ее путь снова пролегал мимо антикварного магазинчика, но аванс кончился, поэтому она едва повернула голову в сторону витрины. И немедленно уткнулась в чью-то широкую грудь.

— Здравствуйтесь, барышня! — приветствовал ее низкий хрипловатый баритон.

Встречный незнакомец имел вид отставного Бандероса: кожаная куртка, седой пышный хвост на затылке, двухдневная серебристая щетина...

— Простите, мы знакомы?

— Я был свидетелем того, как вы изволили купить балисонг. Вы еще палец поранили.

— Ах, да, припоминаю... — на самом деле, Маша в полутьме магазина не разглядела лица посетителя и узнала его скорее по голосу.

— Не заглянете?

— Деньги кончились. А вы завсегда так?

— Я иногда подкидываю им товар. — Он разглядывал Машу сверху вниз: — И как ваш палец?

Маша растопырила почти зажившую руку:

— Как видите, мы с балисонгом нашли общий язык.

— Интересуетесь оружием? Не хотите что-нибудь посмотреть?

— Мне некогда, извините.

— Когда будет время, приходите в мою реставрационную мастерскую, тут неподалеку.

— Вы реставратор?

— Вроде того. Слышали про исторические реконструкции?

— Да, конечно. Взрослые дяди играют в рыцарей.

— Я занимаюсь реставрацией оружия, костюмами, иногда консультирую на съемках фильмов...

По Машиному лицу он понял, что ее терпение на исходе, сунул ей визитку: «Федор Алексеевич Миклашевский, консультант. Антиквариат, военно-исторические реконструкции». И быстро растворился в суете улицы.

— Ведь сказала же: деньги кончились! — обратилась Маша в пространство.

«Может, им нужны вовсе не твои деньги? — спросил внутренний голос.— Ничего не бывает случайно...» «Да кому я теперь вообще сдалась?» — мысленно возопила Маша. «А ты спроси, и тебе доходчиво объяснят...»

Она нашла открытый прилавок с разложенными темными очками, примерила несколько пар, выбрала, прищурилась на солнце, кто-то заслонил ей обзор...

— Мария! Какая встреча! Вы по-прежнему в Москве и в добром здравии? Вашу фамилию запомнил... Ким? Ах, да, припоминаю: с Марией Ким что-то произошло...

Густые брови и морщины на лбу, изогнутые в форме фигурных скобок... «Палыч!» Маша придумала ему такое прозвище три года назад — из-за сходства со своим школьным физруком, а как, собственно, его звали на самом деле? История умалчивает.

— Я-то по-прежнему Северцева. И кому, как не вам, об этом следует помнить. А вот вашего настоящего имени узнать не довелось, — брякнула она вместо приветствия.

— Никогда не поздно познакомиться: Олег Сергеевич, — он приподнял кепку.— Как ваши дела? Торопитесь? Поболтаем немного? — и повел ее под локоть к соседней кафешке.

— Погодите, я за очки не расплатилась...

— Ах, пустяки! Могу я сделать вам маленький подарок по старой дружбе? Только не надо свирепо хмуриться! Я не пытаюсь купить ваше расположение, считайте, что я решил подарить вам не цветы, а очки...

Он пошебуршился возле прилавка и снова обернулся к Маше:

— Как насчет кофе?

Она пожала плечами:

— Спасибо. Надо на работу позвонить, вдруг что срочное?

— Да полно, Мария! Кто посмеет возразить красивой женщине, если ей захотелось посидеть полчаса в кафе со старым приятелем?

Возразить действительно никто не посмеет, но отнюдь не из-за красоты. Шеф подsunул ей сумасшедшую «Нано-виту», и это означает полное отпущение грехов.

— Пойдемте! — согласилась она. От людей из Конторы сразу отвязаться сложно, проще посидеть в кафе десять минут. А старым приятелем при желании можно счесть кого угодно — если в спину не стрелял. «Еще не вечер...» — пробурчал внутренний голос.

Палыч вел себя вальяжно, уговаривал взять десерт, но Маша ограничилась кофе: излишнее радушие этого ведомства было ей ни к чему. Хватило в предыдущей жизни.

— Что у вас хорошего, Мария? — осведомился Палыч, когда ритуальные танцы были исполнены.

— Все отлично.

— Не скучаете? Иногда бывает нужен кто-то вроде вас...

«Не думай об этом!» — приказала себе Маша. Но улыбнуться в ответ не удалось.

Собеседник сделал понимающее лицо:

— Боюсь, вы обращаетесь не по адресу,— она залпом допила кофе.

— По-прежнему не доверяете собеседникам? Вот уж не думал, что вы злопамятны!

— Есть поговорка: я не злопамятная, а просто злая, и память у меня хорошая.

— Как только вы с клиентами работаете?

— Немного иначе. Но не забывайте, что клиенты не только используют меня, но еще и платят.

Палыч развел руками:

— А ведь я к вам со всей душой.

— Была тоже рада повидаться. — Она резко встала из-за стола.

— Маша, я хотел вас предупредить чисто по-человечески: будьте осторожны. Особенно с новыми контактами. На всякий случай — вот моя визитка.

— Каков должен быть этот случай, чтобы я ей воспользовалась? — прошипела Маша.

Палыч вздохнул:

— Не пренебрегайте тем, что дают от чистого сердца. Я всегда за вас переживал. Просто поначалу между нами присутствовало некоторое недопонимание... но, как говорит народная мудрость, кто старое помянет — тому глаз вон.

— Почему ваша Контора так любит ссылаться на народные мудрости? Подставлять, использовать, да еще и глаз вон при случае — это наша национальная традиция?

Палыч развел было руками, но она пресекала возможные разглагольствования:

— Спасибо, до свидания.

— Мария, удачи вам... — прозвучало вслед.

«Весеннее обострение... — пробурчала она, перетряхивая карман, в котором скопилось множество бумажек, одна затейливей другой. — Кажется, я становлюсь объектом повышенного спроса...» И тут позвонил сын и попросил посидеть с Дашкой.

Маше нечасто доводилось работать бабушкой. Дети выросли самостоятельными, проблемами особо не грузили. Дочь серьезно относилась к новому статусу жены и матери, сидела с Никиткой сама, работала в удаленном доступе и подкидывала внука редко. А недавно с мужем и сыном уехала в Прагу, к счастью, не навсегда, а лишь на время работы мужа по контракту. Теперь Маша видела их только на мониторе, когда болтала по «Скайпу».

Сын с семьей жил недалеко от нее. Но невестке было проще оставлять Дашку с собственной мамой или с няней: свекровь есть свекровь. Маша была вольнонаемной бабушкой и немедленно бросилась выполнять просьбу. Позвонила Марковичу, тот сам был добросовестным отцом семейства и отпустил с ходу, еще раз напомнив про завтрашний визит в «Нано-виту».

— А ты уверен, что необходимо ехать прямо в субботу?

— Маша, это очень важный для нас клиент.

Впрочем, ворчала Маша для приличия: одинокие субботы ее не слишком радовали. Да и одинокий вечер пятницы не лучше, но сегодня она сидит с Дашкой.

Надо только заскочить домой, взять свитер и ботинки, чтобы гулять в парке. Залетев в квартиру, схватила вещи, на ходу распахала по карманам куртки все, что под руку попадет, и поскакала к детям.

глава 4

Дашка героически взбиралась на холм на велосипеде. Велосипед был для нее великоват, колеса скользили по влажной земле, цеплялись за корни, но Дашка стойко преодолевала препятствия. Она падала, закусывала губу, фамильным жестом выдвигала вперед челюсть, пытая и бормоча что-то, ехала дальше. Маша тихо радовалась, вспоминая собственных детей маленькими, находила сходство и с ними, и даже с собой. Как ни странно, едва уловимый разрез глаз, высокие скулы и широковатая переносица почти незаметны были в детях, а во внуках — особенно в Дашке — отчетливо просматривались. У Дашки были еще пепельные курчавые волосы, как у нее самой лет в пять.

Дашка влезла на вершину холма и вскинула ручки, подставив их под теплый ветер.

— Здравствуй, племя младое, незнакомое! — с чувством продекларировал пожилой седовласый мужчина, оказавшийся поблизости.

—...Не я увижу твой могучий поздний возраст...— машинально продолжила Маша.

— Как приятно, когда молодежь знает классику, — встряла в разговор спутница мужчины, по виду — типичная школьная «училка», а то и завуч. — Такая редкость в наши дни!

«Училок», а уж тем паче завучей Маша терпеть не могла.

— Я не молодежь, я бабушка, — ответила она жестко.

И побежала за Дашкой, которая намеревалась скатиться вниз по неровной узкой тропинке. Едва уговорила внуку не преодолевать трудности в виде корней и луж, а покататься по асфальтовой дорожке, пологой спиралью опоясывавшей холм. Парк был закрыт для проезда машин, опасаться следовало только велосипедистов. Но они, как

правило, тут особо не разгонялись, уходили дальше, на Крылатский велотрек.

Впервые стало по-настоящему тепло. Закат оказывал умиротворяющее действие, хотелось просто идти и любоваться маленькой шустрой фигуркой на фоне весеннего пейзажа. Эта неспешность — примета возраста? Никто не предупреждал, что переход в категорию старшего поколения произойдет так быстро и необратимо. Жизнь будет течь размеренно и неспешно, потому что никому от тебя ничего не надо, а потом тихо сойдет на нет? «Хорошо бы сперва помучиться», — говорил товарищ Сухов...

Из-за поворота раздался рев мотора. Навстречу из виража вылетела черная «Мазда»: тюнингованная, в обвесах, грохочущая низкими частотами динамиком, Маша чудом успела подхватить внучку и велосипед, отскочила на обочину. Машина затормозила с диким скрежетом.

— Даша, все нормально. Да?

— Я ведерко уронила... и совочек... — ее губы задрожали.

— Все хорошо, — повторила Маша, — машина быстро ехала. Мы успели отойти.

Дашка вынуждена была признать, что все нормально, и плакать передумала.

— Постой тут, поддержи свой велик. Я принесу ведро и совочек.

Маша двинулась в сторону «Мазды», подобрав по пути красное ведерко. Из машины нерешительно вылезали молодые парни лет по семнадцать, в кожаных булавках.

— Вам чего, мамаша? — наконец спросил один.

— Совочек найти не могу. Ведерко нашла, а совочка нет. Не можете, молодые люди?

— Ты бы лучше ребенка за руку держала! — взвизгнул другой.

«Голос еще ломается. Сопляки...»

— Совочек красный поищите, пожалуйста, — кротко повторила Маша, подходя ближе.

— Да пошла ты со своим совком! За ребенком следить надо!

Маша смотрела мимо них, на асфальт.

— Я нашла совочек! — Дашка радостно махала совком.

— Дашенька, я сейчас. Ты держи велик, а то он в грязь свалится.

Маша продолжала смотреть мимо и шла как бы мимо «Мазды». Пассажиры почуяли неладное:

— Слышь, тебе чего? — из салона выкарабкался третий член экипажа, кожано-булавчатый тяжеловес. — Нашелся твой совок, иди отсюда! За ребенком смотри! Оборзели, под колеса кидаются...

В этот момент Маша оказалась между двумя юнцами на нужном расстоянии и сделала два быстрых волнообразных взмаха руками. Оба куда-то укатились. Третий опешил и вытащил из багажника длинный зубчатый нож в стиле Рэмбо. Но уж когда достал — ожидал немедленного результата: женского визга, скорее всего. Или извинений.

— Ух, ты, — сказала Маша, продолжая глядеть чуть в сторону. — Нормальный нож, если арбуз порезать надо. Долларов пятьдесят стоит. В Таиланде купил на улице? Или в магазине «Полигон»? А у меня вон чего есть, хочешь посмотреть? — она ошупью вытянула из кармана чехольчик из кордуры, одним пальцем растегнула липучку...

Доморощенный Рэмбо не успел ответить. Из-под руки с легким щелчком вылетело маленькое серебристое крылышко, начало описывать круги с увеличивающейся амплитудой, потом вдруг изменило траекторию и прошло по двум ближайшим колесам...

— Ты что делаешь? — завизжал он, ища способ прошмыгнуть перед сверкающим веером. Серебристое крылышко взлетело перед его носом и отхватило кусок кожаного рукава с булавками. Парень оторопело уставился на свою оголенную руку.

— Здесь пешеходная зона. Если резко тормозить, резина портится. Вопросы есть?

Она швырнула ему под ноги отрезанный кусок куртки, предостерегающе вычертила в воздухе еще пару восьмерок и пошла к Дашке. Краем глаза заметила шевеление сзади, развернулась:

— Осторожнее! Это балисонг. Он очень острый. Не советую идти за нами, молодые люди, ни к чему это — ни вам, ни мне... — и повернулась к внучке: — Дашка, пора домой. Дяди не знали, что здесь нельзя ездить на машине.

— Почему?

— Там написано, что нельзя, а они читать не умеют.

— Ты здесь не ездешь на машине, потому что нельзя?

— Да. А они не знают, что нельзя.

— Они такие большие и не умеют читать?

— Да. И поэтому попадают в неприятности.

Дашка подумала минуту и твердо заявила:

— Я умею читать. Значит, я не попаду в эти...

—...в неприятности? Конечно, нет.

— Если прочесть много книжек, не попадешь туда?

Это был спорный вопрос. Между количеством прочитанных книг и шансом попасть в неприятности определенно существовала нелинейная зависимость. Маша не могла с ходу ее сформулировать, поэтому предпочла перевести разговор на беспроегрешную тему:

— Макароны или суп?

— Макароны, — не задумываясь, ответила внучка. — Длинные.

— Тогда пойдем скорей. Их еще надо сварить. Давай лапку!

Она окинула взглядом произведенные ею разрушения, нашла их соразмерными причиненному моральному ущербу и пошла назад, крепко держа детскую ладошку.

Маша решила не напоминать ребенку о неприятном эпизоде. За ужином она плела очередную сказку без начала и конца, а Дашка уплетала такие же бесконечные макароны. Одну особо длинную макаронину попросила отрезать. И, глядя на цептеровский кухонный нож, вдруг задумчиво спросила:

— Откуда у тебя красивый ножик?

— Какой?

— Которым ты махала.

Отмазаться не удастся, врать детям не имеет смысла. Если Дашка запомнила, надо объяснить.

— Купила.

— Как его зовут?

— Никак. Он не живой, это просто нож.

— Нет, ты сказала дядям, как его зовут.

— Балисонг, — сдалась Маша.

— Покажешь?

— Да, только он очень острый.

— Это уж я поняла, — произнесла Дашка с абсолютно взрослой интонацией.

Маша полезла в карман куртки за балисонгом. «Что ты делаешь?» — спросил ее внутренний голос. «Показываю свое оружие своей кровной внучке».

Она вытащила сложенную бабочку, отщелкнула стоппер, сделала несколько движений, Дашка смотрела внимательно и никак не комментировала.

— Понравилось?

— Да, красивый.

— Могу убрать?

— Да. Я пойду рисовать,— и, внезапно потеряв интерес к ножу, пошла к себе в комнату.

Маша кинула балисонг в сумку и отправилась мыть посуду. Дашка пробежала туда-сюда, тихо шурша, потом опять воцарилась тишина. Это было подозрительно: когда дети затихают, начинаются художества.

Маша заглянула в комнату — и замерла: Девочка держала в правой руке длинную макаронину, а в левой балисонг. Она уже откинула стоппер и собиралась выбросить лезвие. Если не перевернуть сейчас нож, она снесет себе пальчик целиком. «Не смей! Это моя кровь!» — приказала она балисонгу. Затем тихо произнесла, стараясь не спровоцировать внучку на случайное резкое движение:

— Дашенька, ты отщелкнула петельку? Тогда сразу переверни ножик. Смотри, вот так.

Дашка аккуратно перевернула нож. Пальцы будут целы.

— Молодец. Держи его посередине ладошки. Хорошо...

Если попытаться забрать ножик прямо сейчас, в открытом состоянии, Дашка неизбежно поранится. Его надо не только правильным образом открыть, но и закрыть.

— Теперь выбрасывай лезвие вот так...

Дашка воспроизвела траекторию выброса на удивление легко. Оставалась обратная петля, которую сделать было сложно, но необходимо, чтобы сложить нож.

— А теперь, пожалуйста, перекидывай его к себе. Смотри и повторяй мои движения.

Дашка, не мигая, смотрела на ее руку. Маше показалось, что взгляд был направлен куда-то за ее спину.

— Отлично. Умница! Теперь поверни и защелкни петельку. Иначе он раскроется и тебя поранит. Закрыла?

Балисонг послушно вернулся в детскую ладошку.

— Молодец. Теперь отдай мне, только аккуратно. И никогда не бери без спроса. Если его правильно открывать и закрывать, он не опасен.

Я тебя непременно научу с ним обращаться, только надо чуть-чуть подрасти, у тебя еще ручка маленькая.

И она поцеловала внучку, чувствуя, как по позвоночнику сползает холодный пот.

Приготовив все для вечерней ванны, заглянула в комнату: Дашка сосредоточенно рисовала. На картинке было изображено некое подобие человечка, окруженного разноцветными кольцами, в углу листа нависало что-то черное в красных сполохах.

— Кто это?

— Это я.

— А что у тебя в руках?

— Бас-сонг,— она продолжала накручивать разноцветные круги,— он так летает.

— А там что? Черное такое? Зверь?

— Нет!

— Человек?

— Нет...

— Он страшный?

— Нет.

— А рядом с ним?

— Это огонь. Под землей огонь. Он под землей живет.

— Зачем тебе балисонг? Ты хочешь убить того, кто под землей?

— Нет, он добрый.

— Откуда ты знаешь?

— Он приходил и смотрел, когда я бас-сонг взяла.

— Он что-нибудь говорил? — Маша по-прежнему надеялась на то, что это всего лишь полет детской фантазии.

— Нет, он потом придет за тобой.

— Откуда ты знаешь?

— Он сам сказал.

— Ты с ним говорила?

— Нет же! Он просто смотрел, как я взяла бас-сонг и с ним играла.

Потом ты пришла, и он обрадовался.

— А чего он у тебя такой черный?

— Может, и не черный. Не знаю. Там не было света,— абсолютно серьезно ответила Дашка.

— Где? В прихожей? Там свет включен!

— Нет. Там, где он был. Коридор. Вот такой...— и она, прикусив губу, стала проводить наклонные штрихи, сгущавшиеся к краю листа. Лист кончился.— Туда ушел. Придет опять,— заключила Даша, вставая из-за стола.— Бабуля, мыться пора! Слоника давай!

Маша перевела дух.

— Можно, я возьму твой рисунок с собой?

— Можно,— разрешила наследная принцесса.

— Ты только маме не рассказывай про балисонг, это игрушка для взрослых.

— Не расскажу,— пробурчала Даша,— вряд ли мама этому обрадуется...

глава 5

Когда дети вернулись, Маша очень быстро распрощалась и убежала, припрятав рисунок в карман куртки. Подошла к машине, сняла из-под «дворника» очередную рекламную листовку: то ли пицца на дом, то ли мойка авто, сунула в карман, не читая... «Вечно ты суешь в карманы все подряд,— укорил ее внутренний голос.— А потом это оказывается в руках у твоей внучки...» «Для того и существуют карманы и внучки!» — отрезала Маша.

И вспомнила немигающий Дашкин взгляд, направленный поверх и сквозь нее, уверенное движение маленькой руки. Дашка не боялась опасной игрушки, и это было естественно. Но Маша была уверена, что Дашка справится с балисонгом. Страх не было. А ведь страх — основа здравого смысла. Может, ей детей нельзя доверять? «Раньше было можно, а теперь нельзя?» — осведомился внутренний голос. Причина не в этом. Может, она утратила здравый смысл? Или вообще перестала видеть смысл в окружающем? Или изменился сам взгляд на вещи?

Дома вынула из кармана два листочка: один — с изображением балисонга и темного зверя в коридоре, другой — рекламное объявление: «Корпорация „Иммортел" приглашает вас на презентацию новых технологий омоложения...» Рядом легла бумажка с телефоном «Нано-виты». Довершали комплект две визитки: доктора прикладных наук Палыча и оружейника-антиквара. Прямо карты Таро.

Жизнь явно посылала ей сообщения, одно за другим. И так, что мы видим на этой картине?

Первой по хронологии была бумажка с телефоном «Нано-виты», написанная рукой Бори поперек рекламного проспекта. «Средства восстановления и омоложения организма», — лишь развод лохов на бабки. Ее работа — грамотно организовать этот процесс.

Далее — две визитки, всученные ей на протяжении получаса: Миклашевского — стареющего мачо, оружейника-любителя, и Палыча — нейрохирурга в невидимых погонах. Один хотел вооружить, другой предупреждал о чем-то. Один хотел оружие предложить, другой предлагал о душе подумать. И оба были как бы ни при чем. Две случайные встречи подряд?

Затем по хронологии шел Дашкин рисунок с изображением балисонга и неведомого персонажа в разноцветных сполохах. Коридор, уходящий никуда, и гость ниоткуда возникли именно после того, как Дашка впервые взяла в руки оружие... почему? В их роду необычайные способности наследуются именно по женской линии, нельзя об этом забывать. Но для того, чтобы способности проявились, нужна очень веская причина. Предельно веская. Опасности пока не видно. Но дети до пяти лет еще не вполне жители Земли, а слегка пришельцы. Их подсознание находится гораздо ближе к границе миров. Дашка инстинктивно взяла в руки оружие, потому что первой почувяла опасность.

Вслед за рисунком шла листовка косметики «Иммортел», подсунутая под «дворник»: приглашение на презентацию косметической линии. Дешевая бумага, дешевая печать, сляпано кое-как. Профессиональным глаз выхватывал из текста несуразицы. Название косметики, конечно, подкачало. Слишком сложно. Их ориентир — покупатели с низким уровнем доходов. Кто из них понимает значение слова «иммортел»? Назвали бы по-простому: «бессмертник», что-нибудь «из рецептов бабушки Пелагеи». Почему-то резало глаз название фирмы-изготовителя: НПО «Андриас». Греческий вариант имени Андрей? Тогда бы было Андреас. Прибалтийский — Андрис. Безграмотность? Чужая безграмотность давно ее не удивляла, почему тогда так неприятно видеть это слово? «Тебя зацепило название фирмы-изготовителя, потому что оно напоминает имя — Андрей, — произнес внутренний голос. — Ты забыла японскую поговорку: нельзя идти

вперед с головой, повернутой назад!» Она стукнула кулаком по столу: «Я не иду вперед, а топчусь на месте. И в этом месте слишком задержалась! Мне случайно прилепили листовку на лобовое стекло, только и всего!» — «Ничего не бывает случайно, — отвечал внутренний голос. — Назовешь имя — позовешь его владельца. И не говори, что тебе будет безразлично его появление».

Маша схватилась за балисонг, как за палочку-выручалочку:

— Ты молодец, Дашку признал и не обидел. Мы с ней одной крови, запомнил? Она станет твоей хозяйкой, когда... когда мне по каким-то причинам придется покинуть эту планету. А пока у меня поживешь.

Собираясь утром в «Нано-виту», она сунула балисонг в карман. Потом спросила себя: ты приличная женщина или где? И переложила его в багажник.

глава 6

Маша ожидала увидеть ту же даму, что приходила к ним в офис, или нечто аналогичное. Но встретили ее двое вальяжных мужчин. Оба пахли хорошим парфюмом, часы на запястьях свидетельствовали о том, что им приходится бывать в госучреждениях, а оправы очков предполагали регулярное посещение дорогих европейских бутиков. Возраст не определялся никак: мужчины такого сорта лет с тридцати пяти и до старости выглядят примерно одинаково. Если, конечно, пьют в меру. Эти явно пили в меру. Не руководители захиревшего секретного завода, которым неожиданно повезло вылезти на рынок с чем-то путным, не чиновники из местной администрации, которые присосались к удачным разработкам... Если проходимцы, то высоко-го полета.

Таких за годы работы в рекламном бизнесе Маша видела немало, но обычно с ними имел дело Боря. Она никогда не спрашивала Марковича, куда вдруг исчезали клиенты, обещавшие золотые горы. И почему изначально миллионная сделка сводилась к паре статей в дешевых изданиях или к убогой презентации. И какова связь между этими разрозненными событиями и новой «копейкой» BMW, на которой вдруг приезжала в офис жена шефа. Нельзя было отказать Марковичу в чутье: он почти всегда знал, будет ли толк от пришедшего за-

казчика, умел элегантно отделаться от отмороженных или сумасшедших. Судя по тому, как Маркович торопил Машу, «Нано-вита» была лакомым куском. Хотелось бы только знать, сколько обломится ей самой. Может, кредит на машину удастся закрыть?

Слава богу, ее не стали водить по цехам и показывать какие-нибудь грязные чаны, в которых варят мутный тибетский эликсир, а сразу привели в отдельное крыло завода: там располагался главный офис, где вышколенная секретарша варила неплохой кофе. Владельцы нанотехнологий обсуждали с ней рекламную кампанию в прессе, интернете и на телевидении, называли ньюсмейкеров, готовых к сотрудничеству. Потом заговорили о скором открытии фирменного магазина. Маша вспомнила невзрачные бумажные коробочки с надписями от руки. Сейчас ей продемонстрировали стильный дорогой дизайн: проект интерьера, сделавший бы честь самому Кариму Рашиду, многокрасочную итальянскую печать, серебряное тиснение и прочие изыски. Напоследок угостили презентацией видеоклипа — ослепительная Жанна Фриске с молодым яблочком в руках.

Маша нервно перебирала глянцевый ворох, не зная, что сказать. Потом пробормотала:

— Про видеоряд поговорим отдельно. Я собиралась предложить услуги нашего дизайн-бюро, но вижу, что в этом нет необходимости. Однако фирменный стиль весьма недешев. Когда и где вы предполагаете открыть магазин?

— В ближайшее время. Мы пока еще не выбрали помещение, но, безусловно, в пределах Бульварного кольца. Подумываем о Гостином дворе. Возможно, бутик в ЦУМе. Кстати, — собеседник сделал театральную паузу, — в следующем клипе будет сниматься Анджелина Джоли. Наш человек уже достиг договоренности с ее агентом.

Маша открыла рот — и закрыла его. И машинально полезла в сумку за сигаретами. Неслышная секретарша материализовалась с пепельницей. Клиенты молчали и улыбались.

Вряд ли сумасшедших может быть сразу двое. Она мельком бросила взгляд на визитки: Александр Васильевич и Эвальд Карлович. Не перепутать бы, кто из них кто, уж больно одинаковые. Один вроде покрутее и поулыбчивее, второй — более жилистый и продолговатый. На прибалта больше похож жилистый.

— Александр Васильевич,— обратилась она к тому, что покруглее,— возможно, мой шеф не успел до конца ввести меня в курс дела. Каков примерный бюджет рекламной кампании?

— Достаточный, дорогая Мария Владимировна, уж поверьте,— с улыбкой отвечал тот.— А лично вы на какую сумму рассчитываете?

— К сожалению, обсуждение финансовых вопросов не входит в мои полномочия. После того как вы обсудите их с моим руководством, буду чрезвычайно рада еще раз с вами встретиться.

Маша встала, давая понять, что пора закругляться. Пусть Боря сам разбирается с этой парочкой безумцев и их шапкозакидательством.

— А что тут обсуждать? — подал голос Эвальд Карлович.— Контракт подписан.

— Когда же?

— Вчера. Борис Маркович рекомендовал вас как толкового креативного директора. Вы поступаете в наше распоряжение на время действия контракта. Грубо выражаясь, Борис Маркович вас продал. Не нам лично, а фирме «Нано-вита».

— Что значит «продал»? Я не крепостная актриса...

— Если угодно — сдал в аренду.

— Что ж, и договор есть? О купле-продаже?

— Конечно, как без договора? Извольте полюбоваться,— Александр Васильевич достал прозрачную файловую папочку.

В ней лежала копия договора о сотрудничестве между их рекламным агентством и фирмой «Нано-вита» и отдельное приложение к договору, в котором было написано, что Северцева Мария Владимировна временно прикомандирована к PR-отделу фирмы для совместной разработки рекламной кампании в СМИ. Договор заключен на три месяца с возможностью пролонгации. В готовом контракте работодателем выступала «Нано-вита». На время совместной работы фирма обещала Северцевой М. В. выплачивать заработную плату как совместителю, предоставить полноценное рабочее место, оплачивать представительские расходы, транспорт и мобильную связь. Она улыбнулась, увидев цену, за которую ее продал Маркович.

— Подписывайте, Мария Владимировна, шеф все равно сдал вас с потрохами,— улыбнулся Эвальд Карлович.

— Понятно. Я буду три месяца на вас ишачить, а потом вы мне заплатите копейки, указанные в договоре.

— Подпишите, мы вас не обидим,— веско сказал Эвальд Карлович.

— ...Дай им цену, за которую любили, пусть за ту же и оплакивают цену...— продекламировала Маша. Встретила недоуменные взгляды: — Это Бродский, господа. Простите, уж больно вы меня растрогали этой суммой.

Александр Васильевич вытащил из пачки документов еще одну бумажку.

— У нас существует такая форма, как оформление страховки при приеме на работу, пусть даже временную. Завод-то раньше режимный был, и сейчас работаем с лекарственными препаратами, пожалуйста, подпишите. Остальные бумаги для страховой компании заполните в понедельник у секретаря.

Маша пожала плечами — многие фирмы пользовались различными формами страховых выплат для ухода от налогов. И расписалась на бланке.

— А вот и ваш полис. У нас скромная, но исключительно надежная страховая фирма-партнер,— Александр Васильевич вытащил из стола длинный зеленоватый конверт с логотипом страховой компании. Маша мельком глянула на верхний лист — фамилия и инициалы вроде верные...— Еще тут подпись, будьте добры.

— Внимательно прочтите, мало ли что? — задумчиво протянул Эвальд Карлович.

Маша разглядывала бланк: фамилия, имя, год рождения, номер паспорта, число, год... сумма страховки прописью... шесть нулей...

Она подняла глаза на собеседников и спросила, продолжая улыбаться:

— Рублей?

— Господь с вами, евро, конечно,— еще более лучезарно улыбаясь, ответил Александр Васильевич.

— Это что? — переспросила она, ощущая себя Алисой в Зеркалье.

— Страховка.

— От чего?

— Ну, мало ли...— пробормотал Александр Васильевич.

— «Мало ли» бывает разное,— огрызнулась Маша.— Извольте объяснить!

Эвальд Карлович подался вперед:

— Не стройте из себя гимназистку. Обычная схема. Плюс отдельный бонус в случае удачно выполненной работы. Бонус будет несколько больше.

Клиенты пристально разглядывали ее. События недавнего прошлого научили ее задавать вопрос в лоб — больше шансов получить правдивый ответ.

— Вы разглядываете меня, чтобы оценить, стою ли я обещанных денег? Позвольте узнать, откуда вы их возьмете? Ваша продукция стоит очень недорого: в пределах пятидесяти-ста долларов за флакончик. И какова бы ни была рекламная кампания, вы не отобьете и малой части своих затрат!

— Отчего же не отобьем? Очень даже отобьем.

— Рекламу в ведущих СМИ? Аренду в ГУМе? Свой магазин в двух шагах от Кремля? — Маша присела обратно на кресло: — Это просто развод лохов на бабки!

— Конечно, Маша, дорогая, конечно! По большому счету все в этом мире — развод лохов на бабки, разве не так?

— Сколько лохов вы рассчитываете таким образом развести? Такие суммы можно заработать, если только каждый житель планеты Земля купит у вас пузырек.

— Собственно, к этому мы и стремимся,— скромно сказал Александр Васильевич.

А Эвальд Карлович серьезным тоном добавил:

— И вы в этом поможете. Именно вы.

ЧАСТЬ II

*Если желаешь, чтобы мир изменился, —
сам стань этим изменением.*

МАХАТМА ГАНДИ

глава 1

Маша поспешно отступила с территории, на которой проходили переговоры. Попыталась выторговать себе работу в режиме удаленного доступа. Александр Васильевич обещал сбросить на почту все необходимые материалы, но настаивал на присутствии в офисе с понедельника. У ворот вяло болтались два охранника, по виду — отставники. Типичный маленький завод бывшего военного ведомства, кое-как зарабатывающий на жизнь. На двери проходной — синяя табличка с длинным названием «НПО Био-нано-тех-сред-мед...» с облупленными буквами. В советские времена режимными предприятиями, производившими биологические или химические препараты, руководили более или менее образованные люди, пусть и в погонах. Откуда бы тут взяться двум подобным психопатам? Ей срочно был нужен Боря. Пусть объяснит, какого черта он с ними связался? Доктор наук называется, пусть даже филологических! Неужели не видел, что эти миллионы в лучшем случае фантазия или очередная пирамида, а в худшем — тяжкий криминал: новый синтезированный наркотик или что-то еще круче. Сюжет голливудского блокбастера с Милой Йовович: бактериологическое оружие и чудо-вакцина в пузырьках от «Нано-виты»... «Обитель зла-5». «Сон разума порождает чудовищ». И почему ее вынудили застраховаться на такую огромную сумму? Где Маркович? Подать сюда Ляпкина-Тяпкина!

Она встала на обочине, закурила и стала яростно тыкать пальцами в кнопки телефона. Как и следовало ожидать, Маркович находился вне зоны доступа. А домашний автоответчик нежным голосом жены шефа сообщал, что вся семья отбыла из Москвы. «Подышать свежим воздухом решил! Свинтил по горячей путевке!» Экономный шеф всегда предпочитал отдыхать до майских праздников, пока цены на курортах не пошли

вверх. Разбираться с сумасшедшими придется в одиночку как минимум десять дней, если шеф в Турции или Греции. Но он не ездит в это время года в Турцию, предпочитает тепло. Если Боря с семьей в Таиланде или на Бали, то будет отсутствовать не меньше двух недель. Короче говоря, «подставил по полной».

Выкурив пару сигарет, Маша пришла к выводу, что не вчера на свет родилась: промурыжит безумных клиентов, набросает несколько еще более безумных концепций, а потом вернется Боря. В конце концов это не первые и не последние клоуны, которых она видела за годы работы в рекламе. «Дураков не сеют, не жнут — они сами растут. А уж на нашем Поле Чудес что только не вырастает. Надо написать Боре. Смысла в этом не много, зато душу отведу...»

Произнося вслух будущее гневное письмо, состоявшее из одной фразы «Боря, какого хрена...» с разнообразными вариациями и на разных языках, Маша свернула на МКАД и с удивлением обнаружила, что машина, маячившая в зеркальце всю дорогу, свернула туда же. Обычный фургон экспресс-доставки шел за ней почти до самого дома, но затем ушел на Третье кольцо. Никаких сюрпризов. Экстрим в ее жизни давно закончился. Осталась рутина.

Дома наскоро перекусила и разложила на столе договор, подписанный шефом. Изучала его едва ли не с лупой — невнимание к мелким шрифтам оборачивается как минимум судебными исками. Договор был похож на любой другой. Подписан отнюдь не кровью и составлен как положено. Если не считать страховки на безумную сумму. Но страховой полис с шестью нулями ей, конечно, никто не отдал. А остальное не вызывало подозрений. И все же... «Учись видеть! Учись читать!» — однажды услышанный совет был как нельзя более кстати.

На столе с вечера осталась коллекция бумажек, скопившихся в кармане. Она включила компьютер, решив поработать методом случайного поиска. Подсознание все сделает само, главное — не мешать ему. Мельком глянула еще раз на рекламу «Иммортел»: очередная дешевая косметика в стадии раскрутки. Раскрутятся понемногу, запустят линию подороже. Пока даже магазина нет — только интернет-торговля. Адрес сайта не соответствовал названию продукта: www.2050.ru. Что означает название? Неужели они обещают избавление от морщин до 2050 года? Скорее, просто нет денег на создание собственного сайта, сидят на чужом.

К тому же, сайт находился в стадии разработки. С корпорацией «Иммортел» все понятно: им спешить некуда, до 2050 года всяко раскрутятся, только вот потенциальные покупатели могут не дожить. Она отложила листовку — и вернулась к ней снова: лингвистический зуд потребовал набрать в поисковике загадочное имя «Андриас». Компьютер немедленно предложил исправить ошибку на «Андрис» или «Андреас». Она еще раз сверила написание с листовкой: НПО «Андриас». Набрала латиницей *Andrias* — и замерла: на мониторе открылся огромный список научных публикаций на разных языках. *Andrias* на латыни означало «саламандра». Эмблемой «Нано-виты» тоже была саламандра. Совпадение?

Но если разные фирмы зарегистрированы под эгидой одного НПО, что из этого следует? Почему бы им не разработать на базе одного и того же завода различные препараты — для заживления ран и для разглаживания морщин? И почему бы не создать две разные конторы: одну — для продажи косметики, другую — для продажи лекарств? Одна головная структура и много дочерних, нормальная форма развития бизнеса. А может, и нет никакой связи между неведомой корпорацией «Иммортел» и «Нано-витой», она попросту ищет оправдание для бесцельного сидения в интернете. Хотя случайных совпадений не бывает.

Бездумно пролистывала ссылки на слово *Andrias*, увидела незнакомую аббревиатуру: «опубликовано в ежегоднике ТИБХ». Оказалось, это Тихоокеанский институт биоорганической химии Дальневосточного отделения Академии наук. По ссылке попала на научно-популярный сайт, где была опубликована заметка из дальневосточной районной газеты. Статья начиналась эпически: «Каждый из нас хочет быть успешным, здоровым, красивым, молодым. Боги Древней Греции решали эту проблему, вкушая амброзию, боги Древней Индии — амриту, иранские боги — хаому, боги Древнего Египта пили воду бессмертия. Кремлевские таблетки, стволовые клетки, золотые нити... Врачам не удается найти средство, избавляющее человека от старости. А вот южные соседи заинтересовались животным, которое умеет выращивать на своем теле утраченные части. Его голос напоминает крик маленького ребенка, поэтому китайцы называют это животное „ребенок-рыба“. Это китайская гигантская саламандра (*Andrias davidianus*), самое

крупное земноводное, которое может достигать 2 м в длину, веса до 100 кг, а жить может до 100 лет...»

Автор статьи рассказывал о том, что китайские ученые совместно с российскими коллегами пытаются изучить механизм регенерации тканей саламандры. Биологи научились использовать слизистые выделения саламандр для улучшения кожи, производства косметики и лечебных бальзамов. В провинции Хунань при поддержке государственного фонда защиты редких животных был создан Центр исследования и воспроизводства китайской гигантской саламандры. Именно в этой провинции, кстати, Кэмерон снимал натуру для «Аватара»: наверняка там могло водиться что угодно, от чудом сохранившихся реликтов до неведомых мутантов будущего. И в связи с этими исследованиями упоминалось имя Ли Бэя — молодого китайского доктора наук.

Если верить автору статьи, Ли Бэй был наследником правившей в Китае Маньчжурской династии. Вопреки всем революциям и сменам режимов, элитарное происхождение дало ему особые возможности. Аспирантура и защита в России за счет государства, после возвращения на родину — сразу научные гранты, один за другим, кредит на собственную лабораторию, а затем — руководство научным центром и заповедником саламандр в провинции Хунань. Там был создан завод для переработки их полезной слизи в лечебных и косметических целях. В Китае вообще широко принято сотрудничество государственных научных институтов и коммерческих организаций.

Подробности о принадлежности Ли Бэя к Маньчжурской династии были в научно-популярной статье лишними. Благородное происхождение ученого могло оказаться обычной выдумкой. Не исключено, что журналист просто пиарил китайскую косметику, поэтому выдумывал любую чушь, чтобы привлечь внимание читателей.

Компьютер хрюкнул: пришло обещанное письмо от Александра Васильевича. Глазом не охватить было информацию о фирме «Нановита» — очень короткий список научных трудов и бескрайний перечень видов продукции, с артикулами и многочисленными примечаниями. Среди научных статей она заметила только что мелькавшую в интернете аббревиатуру ТИБХ. Автор статьи — доктор химических наук Пивоваров П. А. Глянула еще раз статью из районной газеты — там упоминался российский научный руководитель Ли Бэя, Пивова-

ров П. А. Нет ничего случайного под этим небом. Надо бы спросить при случае, заодно посмотреть на реакцию. Что из этого следует? Что «Нано-вита» может использовать совместные российско-китайские исследования? И что здесь особенного? Эликсир бессмертия... изучение механизма регенерации тканей саламандр... волшебное действие косметики, созданной на основе их слизи... лечебные бальзамы... да еще и ученый — наследник древней династии... Затравка для рекламной кампании. Оставалось продемонстрировать регенерацию каких-нибудь конечностей — и народ выстроится в очередь. Много ли заработал на дешевом пиаре безвестный дальневосточный журналист? От силы пару пузырьков с чудодейственными бальзамами да косметику для жены.

Прямого отношения к нынешней работе эти сведения не имели, но лучше прощупать почву вокруг заранее: предупрежден — значит вооружен. Публикации было два года, но больше ничего на эту тему не нашлось, имя Ли Бэя нигде более не упоминалось. Она отправила короткое письмо автору: мол, прочла вашу статью, хотелось бы знать, как продвигается чудесная китайская косметика на российском рынке.

Вслед за письмом от Александра Васильевича пришло вполне официальное уведомление из отдела кадров «Нано-вита», из которого следовало, что она должна являться на работу вовремя и неукоснительно соблюдать правила внутреннего распорядка предприятия. «Совок долбаный».

Ничего подозрительного не было в прочитанных текстах, но «Нано-вита» оставалась терра инкогнита. «Тень Маньчжурской династии пронеслась над браузером...» — саркастически прошептал внутренний голос. «Мнительный ты стал, Сидор...» Интуиция требовала действий. Маша пометалась по квартире и взялась за телефон.

Впервые в жизни она повела себя как настоящая свекровь и теща. Сначала долго болтала с дочерью, подробно выясняла обстоятельства повседневной жизни, распорядок дня, маршруты и прочие бессмысленные на первый взгляд детали — вплоть до того, есть ли в доме видеонаблюдение и консьерж. Была удовлетворена результатом, хотя видела, что дочь начала звереть от ее назойливости.

— Не обижайся, зайныка, я просто по тебе очень скучаю, и по Никитке тем более.

— Когда у тебя отпуск? Летом приезжай!

— Собиралась в июне, но сейчас заказ срочный образовался, контракт на три месяца, теперь раньше июля никак.

Потом она набрала номер сына и занудно выпрашивала его о планах на ближайшие две-три недели. Сын был занят и порывался свернуть разговор побыстрее, но Маша пригрозила позвонить невестке. Ему пришлось отвечать на вопросы самому. Сегодня они собирались на концерт модной группы, Дашка оставалась с няней. А завтра поедут на дачу к другим родителям. Короче: отстаньте, мамаша, у нас своя жизнь.

Нажав отбой, Маша села в позу медитации. Закрыла глаза, дышала медленно, постепенно погружаясь в бездумное состояние. Прислушалась: опасности не было рядом, но и покоя ничто не предвещало, невидимые черные волны плескались во тьме совсем рядом. Медитацию прервал телефонный звонок.

— Ма, ты дома? Можешь приехать с нашим запасным ключом? Мы ушли на концерт, те родители на даче, а няня с Дашкой ходила в поликлинику и ключи где-то посеяла.

— Конечно. Скажи, что я буду через двадцать минут.

Сама по себе потеря ключа была сущей безделицей, но на фоне предыдущих неожиданностей наводила на размышления. И что они забыли в поликлинике в субботу? Дашку с рождения записали в платную семейную клинику неподалеку от дома, возможно, они работают и в выходные.

Маша долетела до квартиры сына за четверть часа, благо в выходной пробок почти не бывает. Няня с Дашкой сидели на качелях возле дома, Дашка обрадовалась бабушке, кинулась навстречу и спросила:

— А у тебя бас-сонг с собой?

— Тсс... — шепнула Маша, — при взрослых об этом не надо говорить.

— Ты мне его отдашь, когда я подрасту?

— Отдам, раз обещала.

— Мне надо вырасти докуда?

— Вот досюда, — не задумываясь, Маша провела ладонью по своей талии. — Досюда достанешь — и получишь. А пока — тсс... у тебя столько игрушек дома! Лучше скажи, что вы в поликлинике делали?

— Что-то с пальцем, — внучка пожалала плечами, совсем как ее мама, — не знаю, зачем. Укололи.

— Больно было?

— Немножко. Но я не плакала, я ведь уже взрослая и без мамы хожу в поликлинику.

— Покажи палец!

Дашка протянула вымазанный йодом палец. Наверно, нужно было сдать анализы для детского сада. Хорошо, что теперь есть платные клиники, где это можно сделать в субботу, а не в рабочее время.

Маша уточнила маршрут и прошлась до поликлиники и обратно, шаря по оттаявшим песочницам в поисках ключа. Бесплезно. Решила отпустить няню домой после ужина. Заглянула в детскую: внучка сама включила телевизор, она еще ползала, когда научилась обращаться с пультами. Дашка стояла вплотную перед широченной плазмой, по экрану которой скакали японские рисованные ниндзя. Эльфийская принцесса с пепельными кудряшками, в одной домашней туфельке, в розовой майке со слоником и белых колготках, прикусила губу и начала повторять движения за персонажами мультика. Звук был выключен, Дашка двигалась в полной тишине: блок — удар — атака — защита — разворот...

— Дашенька, иди ужинать! — позвала няня.

— Я пока за сигаретами в машину спущусь! — крикнула Маша. Но достала из багажника не только сигареты.

Вернувшись, немедленно выпроводила няню домой. Дашка лениво ковыряла вилкой в своей фирменной миске.

— Ешь быстрее, у нас очень важное дело!

— Бабуля, ну где важное дело? — та продолжала ковыряться в цветной капусте.

— Смотри! — Маша показала ей балисонг в чехле. Принцесса мгновенно умяла ужин.

— Помнишь, когда он будет твоим?

— Когда я дорасту досюда.

— Верно. Но сначала ты должна научиться кое-чему. — Она убрала балисонг в карман.

Из причиндалов для тренировок, всегда лежавших в багажнике, Маша выбрала для Дашки деревянный меч — боккен — причем не игрушечной длины, но облегченный, полый. «Вроде как особо и ни к чему, да выбросить жалко, авось пригодится», — думала порой. Вот и пригодился.

— Смотри! — она сделала несколько быстрых рубящих движений. Дашка взяла деревянный меч и с трудом удержала в ручонке, но бабуля была неумолима:

— Научишься с ним обращаться — как раз дорастешь до балисонга. Послушай...

Деревянный меч был выточен с желобком снаружи, поэтому свистел при взмахе как настоящий.

— Кто свистит?

— Меч. У любого меча есть голос. Даже у деревянного. Голос меча слышен, только если удар нанесен правильно. Запомнила? Попробуй. Надо постараться, чтобы меч заговорил с тобой! Только маме с папой не рассказывай...

— Они же сами про это не спросят,— ответила Дашка и встала в боевую стойку, подражая ей...

Родителям никто ничего не сказал. А Маша, уходя, настоятельно попросила сына сменить замок.

глава 2

Рано утром ее разбудил звонок дочери:

— Ма, у тебя все в порядке?

— Конечно, насколько все может быть хорошо у спящего человека. А что? У тебя другие сведения?

— Приснилось разное...— в голосе дочери слышалось недоверие.— У тебя точно все ОК? Извини, что разбудила.

— Ерунда, мне все равно на тренировку пора собираться.

— Ох, мама...— дочь и сын категорически не одобряли ее интереса к единоборствам, проснувшегося на пятом десятке, но ворчали больше для приличия: их мама была относительно молодой и здоровой. А они поняли, глядя на ровесников, что бывает иначе.

— Пока-пока, целую вас.

Маша недоуменно уставилась в потолок: дочь не страдала излишней сентиментальностью. Однако необыкновенные способности Саламандры, в том числе и мощная интуиция, наследовались именно по женской линии.

Ей действительно пора собираться на тренировку, по воскресеньям начало в 10 часов. И лень, а что поделаешь? Железная воля...

Пыльный подвальчик находился в пяти минутах ходьбы, но сегодня она поехала на машине, чтобы оттуда отправиться в супермаркет. Вынула из багажника сумку со всем окинавским боевым арсеналом, подумав, сунула во внешний карман балисонг.

Весна действовала на мужской контингент клуба разлагающе, брачные игры сказывались на посещаемости. Сегодня в зале она увидела только двух пацанов-старшекласников, начавших заниматься пару месяцев назад. Не было и сэнсея. Ей пришлось самой вести тренировку, пацаны косились, но слушались: все-таки у нее был черный пояс. Разучивать стандартные формы им было скучно — мальчики не любят играть гаммы... Маша достала окинавские игрушки и предложила мальчикам выбрать оружие. Показала начальные приемы обращения с предметами. Один взял длинную палку, бо, другой — трезубцы, саи. Маше оставалось только следить, чтобы пацаны в азарте друг другу не выкололи глаза.

В зал заглянул мужчина лет тридцати пяти в черном спортивном костюме.

— Здравствуйте! Марат не приходил?

— Пока нет.

— Мы договаривались насчет тренировки...

— Проходите, пожалуйста. Я, конечно, Марата заменить не смогу, но это время в клубе — наше.

Молодой человек кинул рюкзак в угол, несколько минут попрыгал там для разминки, потом подошел ближе:

— Марат говорил, что вы любите с традиционным оружием работать. А ножевым боем не увлекаетесь?

— Здесь запрещено. У нас спортивное карате. В крайнем случае — только приемы самообороны.

— Да, конечно. И все-таки, давайте попробуем? Я был у Марата инструктором по армейской рукопашке, он бы мне разрешил. Пацаны, — обратился он к ребятам, махавшим палками и трезубцами, — может, займемся самообороной? Факультативно? На улице-то к вам с ножом подойдут...

Гость улыбался, шурился то на Машу, то на мальчишек. Ей очень не нравилась эта улыбка. Ребята меж тем сложили окинавские игрушки и приготовились к «мочилову».

— У меня в багажнике есть деревянный нож, танто. Я могу принести,— сказала Маша, тоже улыбаясь и медленно разворачиваясь к двери.

— Да ладно, мы никому не скажем! — парень улыбался еще шире, а в руке у него поблескивало лезвие.— Давайте попробуем пару приемов разучить, а ребята посмотрят.

Пацаны радостно закивали: им хотелось посмотреть, как вновь пришедший уделает тетку с черным поясом. А ее, Машу Северцеву, тупо разводили «на слабо». «Ты взрослая женщина или кто?» — осведомился внутренний голос. «Или кто!» — мысленно огрызнулась она и поклонилась сопернику.

По его ответному поклону стало понятно, что карате он видал только в кино. Но взгляд сразу стал цепким, лицо сузилось, скулы заходили. Перед ней стоял опытный боец. И нож у него был не дешевый, еле заметный в руке. И встал он заранее так, чтобы солнце било ей в глаза. Маша приготовилась к учебной схватке: один наносит удар, другой уходит, захват, бросок, отъем ножа, объяснение — так учат самообороне. Ничего подобного: он просто сделал обманное движение и нанес удар. Выпад, другой... сначала она просто уходила, но противник, пожалуй, не уступал в скорости. Минуты две или три пыталась понять правила игры, потом едва не пропустила выпад в горло. А удар-то был нешуточным! Ей давно не доводилось всерьез обороняться.

— Может, покажем что-нибудь помедленнее? — спросила Маша, держа дистанцию. Противник едва заметно улыбнулся — и выбросил нож обратной петлей. Если бы не давние уроки, ее живот был бы распорот. Рукав затрещал. Зацепил, что ли? Пора было перехватить инициативу. Маша демонстративно замерла и обратилась к зрителям:

— Смотрите, ребята: я не могу перехватить его руку, потому что он меня порежет. Я не могу атаковать, потому что солнце бьет в глаза. До бесконечности уходить от ударов к нему за спину я не могу. Ситуация тупиковая, что посоветуете?

— Туда... нет, туда! — пацаны стали давать советы. Противник на мгновение отвлекся. Этого было достаточно. Она ушла в предельно низкую стойку змеи, потом перекатилась на край татами, где лежали рюкзаки мальчишек и ее сумка. А во внешнем кармане сумки был припрятан балисонг. Через долю секунды в ее левой руке замелькал

серебристый веер, противник развернулся к ней — и был ослеплен солнечным зайчиком от лезвия. Балисонг замер на реверсе перед его подбородком...

— А теперь захват, отъем ножа и удержание,— закончила Маша тоном классной дамы, проверяющей домашнее задание.— Повторим для ребят?

Сложила балисонг, отбросила ногой чужой нож и наклонилась над противником, удерживая его на болевом приеме. А чтобы долго не раздумывал, повернула кисть, и поверженный застучал по татами.

— Неплохо, неплохо,— пробормотал он, поднимаясь и потирая запястье.— Понравилось, ребята? Кстати, у нас через неделю открывается фестиваль боевых искусств, там будут представлены разные стили, федерации. И поединки фулл-контакт будут, попробуете себя. А то Марат вам не разрешает, я помню, он у нас всегда считался гуманистом. Вы приходите непременно,— обратился он непосредственно к Маше,— вам понравится. Там будут еще люди...— он слотнул слюну,— вроде вас...— встретил Машин немигающий взгляд и спешно продолжил: — Марат говорил, вы с мечом работаете. Некоторые зарубежные мастера хотели бы посостязаться с нашими. Мы как раз думали, что показательные выступления всегда смотрятся красочнее, если в них участвуют представительницы прекрасного пола. Возьмите приглашение.

Он достал конверт с ярким глянцевым прямоугольником.

— Жаль, у меня с собой только одно оказалось. Не волнуйтесь, ребята, я через Марата передам приглашения всем. А вы, Маша, позвоните мне накануне, скажите точно, придете или нет.

— Я работаю, заранее ничего обещать не могу...

Маша вертела в руках конверт, соперник жестом попросил его на минуту, написал на обороте телефон и вернул:

— Позвоните по этому номеру. Мне кажется, вы придете. Я в этом уверен.

— Откуда такая уверенность?

— Мало кто умеет обращаться с мечом. Это большая редкость в наши дни. А там именно для вас найдется достойный противник.

— Это приглашение или вызов? — вежливо улыбнулась Маша.

— Можно по-разному сказать,— еще более вежливо улыбнулся в ответ молодой человек.

«Каков вопрос — таков ответ...» Они уперлись друг в друга взглядами и секунд тридцать стояли молча. В зале стало совсем тихо, слышно было, как сквозняк гоняет пылинки по татами. Молодой человек кивком попрощался и вышел. Заниматься дальше всем расхотелось. Пацаны откланялись и убежали в раздевалку.

Она увидела незнакомый адрес: клуб единоборств в новом спортивном комплексе, где-то возле МКАДа, в спальном районе. Убрала конверт, вышла на улицу, набрала номер Марата: естественно, абонент был недоступен. Боря подставил под двух буйнопомешанных клиентов, Марат — под спецназовца-маньяка... не слишком ли много совпадений? И что означает приглашение? И откуда незнакомец узнал ее имя? От Марата?..

«Кто-то вызвал тебя на поединок», — резюмировал внутренний голос. «А за что? Кому я мешаю?» — мысленно возопила Маша. «Какая разница, вызов есть вызов...» — «Верно. Но на чем я буду драться? У меня и меча-то нет!» «Меч сам найдет того, кто будет его беречь», — процитировал внутренний голос древнюю вьетнамскую легенду.

Весеннее обострение набирало обороты. Маша прекратила непродуктивный внутренний диалог и отправилась за продуктами. Бродя по супермаркету, крепко придерживала сумку с кошельком и документами — когда случайности следуют одна за другой, надо быть внимательнее. Больше недоразумений не случилось. Кроме досадной мелочи: на ее излюбленном месте при въезде во двор стоял фургон экспресс-доставки. Придется теперь парковаться на другой стороне улицы. Она волокла безразмерные желтые пакеты через дорогу, когда заметила, что из фургона вышел молодой человек в фирменной бейсболке.

— Здравствуйте! В подъезд впустите? У меня посылка...

Она с изумлением разглядела на толстом конверте с кучей марок свой адрес на двух языках.

— Боже, Раиса Ефимовна!

Расписалась не глядя, схватила конверт и кинулась домой.

Прошло больше года с тех пор, как любимая соседка покинула их дом. Раиса Ефимовна была одинока — ее семья погибла в июне сорок первого в Белоруссии. Выжила в гетто лишь одна из многочисленных двоюродных сестер. Эта сестра уехала в Штаты в начале перестройки, переписывалась с Раисой Ефимовной, звала к себе, но

потом умерла. Остались племянники, с которыми Раиса Ефимовна переписывалась время от времени. Три года назад внучатая племянница приехала из Сан-Франциско в гости, быстро поняла, до какой степени инвалиду в России жить невозможно. В течение полугода оформила нужные бумаги, проявив при этом многовековое еврейское упрямство, и увезла любимую соседку доживать свой век в человеческих условиях.

Маша поначалу беспокоилась за нее: как старые цветы из старых горшков лучше не пересаживать, так и старых людей лучше не вырывать из привычной среды. Однако бесстрашная партизанка ничего не боялась ни в девятнадцать, ни в девяносто. Денег, полученных от продажи квартиры на Фрунзенской, с лихвой хватило на обеспеченную старость в Калифорнии. Вопреки мрачным прогнозам, соседка пребывала в добром здравии, передавала приветы через общих знакомых, а теперь прислала целое письмо и пачку фотографий. Вероятно, Раиса Ефимовна была единственным жителем Америки, который посылает фото обычной, а не электронной почтой.

Маша разглядывала сияющие лица ее родни, калифорнийские пейзажи и красивые дома. Отдельно была представлена чудо-коляска: на ней Раиса Ефимовна каждый день совершала променады в компании специально обученного молодого человека из социальной службы. Раз в неделю родственники забирали ее на обед в ресторан. Она очень тосковала по Москве. Но на родине после перелома шейки бедра могла лишь смотреть в окно и перемещаться по квартире при помощи ходунков. А теперь...

Пальмы качались за спиной Раисы Ефимовны. Плечи бывшей партизанки-героини украшал парадный пиджак с целой коллекцией орденских планок. Теплый ветер с залива шевелил ослепительно-седые кудри. «Здесь парикмахер никуда не годится, какой-то индус, видишь, на что я похожа?»

Рядом с ней сидели еще двое пожилых людей с советскими орденами — дети и внуки устроили праздничный обед для своих стариков-ветеранов по случаю 23 февраля. Рядом с Раисой Ефимовной стоял видный седовласый мужчина с палочкой, с орденскими планками, в белом парадном кителе явно американского происхождения. «...Там за соседним столиком сидел такой мужчина, прямо Марлон Брандо. Оказалось, он был морским пехотинцем. Ветеран Кореи и Вьетнама.

Типичная американская военщина. Молодой еще, лет семьдесят, не больше. И знаешь, подошел к нам, сидел, спрашивал, где мы воевали, Ниночка переводила. Потом взял мой телефон и теперь куда-то приглашает все время, на черта он мне нужен... у него дом в Калифорнии и еще дом в Техасе. И сыновья его пошли по стопам отца и стали „морскими котиками“. Хочет меня с ними познакомить. Зачем? Вот чудной! Но вообще славный человек...»

И конечно, добрая Раиса Ефимовна по-прежнему желала ей встретить хорошего человека, с которым никогда не будет ни скучно, ни грустно. «Только не доверяй всяким проходимцам, ты всегда думаешь о людях лучше, чем они есть».

Письмо было написано племянницей под диктовку: к сожалению, после инсульта пальцы правой руки у Раисы Ефимовны плохо слушались, писать самой ей было затруднительно. Машинально отметила, что племянница делала смешные ошибки — сказывались двадцать лет, прожитые в англоязычной среде. Особенно смешно в ее исполнении выглядело советское выражение «американская военщина» — Маша насчитала в нем шесть ошибок. «...Обнимаю тебя, деточка моя, здоровья тебе и всем твоим близким! Пришли мне фотографии своих ребят. Подумать только, мне 93 года, а я все живу и радуюсь этому. Наверно, я живу за всех родных: за маму, за сына, за мужа, за сестер и братьев...»

После отъезда соседки ей казалось, что двери в прошлое захлопнулись навсегда — никто в целом мире больше не назовет ее деточкой. И вот снова невидимая добрая рука протянулась через океан и погладила по голове. Добрый знак. В конце был указан и электронный адрес племянницы, но Маша решила, что непременно отправит письмо почтой и вложит в конверт фотографии детей и внуков.

Отложила в сторону конверт и бланк экспресс-доставки. А фургончик-то такой попался ей вчера на МКАДе. Совпадение. Ерунда. Случайность. «Ты сама в нее веришь?» — осведомился внутренний голос. «Да мне все равно». И это была чистая правда: ей по большому счету все равно, что будет завтра. А это неправильно, Раиса Ефимовна осудила бы ее. Надо любить жизнь, и она ответит тебе такой же любовью.

Три года назад, после своей фантастической одиссеи, Маша делала дома ремонт и несколько дней ночевала на маленьком диванчике у Ра-

исы Ефимовны. Та ни о чем не спросила, хоть и видела по лицу, что многое изменилось в Машинной жизни. Просто сказала: «Все образуется. Главное, чтобы все были живы и здоровы». Дежурная фраза именно в ее устах обретала почти библейский смысл — как, впрочем, и любая банальность, сказанная девятистолетней еврейской женщиной.

Права Раиса Ефимовна: все живы и здоровы. Дети выросли, ее главная задача теперь — помогать им по мере необходимости и не создавать проблем по мере возможности. Слава богу, у нее есть работа, за которую платят и которую она умеет делать. Миллионы людей живут и не рыпаются. Чем она от них отличается, собственно говоря? Если ей надо работать с безумными клиентами из «Нано-виты», она будет работать с ними. «Жизнь такова, какова она есть, и больше никакова», — однажды написал поэт Владимир Костров, бывший секретарь московского отделения Союза писателей СССР. Умел формулировать, хоть и секретарь! «Жизнь интересней, чем поиски ее смысла», — говорила Раиса Ефимовна. Надо лучше делом заняться. Например, кимоно постирать, чтоб высохло, пока закатное солнце не ушло с балкона.

Она развернула хлопковую черную куртку. Чуть выше локтя рукав был разрезан. Неужели странный гость на тренировке действительно зацепил ножом? Задрала рукав майки, увидела засохшую широкую красную полосу на коже. Ничего себе! Итак, ей пообещали уйму денег неизвестно за что и вызвали на поединок неизвестно почему. Взгляд упал на лежавшие возле компьютера визитки: спецслужба и оружейник. События развиваются по системе «все включено». «Учись видеть! Учись читать...» — советовал ей три года назад один мудрый старший товарищ. К сожалению, спросить совета у него Маша не могла — в тех краях ни «Скайп», ни «аська» не работают. Жаль, Стива Джобса не стало, иначе с iPad можно было бы позвонить в другое измерение.

глава 3

Утром Маша проснулась раньше будильника и на удивление легко. Время рефлексии закончилось, наступило время действия. На улице светило солнце, дороги подсохли от весенней грязи, она долетит туда за час. Непонятно, правда, зачем Маше сидеть в офисе и что конкретно нужно заказчикам, но кто платит — тот и музыку заказывает.

Съезд с трассы был перекрыт, там что-то оживленно раскапывали. Пришлось проехать дальше. Дорога достаточно быстро вывела ее к зданию завода, только с другой стороны. Она припарковалась в подсохшей луже. Встала возле закрытого шлагбаума, приготовившись к объяснениям, но в полосатой будке никого и не было. Пешком пересекла широкий двор, удивляясь свободе передвижения: «Режимное предприятие называется: заходи, кто хочет!» Будущие миллионы «Нано-виты» казались все более и более мифическими.

Заглянула в первую дверь — никого. Подошла к следующей двери, подергала, прошла внутрь, попала в длинный белый коридор. Одна из комнат была открыта: нечто вроде лаборатории, со столом, уставленным пробирками. А на стеклянном подносе лежал, как ни странно, нож. Хороший армейский нож с лезвием из вороненой стали. Очень похожий на тот, которым вчера незнакомый боец порезал ей плечо и рукав кимоно.

В коридоре раздались шаги и чей-то голос:

— ...еще не закончили, но по всем показателям это на сто процентов то, что нам нужно! — Вошедший говорил по телефону и одновременно разглядывал лист бумаги. Это был высокий крепкий мужчина, немного моложе ее, в халате и в медицинских перчатках. Он не сразу заметил неожиданную гостью и вздрогнул от неожиданности: — Вы кто? Образец номер?

— Я новый сотрудник.

— Новый сотрудник лаборатории? Странно, я ничего об этом не слышал.

— Нет, я буду заниматься другими вещами...

— А что вы забыли в лаборатории? Как вы сюда попали? У вас есть допуск?

— Нет, но...

Он быстро шагнул к столу, выдвинул ящик, нажал какую-то невидимую кнопку и отчетливо произнес:

— Сектор С, посторонний. Код два нуля.

И Маша с изумлением услышала топот в коридоре. Ох уж эти режимные заморочки старого образца...

— Да ладно вам,— примирительно сказала она, стараясь не двигаться слишком резко, чтобы собеседник не выкинул еще что-нибудь,— я ваш новый креативный директор. Спросите Александра

Васильевича или Эвальда Карловича. Первый раз приехала на работу — и такой прохладный прием? Боюсь, что начальство будет вами недоволено... — при этом она продолжала внимательно следить за его движениями и медленно двигалась к выходу.

— Стойте! — хозяин лаборатории сделал попытку схватить ее за рукав. Маша рефлекторно вывернулась и выкрутила его запястье болевым приемом. Чему-чему, а высвобождению от захватов ее хорошо научили в предыдущей жизни. В этот момент в комнату ворвалось двое в форме секьюрити, а еще двое, вооруженные пистолетами, замерли в дверном проеме:

— Не двигайся! Отпусти его!

Не нападают, ждут команды — хорошо. Башку сразу не снесут. Можно договориться.

— Моя фамилия Северцева. Я ваш новый сотрудник. Александр Васильевич или Эвальд Карлович должны были предупредить, наверняка на мое имя выписан временный пропуск. Я прошла через шлагбаум и случайно попала сюда. Вероятно, мы с молодым человеком друг друга не поняли. Позвоните руководству и проверьте.

Охрана задумалась. А мужик в белом халате вдруг переспросил:

— Ваша фамилия Северцева?

— Да.

— Я вам кое-что покажу...

Он протянул вперед свободную руку с зажатым в ней листом бумаги. Маша лишь мельком взглянула на нее и, продолжая удерживать его запястье болевым приемом, скомандовала охранникам:

— Позовите старшего!

Ждать долго не пришлось — из коридора в лабораторию вломился свирепый дядька в камуфляже, с рацией в руке.

— Фамилия?

— Северцева. Мария Владимировна. Креативный директор.

— Северцева... — рявкнул он по рации. — Сотрудник?.. образец?.. точно?

Услышал неразборчивый ответ, махнул рукой охранникам:

— Все под контролем! Есть в обоих списках, общий доступ в сектора А и В.

— Может, объясните, что происходит? — поинтересовалась Маша.

— У вас нет допуска в этот сектор. Да отпустите же...— он пренебрежительно кивнул в сторону мужчины в белом халате.

Маша ослабила хватку, мужчина, морщась, отскочил в сторону и на всякий случай отодвинул стеклянный поднос с лежавшим на нем ножом.

— Мария Владимировна, предъявите ваши документы,— попросил дядька в камуфляже.

Она протянула бумажник с правами и служебным удостоверением.

— А разве вам временный пропуск не выписали?

— Может, и выписали, только я об этом не знаю. Но в субботу, когда я вошла на территорию, меня никто ни о чем не спрашивал.

— Вы были в административном корпусе, а здесь территория НПО, у нас другие правила. Видите, сколько проблем...— он покачал головой, вернул документы и протянул сине-белый картонный огрызок,— покажете это на выходе. У нас режимное предприятие и инструкции, которым все должны следовать. Покиньте лабораторию немедленно. Я скажу, чтобы вас проводили в главный офис.

Маша сложила документы в сумку и пошла по коридору под конвоем из двух охранников и их начальника. Возле выхода она опять увидела мужчину в халате, который яростно орал в трубку:

— ...я отказываюсь работать с такими сотрудниками и тем более — с такими образцами...

Начальник охраны покачал головой. И только у выхода позволил себе улыбнуться:

— Неудобно получается, Мария Владимировна: первый день работаете, встретили нашего заведующего лабораторией — и сразу его на болевой прием?

— У него на лбу ученая степень не написана,— огрызнулась Маша,— и он слишком резко схватил меня за рукав, вместо того чтобы поздороваться. Лучше бы за порядком смотрели, кто угодно может войти.

Мужик косо поглядел на нее и незаметно хмыкнул:

— Что за профессия такая — креативный директор? Где этому учат?

— На филфаке МГУ,— обворожительно улыбнулась Маша.

— А хватку и удержание вы там проходили?

— Факультативно,— еще более обворожительно улыбнулась Маша.

Он еще раз хмыкнул, потом посуровел:

— Позаботьтесь о пропуске. И давайте без недоразумений. Я вообще мог вызвать вневедомственную охрану и задержать вас до выяснения. Проводите в сектор А! — бросил через плечо одному из охранников.

Тот повел ее через двор и мутные бетонные постройки в сторону главного офиса, сверкавшего стеклопакетами и свежескрашенными стенами. Людей почти не было, а те, кто попадался, в основном носили камуфляж и походили на отставных военных. Маша убедилась, что НПО охраняется. И что-то еще не давало ей покоя. Все непонятное вызывает подозрения. Нож? Мало ли ножей на свете.

Заводик, скорее всего, раньше работал на оборонку, а теперь промышляет побочными разработками. Пилят бюджетные деньги. Но это ее не касается. Лучше не вникать. «А вот заламывать руку первому встречному не стоило. И не стоило оставлять балисонг в багажнике. Если у тебя появляется оружие, значит, для этого есть скрытые причины. И Дашка почуяла их фамильным нюхом. А ты упустила что-то очень важное, вспоминай». Дашка... причем здесь Дашка?.. Зацепка была совсем рядом.

Сопровождающий открыл перед ней очередную дверь и вывел в знакомую приемную, где вышколенная секретарша улыбнулась чуть менее радушно, чем в субботу, и сказала:

— Вы опоздали, Мария Владимировна.

— Александр Васильевич не предупредил меня насчет пропуска...

— Все улажено, — секретарша протянула пластиковую карточку с ее фотографией и чипом. — Кофе?

Маша залпом выпила кофе, секретарша проводила ее в кабинет без окон, где был приготовлен девственно-чистый стол и компьютер.

— Александр Васильевич... — начала снова Маша.

— Он в срочной командировке.

— Эвальд Карлович...

— Он тоже отъехал. Можете приступить к работе, обед у нас в 13 часов, откроете дверь своей карточкой, тогда я покажу вам, где столовая. Если вам что-то потребуется, нажмите эту клавишу интеркома. Сейчас прошу меня извинить, важное совещание.

Маша не успела и рта раскрыть, как дверь захлопнулась.

И, как ни странно, она не смогла открыть ее изнутри. Нажала клавишу на интеркоме — никто не ответил, видно, совещание было и впрямь очень важным. Она походила по пустому кабинету, взяла пепельницу, закурила и включила компьютер. Как эти люди себе представляют ее работу? Пришла утром, села за стол и начала думать? В 13 часов думать перестала, поела и через час снова начала? Проще всего было разозлиться. Но, в конце концов, Боря вернется через неделю, а неделю она продержится. При подключении к интернету компьютер запрашивал пароль, никакое 12345 или что-то аналогично-примитивное не сработало. Чем, черт возьми, она должна заниматься здесь до 13 часов? В носу ковырять?

На рабочем столе компьютера лежала одна папка под названием «Для Марии». Копия банковского перевода на ее счет от фирмы «РосВьетОйл» — «за временную работу в аналитической группе промышленных водолазов службы охраны месторождения Дракон». Маша невольно усмехнулась: эта формулировка три года назад привела ее в состояние лингвистической комы. Неужели кто-то не поленился и проверил все проводки по ее банковскому счету? «Ну ищите, ничего кроме зарплаты и кредитов не найдете...»

Дальше было фото: сухощавый пожилой азиат в оранжевой накидке... Зыонг? Не может быть!

Последнее фото было сделано позавчера в парке: они с Дашкой поднимаются по асфальтовой дорожке, прочь от «мазды» и разбросанных рядом молодых балбесов. Причем здесь Дашка?

А под всем этим было написано: «Добро пожаловать, Саламандра!»

Несколько мгновений она ошеломленно смотрела на экран.

Откуда они знают то, о чем никому знать не положено? У нее действительно был далекий учитель по имени Зыонг, старый мастер боевых искусств из древней Школы воинов Индры, которого она не видела три года. Но та фантастическая одиссея была известна предельно узкому кругу заинтересованных лиц.

Ее пытаются напугать? Вряд ли. Подкупить? Смешно, кто поверит в их семизначные бонусы. Шантажировать? Нечем. Слишком серьезные силы были задействованы в спецоперации на Южно-Китайском море, слишком важен был результат этой операции: нефть, нефть и еще раз нефть. И ни разу за три года ни одна муха в погонах не пролетела мимо, никто ее не тревожил. В таких делах утечки инфор-

мации не бывает. Мария Ким пропала без вести во время цунами. Закрыто, сдано в архив. Если только кто-то специально не допустил этой утечки — но зачем?

Пальч! Не далее как вчера он предупреждал ее об опасности новых контактов. Что ж теперь, звонить ему и совета спрашивать? «Еще не хватало! Сама разберусь...» — пробурчала себе под нос. Что-то важное ускользало из памяти.

Еще раз попыталась восстановить ход сегодняшних событий до мелочей. Лаборатория... Мужчина в халате странно отреагировал на ее фамилию: свободной рукой протянул лист бумаги. Что там было? Зажмурилась, напрягла память, укрупнила возникшую картинку — и отчетливо увидела два слова, написанные синей ручкой наискосок в верхней части листа: «Северцева Дарья».

Она стиснула пальцы так, что показалось: еще чуть сильнее — и кожа на суставах лопнет, а по крышке стола заскребут когти.

Попытка позвонить сыну ни к чему не привела — мобильная связь не работала. «Мышеловка захлопнулась», — констатировал внутренний голос. Абсурд происходящего мог бы ее насмешить, если бы не одно обстоятельство: косвенное присутствие Дашки. Лично о себе Маша не слишком беспокоилась, поскольку из обычных житейских несурязиц она всяко выкрутится, а от необычных несурязиц все равно не застраховаться. Но что может быть нужно от маленькой девочки?

Лист с анализами... В голову полезли страшилки о пересадке органов и прочие ужастики желтой прессы. Не может быть — слишком сложный путь. Да и не те времена. Заказчики любезно выложили на рабочий стол документы, из которых следует, что они осведомлены о ее необыкновенных свойствах. Знают историю ее семьи, знают, что способности наследуются по женской линии, поэтому на всякий случай приплели Дашку. Чтобы сама Маша стала стоворчивее.

Итак: она более не обладает силой, которая позволила бы ей уничтожить здесь все дотла. Но у нее есть голова, которая пока соображает, и руки-ноги, которыми ее научили неплохо пользоваться в Школе воинов Индры. Надо успокоиться.

Тело само включило в дыхательный комплекс несколько упражнений на растяжку, концентрацию и расслабление. Движения становились все более плавными и непрерывными: вдох — выдох — блок —

удар... «Освободи свой разум!» —говорила Нгу Май, учившая ее боевому стилю винь чун — стилю Королей. Теперь уроки прошлого могут пригодиться. Ей не давал покоя вопрос начальника охраны, заданный невидимому собеседнику по телефону: «Сотрудник?.. Образец?..» Анализы Даши отлично вписываются в эту схему. Равно как и случайный порез на тренировке, и нож на стеклянном подносе в лаборатории... «Образец... Объект... Где-то мы это уже слышали...» Три года назад ее необыкновенными способностями хотела воспользоваться Контора, и ценой вопроса была нефть. А теперь? Впрочем, какая разница. Саламандры больше нет. Зато есть обычная тетка, которая может сильно осерчать, если кто-то хотя бы гипотетически станет угрожать ее близким.

Лучше всего было бы отсюда немедленно смыться. Неподалеку стоит машина, в багажнике припрятан балисонг. Интересно, ее держат в изоляции просто так или наблюдают за поведением? Скорее всего, где-то висит камера. Это легко проверить. Вчера ее заинтересовала взаимосвязь между продукцией «Нано-виты» и разработками китайских ученых, изучающих саламандр. Вот и кинем кость.

Она села за компьютер и набрала во весь экран два слова: «Ли Бэй». Если предположения верны, до 13 часов ждать не придется. Кто-нибудь да заглянет. В сумке есть ручка и пара зажигалок, для продвинутого пользователя этого достаточно. А уроки Зыонга и Нгу Май сделали ее весьма продвинутым пользователем.

Дверь открылась. На пороге возник Эвальд Карлович собственной персоной. Она сделала скользящий шаг вперед, зажимая между пальцами невидимую для окружающих ручку...

— Мария Владимировна, подождите, мы партнеры, а не враги! — Эвальд отшатнулся. И к своему изумлению, Маша заметила за его спиной двух охранников с огнетушителями. «Кто здесь кого боится, Саламандра?» Она улыбнулась:

— Мне бы еще чашечку кофе. И позвольте все-таки уточнить: я сотрудник или образец?

— И то, и другое, Мария Владимировна,— не менее ясно улыбнулся в ответ Эвальд Карлович.— Как говорили классики марксизма, единство и борьба противоположностей.— И жестом отпустил охрану.

глава 4

Через несколько часов Маша стояла посреди Маросейки и пыталась без очков разглядеть крохотную схему, напечатанную на визитке оружейника Миклашевского, отодвигая кусочек картона все дальше и дальше. «Руки-то не хватает, возраст, сударыня...» — саркастически произнес внутренний голос. «Когда вокруг начинается невесть что, мой возраст никого не останавливает!» — огрызнулась она. И снова отодвинула руку с визиткой как можно дальше: перед церковью свернуть направо, перейти улицу, зайти в арку, через проходной подъезд к полуподвалу...

Заказчики требовали поторопиться. На вопрос: когда это должно быть сделано, следовал ответ «Уже». Так разговаривают только люди, у которых за спиной очень большие деньги. Природу метафизических денежных потоков ей никто не удосужился объяснить. Она была исполнителем, нанятым на временную работу. Только характер этой работы слегка отличался от привычных профессиональных обязанностей.

Ли Бэй вместе со своим научным руководителем Пивоваровым еще в России занимался проблемами регенерации тканей. Изначально ему предлагали организовать здесь СП и обещали семь верст до небес. Но молодого ученого со связями ждала блестящая карьера в Поднебесной, и он вернулся на родину. Теперь его фирма мешала «Нано-вите». Китайские бизнесмены вместе с Ли Бэем приедут в Россию на следующей неделе. Ее клиенты хотят вежливо объяснить китайцам, что рынок чудодейственных препаратов в России принадлежит только «Нано-вите». Что «Нано-вита» достигла в прикладных разработках такого прогресса, который и не снился скромному научному центру в провинции Хунань. Доказательством послужит Огненная Саламандра. Для наглядной агитации ей разрешили применить свою легендарную огневую мощь — «в умеренных дозах и исключительно в порядке научного эксперимента».

— Согласитесь, Мария Владимировна, устранение конкурентов перед массированным вторжением на рынок — одна из составляющих любого бизнеса. Сейчас придется с этого начать. Не беспокойтесь, никаких разборок в духе „маленького Шанхая". Все, что от вас потребуется, — продемонстрировать ваши уникальные данные.

Маша пыталась выяснить, чего не поделили ее клиенты с китайцами, кроме мифических будущих миллионов. Но Эвальд Карлович недвусмысленно дал понять, что ответы на вопросы она будет получать по мере выполнения текущих задач:

— Сколько глянцевого шоу обычно ложится на стол перед клиентами в вашем агентстве? Считайте, что это шоу, просто другого сорта... Возможно, у вас будет противник. Безусловно, мы обставим вашу встречу весело и ненавязчиво: банкет и дружеский поединок любителей боевых искусств из обеих фирм...

Кто-то сдал им Саламандру со всеми потрохами, и не имело значения, кто и почему. Только покупателям не объяснили, что батарейка внутри заводной игрушки кончилась. Они не знали, что свойства Саламандры безвозвратно утрачены. Вместе с генератором энергетических преобразований, оставшимся в Южно-Китайском море. Маше не хватило духу признаться. Эвальд ни словом не обмолвился о Дашке, но само собой подразумевалось, что если эти качества не продемонстрирует Саламандра, возьмутся за ее внучку. Было понятно: Маша сделает все, что от нее требуется, и никому ни о чем не расскажет. А требовалась от нее сущая безделица, — для Саламандры, конечно, а не для обычной тетки. Владельцы «Нано-виты» блефовали по-крупному и хотели использовать ее необычайные качества на полную катушку! Выбора не было. Она блефовала сама.

Подписав «контракт Саламандры», Маша напустила мифологического тумана, потребовала себе время до конца недели — «на решение частных вопросов»: «Если вы так хорошо информированы, то вам должны быть известны и мои методы...» С презрением посмотрела на предложенные ей каталоги оружия: «За кого вы меня держите?» Категорически отказалась от сопровождения в ближайшие дни: «Вы полагаете, что Огненная Саламандра нуждается в защите? И уж раз об этом зашел разговор — перестаньте гонять за мной фургон экспресс-доставки, только лишние траты на бензин...» Эвальд улыбался, как Чеширский кот, и соглашался со всем. Побойвався.

Первое, что Маша сделала, оказавшись в машине, — позвонила детям и убедилась, что все целы, невредимы и функционируют в штатном режиме. Она не смогла дозвониться оружейнику из главного офиса, пришлось ехать наугад. И теперь пробиралась в полуподвальную мастерскую любителя антиквариата, на ходу вытаскивая

из пакета остывшую картошку фри, которую цапнула в первом попавшемся авто-окне «Мақдональдса». Железная дверь в мастерскую была закрыта, звонок отсутствовал в принципе, на стук никто не реагировал. Она присела на лавочку. Картошка в пакете закончилась, сигареты пока оставались. На улице еще светило солнце, а московский дворик погружался в зябкие весенние сумерки. Лужи на глазах прихватывало льдом, капель потихоньку намерзала на мокрые голые ветки. Казалось, что не существует ни «Нано-виты», ни загадочных китайцев. Если бы не лист с Дашкиными анализами, она бы вообще считала сегодняшние события мутным предрассветным сном — тревожным, как бывают сны в оттепель.

«Ладно, устрою китайцам цыганочку с выходом или парк Юрского периода, а там и Боря вернется», — успокаивала себя Маша. Боря, естественно, не отвечал на письма и СМС, гневаться на него было бесполезно. Вероятно, он и не представлял себе масштабов бедствия. А может, слишком хорошо представлял? А что вообще знал о ней Боря? А что вообще она сама знает о Боре? Заказчики все знали о Саламандре. Они сознательно выбрали Борино агентство? Может, это у Бори не было выбора, поэтому он мгновенно слинял со всей семьей?

— Здравствуйте, барышня! — приветствовал ее хриловатый баритон. Над головой навис Миклашевский, держащий под мышкой пиво и пакет с чипсами. — Не ожидал...

— Пыталась дозвониться, у вас телефон выключен.

— Мы вчера со старым другом кутить изволили, забыл зарядить. Проходите, не стесняйтесь.

Она вошла в мастерскую, спустилась по полутемной лесенке, пригнув голову, — и ахнула. Огромный подвал с нетронутой кирпичной кладкой был весь увешан оружием.

— Да вы прямо оружейник Просперо...

— Не без этого, — ухмыльнулся хозяин. — Зря не приглашаю. Оглядитесь, девочка Суок, я поставлю чайник.

Он зашумел пакетами и стаканами где-то в глубине подвала. Маша молча бродила вдоль стен, трогая кинжалы или мечи. При ближайшем рассмотрении большинство из них оказалось тренировочным оружием для военно-исторических игр взрослых мальчиков, но сделанным на совесть. На свободных местах висела батальная живопись, сделанная под старину, в золоченых рамах. Одна стена це-

ликом была занята фотографиями — рыцарские турниры, сцены из костюмных фильмов с известными актерами.

— На этих картинах я работал как консультант, и не только. Иногда драки ставил, каскадером подрабатывал. Я был в универе мастером спорта по фехтованию, потом порвал «ахилл» и со спортом пришлось завязать, а для съемок навыки пригодились. Кстати, я запомнил ваше имя?

— Я вам его не называла. Мария.

— Очень приятно! — он галантно поднес ее руку к губам, но дистанцию держал. — Вот ваш чай. Кстати, о кино: если захотите сниматься, могу устроить, вы с оружием обращаться умеете и плюс — фактура, смешанный типаж, элемент экзотики всегда привлекает. Что-нибудь заинтересовало?

— Видите ли, Федор Алексеевич, кино и военно-исторические реконструкции — это чрезвычайно интересно, но...

— ...эти игры не для вас? Понимаю. Вам нужен реальный товар. Поставьте чашку, пусть стынет. И идите за мной.

Он открыл железную дверь в следующую каморку, осветил предварительно под ноги маленьким фонариком:

— Тут плохая лестница, аккуратнее... насколько я помню, у вас редкий стиль единоборств. Стиль Саламандры, кажется? Любопытно... не слышал...

— Старый стиль, практикуется в некоторых районах Индокитая. Мне довелось там работать.

— Очень любопытно... — бурчал хозяин, отодвигая большие листы картона.

Удивительно, что оружейник запомнил выдуманное название после случайной встречи в магазинчике. Надо быть с ним предельно внимательной.

В стенной нише оказался шкаф-купе с металлическими дверями, оружейник нажал кнопку, двери разъехались в обе стороны.

— Думаю, здесь вы найдете то, что нужно. Если, конечно, знаете, что искать.

— Пока не знаю, — растерянно озираясь, ответила Маша.

Мечи разной длины и формы, кинжалы — от старинных офицерских кортиков до изогнутых восточных, пара арбалетов. Запах гвоздичного масла смешивался с сыроватым запахом подвальной пыли.

И еще с чем-то неуловимым, вызывавшим легкий озноб. Это было настоящее оружие, за которым тянулся в прошлое невидимый кровавый след. Именно его присутствие отзывалось мельчайшими покалываниями в позвоночнике. Давно забытое чувство...

Миклашевский сел на маленький топчан, накрытый старой дубленкой, и неспешно принялся раскуривать трубку, наблюдая за гостью. Трубка вспыхивала, отражение огонька дробилось на лезвиях, посверкивавших в полумраке.

— Я ищу меч,— твердо произнесла Маша.— Вернее, наоборот.

— Что значит «наоборот»?

— «Меч сам найдет своего хозяина, который будет его беречь...» — гласит древняя вьетнамская легенда.

— Посмотрите катану во втором ряду, справа. Восемнадцатый век. Клеймо мастера из Эдо. Дорогая вещь, но она того стоит.

Она взяла в руки катану, отошла на нужное расстояние, взмахнула пару раз и прислушалась к тому, как свистнул клинок. Еще раз взмахнула, взвесила на вытянутой руке и вернула:

— Прекрасный меч. Но не мой.

Миклашевский был настоящим оружейником — он даже не спросил, почему. Молча достал следующий меч. Потом еще один. А она молча возвращала оружие и качала головой.

— Вы хотя бы знаете, какой он должен быть?

— О да...

— Похожий на тот, что был у вас раньше? — Миклашевский подошел ближе, заглянул в глаза: — Это ведь как любовь: нельзя искать похожую, все будет иначе. Или храни верность прежней любви, или ищи что-то новое, повторения быть не может.

— Вы как раз храните верность?.. — усмехнулась Маша.— Последний рыцарь? Удобная позиция, чтобы спрятаться от жизни в подвале и играть «в войнушку»...

Оружейник пожал плечами и отвернулся, сосредоточенно ковыряясь в трубке.

— Я вас обидела? Слишком сумбурный день и слишком много впечатлений. Я не хотела...

— Не стоит извиняться.— Он зажег маленькую лампу на стене. В углу висел портрет молодой женщины в простой темной рамке.— Войны бывают разные. Это Лиза, моя жена. Она была военным эпи-

демиологом, работала в «ящике». В девяностые годы уехала в экспедицию, вернулась с неизвестным диагнозом, да еще и секретным к тому же. В обычной больнице лечить было нельзя, а военные госпитали тогда нищенствовали...

— Простите меня, пожалуйста,— попросила Маша тихо.— Позвольте объяснить. Я любитель. Мне придется участвовать в показухе высшего разряда. Неудача может дорого обойтись. Я знаю, какой меч мне нужен, и знаю, где искать. Поможете?

Миклашевский поднялся, сугулясь, подошел к ней, заглянул прямо в глаза:

— Вам очень нужно?

Она провела рукой по горлу.

— Когда?

— Уже.

— Пойдемте,— он нажал кнопку, дверцы шкафа стали беззвучно закрываться.— У меня достаточно связей, чтобы подобрать аналог.

— Нам понадобится интернет.

— Для того чтобы найти оружие, мне не нужно лазить на оружейные сайты! — с возмущением воскликнул Миклашевский, закрывая дверь в свою сокровищницу.

— А мы найдем на один конкретный сайт, и вы скажете мне, сколько стоит один конкретный меч.

— Пейте чай, остыл,— оружейник опять вошел в роль ворчливого, но добродушного хозяина. Он принес Маше пряники к чаю, включил старенький комп, ветеран долго загружался с визгом и дребезжанием.

Маша собралась с духом и влезла в свой старый почтовый ящик, которым не пользовалась три года. Почти все содержимое было стерто, в одной папке под названием Not look лежало одно-единственное письмо. Оно содержало одну строку и одну ссылку на английский сайт: фото меча. Подпись гласила, что происхождение меча неизвестно, а хранится он в голландском музее с труднопроизносимым названием. Оружейник запыхтел трубкой над самым ухом.

— Как вы себе это представляете? — спросил он после долгого молчания.— Музей-то частный. Думаете, вам кто-то продаст экспонат?

Маша молчала.

— Вы представляете, сколько он стоит?

Маша держала паузу.

— Думаете, кто-то его для вас украдет?

Пауза стала еще красноречивей.

— Может быть, благородную донну устроят ируканские ковры ручной работы? — осведомился он с явной насмешкой.

— Мне нужен именно такой меч, — твердо произнесла она.

Миклашевский попыхтел трубкой, сутулясь над экраном.

— Там что-то еще было в тексте, дополнительная информация? — прежде чем Маша успела закрыть страничку, он прочитал вслух: — «Самый большой дар в жизни человека — великодушие. Двенадцатая заповедь Будды». Вы были к кому-то недостаточно великодушны?

— Не имеет значения, — она резким движением закрыла письмо.

— Я не хотел вас расстроить, простите...

— Ничего. Теперь мы в расчете!

Она взяла чашку с остывшим чаем и улыбнулась самой обворожительной улыбкой:

— Что посоветуете насчет меча? Что дешевле: купить или украсть?

— Вы с ума сошли? И то, и другое нереально дорого. И просто нереально.

— Поступим так: вы попробуете узнать по своим каналам, через знакомых коллекционеров, через кого угодно, можно ли приобрести этот меч в голландском музее.

— Переговоры займут много времени. Я могу списаться с парой знакомых в Европе, но в любом случае вопрос быстро не решится. Я бы сделал вам копию. Точную. Поверьте, она была бы ничуть не хуже оригинала. Зачем вам нужен именно этот меч?

— Федор Алексеевич! Это меч короля винь чун. Из уникального сплава. По легенде, таких мечей было четыре. Один, если верить слухам, изучали китайцы в своих секретных лабораториях, но в результате опытов клинок расплавился. Осталось два: один в голландском музее, второй неизвестно где, времени на его поиски нет. Купить или украсть, третьего не дано. Дело в сплаве...

Миклашевский не спеша отхлебнул чай, попыхтел трубкой. Оружейник улыбался. Беседа вступала в любимую профессионалами стадию развода лохов на бабки.

— Если примерно знаешь место и время создания, то и сплав можно подобрать почти точно. Поверьте, нынешние клинки ничуть не хуже тех, что сделаны в восемнадцатом веке.

— Вы не знаете, в чем секрет сплава!

— А кто знает?

— Я знаю.

Миклашевский поднял бровь:

— Барышня, что вы можете знать о сплавах такое, чего не знаю я? Насколько я понял, ваш прошлый меч был четвертым из этой серии limited edition? И что с ним случилось?

— Утонул. В море.

— Понимаю. Обычное дело. Мечи регулярно тонут в море...— Миклашевский больше не улыбался.— Почему именно такой же?

— По легенде, это вьетнамский меч, изготовленный с добавлением крови Дракона.

— Старинные вьетнамские мечи мне лично не встречались, но я смогу найти нужную информацию. А вот где мы с вами возьмем кровь Дракона? Закажем доставку через интернет? Поищем на eBay? Отыщем дилера драконьей фермы?

— Полагаю, мы обойдемся подручными средствами.

— Как я понимаю, цена роли не играет? — тихо спросил Миклашевский.

— Абсолютно. Будет меч — будет цена. Мои заказчики заплатят, сколько я скажу. Спишут на представительские расходы. Главное — сроки: меч нужен мне к концу недели.

Миклашевский задумался, подергал себя за хвост, походил туда-сюда...

— Не сходите с ума раньше времени, деточка,— наконец изрек он.— Вы не производите впечатление богатой дуры, которую можно разводить на бабки безнаказанно. И вы любите оружие по настоящему. У меня глаз наметанный. Поэтому врать не стану: сделать новый клинок за несколько дней я не смогу, и никто не сможет. Но у меня есть несколько заготовок, я могу подобрать что-нибудь подходящее. Если речь идет только о показухе, как вы изволили выразиться, то за несколько дней я доведу до ума тот экземпляр, который вы выберете. Идемте.

Он взял ее под руку, осветил на ступеньки, ведущие вниз, подошел к запертой железной двери, набрал на кодовой панели четыре знака, дверь щелкнула. Перед ней была святая святых — кузница. На длинных стеллажах лежало несколько заготовок — неотшлифованных, без рукоятей.

— Выбирайте!

Она прошла вдоль стеллажей, нашла один меч, подходивший по форме, потрогала остальные, опять вернулась к тому, что выбрала сразу, взвесила, махнула пару раз...

— Кажется, мой предыдущий меч был немного короче и легче. Но, думаю, для показухи сойдет. За пару дней привыкну.

Вытащила из сумки свою визитку и увесистый конверт с деньгами «на текущие расходы», выданный в «Нано-вите». Не открывая, протянула кузнецу:

— Это аванс. Спасибо. Могли бы послать меня или принять за сумасшедшую.

— Даже если так, что это меняет? Вы заказчик, я исполнитель. Прочее меня не интересует.

Оружейник, не глядя, сунул конверт в карман.

— Вы бы посчитали...

— Я вам верю, Маша. По части красивых жестов мы друг друга стоим. Главное, и вы мне поверьте.

глава 5

На следующее утро ей позвонила секретарша и настоятельно попросила приехать в «Нано-виту»: «Стандартная процедура при оформлении страховки не отнимет у вас много времени». Памятуя о шести нулях в страховом полисе, Маша не стала возражать, хотя за окном творилось бог знает что: зима сопротивлялась из последних сил, снег с дождем и гололед превратили город в сплошную пробку. Слава богу, она надела не офисный вариант с пиджаком и узкой юбкой, а джинсы-куртку-свитер, но через сорок минут стояния в пробке все равно не знала, куда девать ноги. Глянув в зеркало, подумала: раз ее хотят использовать в качестве Саламандры, никаких офисных вариантов в одежде больше быть не может: напротив, экзотика и восточный колорит. В пробке всегда можно найти две минуты, чтобы заняться собственной внешностью. Она вытащила косметичку, слегка утрировала азиатский разрез глаз и подчеркнула скулы, порылась в сумке и нашла несколько спиц средней длины. Три месяца назад ей приспичило связать себе шарф. Шерсть не ку-

пила, спицы с тех пор валяются... наконец пригодились. Правда, не для вязания.

— Пусть вяжут другие! — произнесла она, словно давая клятву неизвестно кому. — Нам, Огненным Саламандрам при исполнении, вязать не положено!

Высоко завязав волосы на макушке обычной резинкой, она воткнула спицы в пучок на манер восточных женщин-воинов. По крайней мере отвлеклась от состояния безнадежной озлобленности, которое нередко посещает водителей в пробках. Но в голову лезли мысли одна страннее другой. И совета спросить не у кого.

Может, позвонить Аполлинарьевичу по старой памяти? Она улыбнулась, вспомнив отставного провинциального Дона Корлеоне.

Почти два года назад Аполлинарьевич вдруг объявился в Москве. Познакомил с женой Надей — худенькой и тихой женщиной в очках, которая была не просто профессором Томского университета, а еще и автором монографии по античной литературе, переведенной на многие языки. Вероятно, их объединила любовь к Гомеру. Съездив в свадебное путешествие в Грецию, Аполлинарьевич понял, что жить там спокойнее и проще, и начал оформлять в греческом посольстве бумаги для отъезда на ПМЖ. Их ждал дом на Крите. Он улыбался, шевеля кустистыми бровями, и рассказывал, как надо будет перепланировать первый этаж, чтобы привозить Надиных внуков на каникулы. Старый волк, никогда не имевший семьи, пытался вить гнездо своими жесткими лапами... Им удалось перекинуться парой слов на кухне, Аполлинарьевич пробурчал: «Я тебе черкну, если что, приезжай». Через несколько месяцев ее встретил у подъезда невзрачный мужичонка, протянул открытку с панорамой острова Санторини: «Вам привет передают». На обратной стороне открытки указан был номер абонентского ящика в почтовом отделении маленького курортного городка на Крите. «И вот еще...» — мужичонка вынул из кармана коробочку, завернутую в шуршащую бумажку, и сгинул. Дома Маша развернула посылку, там оказались старинная греческая монетка неправильной формы и раковина. Море и деньги — таким, вероятно, было представление Аполлинарьевича о покое и счастье на склоне дней. Раковина теперь жила за стеклом шкафа, а монетка лежала в папке со старыми документами. В прошлом году, поздней осенью она собиралась отдохнуть в Греции, думала заехать на Крит,

чтобы навестить его, но не была уверена в том, что Аполлинарьевич захочет с ней встретиться. А потом тяжело заболела подруга, с которой они собирались ехать, и планы изменились. Может, оно и к лучшему. Не стоит беспокоить отставного криминального генерала, пусть доживает век в гармонии с природой и любимой женщиной.

Искать Зыонга, просить его совета бессмысленно. Она пробовала это сделать в первый год после возвращения из Вьетнама, когда привыкала заново к обычной жизни, металась в ней, сшибая углы, никак не могла примириться с тем, что дверь захлопнулась навсегда. Ее не спрашивали, хочет ли она владеть даром Огненной Саламандры, просто с размаху навьючили на спину мешок с магическими свойствами. И не спрашивали, хочет ли она с ним расстаться,— просто забрали обратно, когда опасная работа была сделана. С этим она примириться не могла. И не могла буквально ни есть, ни спать.

Просыпалась ночью, как наркоман, готовый отдать все за спасительную дозу: лишь бы еще раз ощутить приток адреналина, легкий озноб и потом — горячую волну, пробегающую по всему телу, услышать и увидеть то, что недоступно никому вокруг. Вытирала со лба ледяной пот, часами делала йоговскую дыхательную гимнастику, гнала прочь из памяти недавние события, твердила себе: «Это просто климакс подступает, гормональные нарушения, женское одиночество...» И сама знала, что лжет.

Первый год Маша боролась с бессонницей всеми видами медитативных практик, которые успела освоить в Школе воинов Индры. Но панорамное зрение и сверхъестественный слух оставались только воспоминанием, постепенно бледневшим. Часами она повторяла упражнения на скорость и реакцию, которые показывала ей великая Нгу Май, но и скорость, и реакция оставались обычными, человеческими. И сколько бы она ни концентрировалась на своей внутренней энергии, никаких метаморфоз, ни внешних, ни внутренних, добиться не смогла.

На тренировках по карате ей доводилось ломать кулаком доски: основным контингентом Марата были пацаны-старшеклассники, которым ужасно нравилось чувствовать себя крутыми. Но попытка разнести бетонный блок в заброшенном после кризиса строительном котловане закончилась скверно. А добыть огонь отставная Саламандра смогла только при помощи зажигалки «Зиппо». Она по-

курила на холодном ночном ветру, шипя от боли, и наутро пошла в травмпункт к знакомому хирургу, пряча изуродованные руки в карман. Травматолог видел ее не в первый раз, поэтому радостно получил привычный гонорар и посоветовал более не экспериментировать ни с боевыми искусствами, ни с собственными руками: «Новые не вырастут...» Огненная Саламандра могла бы поспорить с этим утверждением, а Маше Северцевой пришлось смириться. Она месяц походила с распухшим суставом на одной руке и разломанным хрящом на другой и сделала выводы: стихия огня была ей более неподвластна, материальные объекты давали сдачи. Осталась смутная надежда на стихию воды.

Начав ходить в бассейн на самые поздние сеансы, она пыталась освоить рискованные техники апноэ, вроде погружения на выдохе, которые практиковали только самые продвинутые ныряльщики во всем мире. Пару раз словила в пустом бассейне самбу — приступ судорог, потом чуть не заработала блэк-аут — внезапную потерю сознания от гипоксии. На этом бесплодная борьба за власть над стихиями закончилась. Чудо дали на время — и отобрали обратно. Game over!

Но ощущение потери было столь велико, что Маша никак не могла втиснуться обратно в обычную человечью кожу. К потере магического дара добавился устойчивый синдром «пустого гнезда»: не только сын, но и дочь с мужем в течение года окончательно решили свои жилищные проблемы. Стало ясно, что теперь Маша будет жить одна всю оставшуюся жизнь. Это было ожидаемо — и все равно тяжело. Временами она мысленно звала Зыонга: «Где ты? Скажи, куда теперь ведет мой путь? Путь воина не должен закончиться ничем!» Но старый воин не удосужился оставить Маше визитку во время их последней встречи. А ей самой было неудобно об этом просить.

Маша обратилась к знакомому востоковеду: попросила координаты профессора Ханойского университета, с которым был знаком Зыонг. Дважды написала профессору, просила передать Зыонгу, что хочет с ним встретиться, но не получила ответа. Да и что ей теперь мог сказать Зыонг? Она сделала то, что требовалось в определенный момент, не больше и не меньше. Каждый приходит в этот мир, чтобы сделать ровно то, что ему положено. Зыонг научил ее тому, что было необходимо в конкретный момент для решения конкретной задачи.

Теперь перед ней стояла одна сугубо частная задача: разобраться с собственной жизнью. Кто ее этому научит? Никто.

«Хватит учиться, жизнь скоро кончится, а ты никак не изживешь в себе синдром отличницы, — убеждал внутренний голос, пока Маша плелась по трассе за фурой, с крыши которой сплошным потоком летели в лобовое стекло вода и мокрый снег. — Ты сейчас едешь практически вслепую, но понимаешь, что ситуация изменится: или ты обгонишь фуру, или фура свернет, или кончится мокрый снег. Так и в остальном: скоро все прояснится». «А если при обгоне по встрече мне в лоб кто-то въедет?» — «Это будет твой добровольный выбор. В любом случае ситуация разрешится только так, как возможно в данный момент».

Фура заморгала поворотником, обозначая съезд на дорогу, которая вела к заводу «Нано-виты». Маша увидела у нее на боку разноцветные китайские иероглифы. Ширпотреб везут на оптовые склады, не иначе... Она решила срезать кусок пути и обогнала надоевшую фуру. Выворачивая обратно на трассу к заводу, увидела на повороте аварию. Через всю полосу раскорячился перевернутый рефрижератор, через открытую дверцу были видны мороженые туши, прямо как в кино. Рядом стояла машина ДПС и обалдевший, но невредимый водитель. На обочине пристроилась пара грузовиков на «аварийках», вероятно, участники ДТП. Ей пришлось снова подъехать к заводу со стороны шлагбаума. Грузовики разнесли весенний проселок, поэтому она с трудом нашла относительно сухое место без луж и остатков сугробов. Но на этот раз решила не экспериментировать с проходом через закрытый сектор С, а доплелась по лужам до стеклянной будки.

В офисе Машу взяли под белые руки и повели оформлять бумаги для страховки. При заполнении бесконечной медицинской анкеты ей лучше всего удавались прочерки. Особенно понравился вопрос: случается ли вам временами испытывать жжение и в каких ситуациях? «В стрессовых», — честно отвечала Огненная Саламандра. Анкету отксерили и унесли, а Маша вежливо объяснила секретарше, что у нее отныне свободный режим. Секретарша заметила изменения, происшедшие в Машинной внешности, поняла, что это неспроста, услышала металл в голосе и только тихо кивнула в ответ.

Маша собиралась уходить, когда заметила за стеклянной перегородкой группу людей. Они шли параллельным коридором в закрытую

часть корпуса, где собственно начиналась территория НПО. Впереди двигался, как всегда улыбаясь, Александр Васильевич, двое, шедшие следом, были никак не европейцами. Китайцы прибыли раньше? Странно, она бы узнала об этом первой. Что-то здесь не так. Маша пригнулась и пошла за ними, стараясь не бросаться никому в глаза. Умению быть незамеченной она тоже обязана Зыонгу. «Если ты сама веришь в то, что тебя никто не заметит, так и будет. Иди и думай, что тебя нет. Никто и не вспомнит, что видел тебя...»

— Наша машина попала в аварию. Рефрижератор пошел на обгон, наш водитель чудом спас груз. Пришлось много заплатить полицейским, чтобы они не упоминали ее в отчетах. Иначе пришлось бы показывать содержимое,— говорил невысокий китайский переводчик, семена за Александром Васильевичем.

— Вы правильно поступили, образцы не следовало показывать. Скажите, пусть укажут в отчете сумму, мой секретарь выдаст кэш на непредвиденные расходы. С грузом все ОК? Уже на складе?

— Да, только один образец из всей партии оказался бракованным.

— Мы посмотрим, что с ним делать.

— Возможно, его сразу надо утилизировать.

— Уважаемый партнер, это не ваши проблемы. Большое спасибо за то, что не подвели с доставкой новой партии...

Дальше группа свернула в боковой аппендикс коридора, где располагался пост охраны. Маша тихо вышла на улицу.

Вероятно, это китайцы из конкурирующей фирмы, которые тайком работают на Машиных заказчиков и поставляют из Китая образцы сырья, возможно прямо из заповедника саламандр. Важно, чтобы поставки приходили в срок: товар-то скоропортящийся.

Формально ничего особенного не было в разговоре. Но что-то не давала ей покоя. Она пошла к своей машине. Обогнула длинный забор, за которым виднелись серые ангары и старые кирпичные постройки. За забором торчал хвост знакомой фуры с иероглифами. Подумав, она вытащила из багажника балисонг, сунула в карман, через необъятные лужи и знакомый шлагбаум вернулась на территорию НПО. У ворот опять никого не было. Фура занимала почти весь двор. Она медленно двигалась вдоль корпуса, прижимаясь к нему вплотную и чуть постукивая по обшивке. Раздался ответный стук изнутри.

— Здесь кто-то есть? — спросила она шепотом. Повторила вопрос по-английски.

— Да.

— Кто вы?

— А вы? — Невидимый пленник говорил с сильным свистящим акцентом.

— Вам нужна помощь?

Не дождавшись ответа, Маша на карачках заползла под брюхо машины, еще раз похвалив себя за то, что надела универсальные джинсы. Фыркая от грязи, проползла дальше, нашла какую-то задвижку, дернула ее со всей дури, потянула крышку люка, которая больно долбанула ее и рассекла лоб. Она выругалась и пролезла внутрь. В углу сидел связанный по рукам и ногам азиат неопределенного возраста.

— Ли Бэй?

Тот закачал головой:

— Нет. Его нет здесь.

Маша вытащила из кармана балисонг, увидела изумление в глазах пленника:

— Что тебе надо? Кто ты?

— А тебе не все равно? Саламандра, блин! — шикнула на него по-русски, разрезая жгуты на ногах. Собралась резать хитро закрученный узел на запястьях, отметила про себя: «Жилистый какой!» Но пленник оттолкнул ее плечом:

— Потом! Надо уходить! Сейчас!

— ОК,— согласилась Маша, с уважением глядя, как проворно он вылезает из люка со связанными руками.— Бегите за мной, машина там!

Перекатилась из-под брюха фуры под шлагбаум, на полпути оглянулась — китайца нигде не было. Как сгинул. Искать его не хотелось, задерживаться — тем более. Она едва успела разблокировать водительскую дверь, как китаец оказался на заднем сиденье. Как будто проскользнул сквозь щель и лежал там, прикрывшись безразмерным желтым пакетом из супермаркета. А главное, его руки уже не были связаны!

— Куда везти? — спросила она, резко выворачивая на проселок.

— Потом. Быстрее,— коротко ответил ее неожиданный попутчик.

— Как скажете... — пробурчала она по-русски.

Маша старалась поскорее убраться из окрестностей завода и с облегчением закурила, только оказавшись среди жилого массива. Что-то капнуло со лба: тонкая струйка крови текла из-под линии волос. Она стерла кровь рукавом свитера и опять порадовалась пристрастию к черному цвету.

— Тенденция, однако...

Она глянула в зеркальце — и наткнулась на пронзительный блеск черных глаз.

— Возьми... — пассажир протягивал ей салфетку, которую быстро отыскал в куче барахла на заднем сиденье.

— Потом. Надо выехать на трассу. Там вас вряд ли найдут.

Он кивнул.

— Как тебе удалось развязать руки?

— Это несложно.

— Да? А почему тогда ты сам не убежал?

— Ждал.

— Кого? Ли Бэя?

— Нет. Но...

— Он в опасности?

— Надеюсь, нет.

Маша хотела что-то спросить, но он перебил ее:

— Молчи! Чем меньше людей задает о нем вопросы, тем лучше для всех. Ты спутала все планы. Женщины всегда путают планы... Езжай быстрее.

Маша не стала вникать в особенности азиатского менталитета и нажала на газ. Кем бы ни был неожиданный попутчик, ей не следовало лезть в чужую фуру.

Выехав на магистраль, Маша остановилась на минуту, чтобы как следует вытереть лицо и замазать подсохшую ссадину. Заодно попыталась разглядеть своего пассажира. Но тот почти лежал на заднем сиденье, виден был только длинный хвост, завязанный простой резинкой высоко на затылке, прямо как у нее самой. И еще что-то маленькое, но яркое мелькало на шее под воротником защитной куртки. На резком повороте машину болтануло в луже, ему пришлось ухватиться за поручень переднего сиденья, Маша заметила, что костяшки пальцев не просто сбиты, а представляют собой сплошную затвердевшую мозоль. «Обычно у кекусинкаевцев костяшки набиты до состояния подошвы...»

— Карате? — спросила она.

Но тот не расслышал, или сделал вид, что не расслышал. Он не хотел поддерживать разговор о Ли Бэе. Не хочет отвечать, не надо, дело хозяйское. Они были недалеко от МКАД, впереди виднелась небольшая пробка на подъезде к гипермаркету.

— Мне нужно туда. Туалет. Есть. Пить.

На всякий случай она старалась говорить коротко, чтобы собеседник правильно ее понял и не подумал, что сейчас его сдадут в полицию.

Тот закивал:

— Я долго был заперт в машине. Туалет.

Она плюнула на все правила хорошего тона, объехала слева два ряда пробки и под возмущенные гудки вошла без очереди на парковку. Выбрала место недалеко от входа, но попутчик тронул ее за плечо и твердо сказал:

— Езжай дальше.

Она злобно пожала плечами и пристроилась где-то на задворках огромного торгового комплекса.

— Пойдешь со мной?

Тот кивнул. Они вышли из машины, Маша заметила у него за плечами здоровый черный рюкзак.

— Где ты это взял?

— Забрал из грузовика. Это мое.

— Ладно, идем быстрее.

Они протолкалась через толпу ко входу. Дежурная тетка злобно велела Машину спутнику положить футляр в ящики для хранения, тот не понял, Маша переводила.

— Понаехали тут, косоглазые! — заорала тетка.

Маша глянула на своего невольного напарника и засмеялась: утренний макияж подчеркивал ее азиатские черты, оба были в черном, оба грязные, у обоих волосы завязаны в хвосты...

— Почему ты смеешься? Что она сказала?

— Что мы два сапога пара! — ответила она по-русски. Потом встретила его взгляд и тихо шепнула:

— Все ОК. Ты в безопасности. Просто мы оба грязные и похожи на бездомных. Не стоит привлекать внимание. Идем скорей.

Она отыскала туалетные комнаты на первом этаже и показала на кабинку оплаты мобильной связи:

— Жди меня здесь. Я быстро.

В туалете оттерла остатки крови с лица и грязь с одежды. Вышла через пять минут — но никого не увидела. Ее незнакомец не появился ни через десять, ни через пятнадцать минут. Он просто сбежал. Ни тебе спасибо, ни тебе пожалуйста...

«Нет человека — нет проблемы», — как говаривал один знаменитый философ-людоед двадцатого века. Маша купила какую-то ерунду, быстро прошла через кассу экспресс-оплаты и уселась в кафе на верхнем этаже, где можно было курить. Обнаружила с изумлением, что пачка была едва начата: одну сигарету она выкурила дома, другую в пробке, а третью — во время поспешного отступления с территории закрытого завода. «Эдак и курить можно бросить...» Жизнь развивалась в темпе presto и грозилась перейти к prestissimo. Стоило задуматься о дальнейших действиях.

— Ничто не бывает случайно. Куда подевался загадочный пленник, можно только догадываться. Больше тут думать не о чем.

Хорошо, что она оказалась экипирована соответствующим образом. Интересно: а если утром надеть юбку и пиджак, то окажешься на приеме в Думе или на концерте в Консерватории? «Что наденешь, то и пожнешь», — резюмировал внутренний голос. Чистая правда. Сюжет развивался по нарастающей и неуклонно требовал соответствующего реквизита. Надо намекнуть оружейнику, чтобы поторопился. Артистические натуры вроде него могут долго раскачиваться...

Миклашевский не брал трубку, и это было неправильно: Маша неожиданно оказалась в роли богатого заказчика, а богатым заказчикам принято отвечать в любое время. Вчера она проследила за тем, как оружейник забивал ее контакты в память телефона, проверила правильность написания цифр и попросила оставаться на связи. Ей не нравились бесконечные длинные гудки, она решила отправиться в его мастерскую немедленно, но потом посмотрела на часы: конец офисного рабочего дня, в центре мертвые пробки, бесполезно. Первый рабочий день в «Нано-вите» закончен, пора домой. Там тоже иногда надо наводить порядок.

К вечеру нарисовался оружейник и пробурчал в трубку, не вдаваясь в детали: «Надо поговорить, не по телефону». «Обязательно сегодня?» — «Да». Маша с тоской посмотрела на непросохшие ботин-

ки. Садясь в машину и отскребая засохшую грязь с лобового стекла, на мгновение задумалась: какого черта она прыгает за руль на ночь глядя и едет непонятно куда и непонятно зачем? Три года назад для этого были основания — пусть на грани реальности, но они были. И у нее было достаточно сил и умения для того, чтобы осуществить задуманное. Но теперь-то? Саламандры нет, осталась просто тетка. Просто Маша. Глянула в зеркальце: волосы еле прикрывают ссадину на лбу, высокие скулы, широко расставленные глаза... «Да, просто Маша. В крови которой перемешались воины разных рас и цветов кожи. Кровь Дракона обязывает... кстати, где нам взять недостающий ингредиент?»

Миклашевский встречал ее во дворе. Стоял под мокрым снегом в кожаной куртке, наброшенной на тельняшку, пыхтел трубкой, вид имел смурной, но был при этом трезв.

— Проходите, девочка Суок...

— К сожалению, я всего лишь кукла наследника Тутти. Была бы Суок — было бы проще.

— Чаю? — он обернулся в тот момент, когда Маша сняла капюшон. — Что это у вас с головой?

— С головой у меня явно не все в порядке, иначе я бы здесь не сидела. А ссадину заработала, когда ключ под машину уронила и пыталась достать.

— Звучит не слишком убедительно. Меч утопила, ключи уронила... «Не знаешь, что ответить, молчи и улыбайся». Маша улыбнулась.

Миклашевский принес чашки, при этом что-то уронив в коридоре, оно долго звенело, а он долго шепотом матерился. Сел напротив нее и уставился:

— Вы ничего мне рассказать не хотите?

— Пока нечего. Что случилось, Федор Алексеевич?

— Человек один приходил. Меч хочет.

— Больше заказов — больше денег.

— Боевой меч.

— Мало ли... Может, он занимается в школе единоборств, где практикуют тамесигири — разрубание предметов заточенным мечом.

— Вы мне будете объяснять? — взвился оружейник. — Он хочет тот же меч, что и вы.

— Как это? Меч из голландского музея?

— Представьте, ту же ссылку мне показывал. Только он хочет его купить. И готов предоставить для этого любые средства и задействовать любые каналы — официальные и неофициальные.

— Что вы ему ответили?

— Сказал, что подумаю.

— Он оставил вам телефон?

— Нет, сказал, что найдет меня сам.

— Не объяснял, зачем ему именно такой меч?

— Что-то напел про дедушку-коллекционера, явно придумал на ходу, я даже слушать не стал. Моя задача предельно проста: я нахожу способ связаться с владельцем, назначаю встречу, лечу в Голландию и покупаю меч от имени некой богатой персоны за любые деньги. Мне оплатят билет, гостиницу и выдадут на личные расходы некую сумму, которую я назначу сам.

— Надеюсь, вы не упоминали обо мне?

Миклашевский возмущенно взмахнул рукой:

— Нет, конечно. Когда он показал мне распечатку с известного нам обоим сайта, то заметил на моем лице изумление. Я сразу спросил, кто из коллекционеров послал его ко мне. Он назвал имя одного из моих знакомых. Проверить сложно: тот давно живет в Америке, мы редко общаемся. Даже если рекомендации подлинны, то таких совпадений не бывает, Маша.

— Да. Он оставил аванс?

— Порывался, но я пока не дал согласия.

— Как он выглядел?

— Обычный такой парень лет тридцати-тридцати пяти. Ничем не отличишь от десятка других ровесников. Есть такие лица: правильные, почти красивые, но не слишком запоминающиеся... Что с вами?

Маша развернулась к нему так резко, что оружейник отшатнулся, и прошипела, уставившись в лицо расширенными зрачками:

— Вы должны выполнить мой заказ как можно быстрее.

глава 6

Она вышла из мастерской оружейника в полном смятении, села в машину и закурила, чтобы привести мысли в порядок. О судьбе четырех мечей

короля винь чун знали несколько человек на всей планете. Одна из них — сама Маша, другой — Зыонг, третьего она предпочла забыть на двести процентов. Это не слишком обнадеживает. Как говорил Бенджамин Франклин, «трое могут сохранить секрет, если двое из них мертвы». Палыч знал, что ее собственный меч сгинул в глубинах Южно-Китайского моря, и не догадывался о том, что в мире остались подобные изделия. Рядом шла какая-то невидимая опасная игра, и Маша, как исполнитель низшего звена, могла только догадываться о ее истинной природе. Боже, как надоело быть простым исполнителем!

Но главная неприятность состояла в том, что, заполучив меч, Маша не смогла бы воспользоваться его энергетической мощью. Потому что была теперь никакой не Огненной Саламандрой, а просто Машей. «Боря, Боря, во что ты меня втравил?» — патетически воскликнула Маша. Кстати, не знал ли Боря чего-нибудь такого, что может ей пригодиться?

Он уехал крайне поспешно, вместе с женой и детьми. Раз ничего не сообщил ни электронной почтой, ни по телефону, значит, чего-то опасался. Боря мог что-то оставить там, где она сможет легко это отыскать, возможно, спрятал на работе? Офис располагался рядом. Сонный охранник признал Машу и радостно пустил — ненормированный рабочий день в агентстве предполагал и свободный доступ в помещение круглые сутки.

На всякий случай пошарила в своей комнатенке, ничего нового там не обнаружила, переместилась в Борин кабинет. Как заместитель шефа, она имела право брать его ключ. «Маркович, ты не мог банально меня кинуть...» «А почему не мог? — осведомился внутренний голос. — Он тоже человек...» Перетрясла все бумаги и бумажечки, пересмотрела диски с надписями и без, но по-прежнему не нашла и следа «Нано-виты». Где еще может храниться что-то ценное? Не на рабочем же компьютере?

Боря, как бывший работник умственного труда, по старинке пользовался ежедневником — одним из тех, что в изобилии дарят фирмы друг другу на праздники. Она пролистала все до даты его отъезда, проглядела пару страниц вперед, на вчерашнем числе стояла пометка: «Мама — дача — „Утконос“». Родители Бори давно переехали на благоустроенную дачу, любящий сын заботился решительно обо

всем, вплоть до заказа продуктов на время отпуска. Может, оставил что-то у родителей? Мама в Борином представлении — самый надежный человек. К сожалению, визит придется отложить на завтра. Завтра уже наступило. Никто из родных ни разу не позвонил ей за этот длинный день. Если ваши родственники вам не звонят, значит, у них все в порядке. Она сдала ключи и поехала домой.

Родственники позвонили в полвосьмого утра: няня заболела, не с кем оставить Дашку. Ее подхлестывал азарт поиска, но она не могла отказаться. К Бориным родителям можно съездить и позже.

Дашка вылезла из кровати и сразу вцепилась в нее:

— Маша, ты бас-сонг принесла?

Внучка крайне редко называла ее бабушкой, обычно обращалась по имени.

— Потом, Дашенька. Сначала позавтракаем, погуляем, видишь, там солнце вышло.

Но Дашка упиралась и требовала сначала заняться делом. Маша уговорила ее сходить на улицу, чтобы достать из багажника деревянный меч. Внучка еле-еле продержалась четверть часа на качелях и опрометью кинулась домой. Сама сняла комбинезон и ботинки, пошвыряла вещи и игрушки на пол в коридоре и побежала в детскую переодеваться. Вышла оттуда в майке с черепашками-ниндзя.

— У них тоже есть меч,— пробурчала, вертясь перед зеркалом. И схватила деревянный боккен:

— Бабуля! Иди же!

«Кровь не обманешь...» — пробормотала Маша. И вздрогнула: однажды она слышала эту фразу. Последствия оказались непредсказуемыми...

Против воли в памяти начали оживать эпизоды вьетнамской одиссеи: Школа воинов Индры... «Оранжевая бусина!» Этот яркий маленький предмет, блеснувший под воротником куртки неизвестного китайца, больше всего походил на оранжевую бусину из тех четок, которые перебирали бритоголовые молчаливые монахи в монастыре Зыонга. Оранжевый был фирменным цветом клана воинов Индры. Маша хотела выпросить такие четки на память о пребывании в Школе. Но Зыонг сказал, что монахи в позапрошлом столетии вручную выточили крупные бусины из камня необычайного оранжево-

го цвета, и с тех пор четки передавались только по наследству. Это была редкая разновидность опала, издали напоминающая янтарь. Больше ей нигде не попадались изделия из подобного камня. Неужели безвестный пленник имеет какое-то отношение к Школе воинов Индры? Скорее всего, она принимает желаемое за действительное, ей просто очень не хватает советов Зыонга... или кого-то еще, кто бы помог ей выпутаться из истории, в которой она оказалась. Она недавно вспоминала старого мастера, поэтому и мерещится повсюду оранжевый знак воинов Индры... огненный росчерк Саламандры, разом перечеркнувший привычную жизнь.

Допустим, ей померещилось, и вчерашний пленник не имеет никакого отношения к Школе воинов Индры. Но имя Ли Бэя не вызвало у него удивления, значит, скорее всего, он китаец и явно из команды конкурентов. Он сидел связанный в фуре, но ему ничего не стоило освободить руки, связанные хитрым узлом, значит, он не слишком хотел убежать. Выходит, что Маша спутала его планы? А зачем тогда ему нужно было изображать бедного пленника? Значит, он почему-то хотел проникнуть на территорию НПО, причем в закрытую зону. Интересно, что он будет делать в чужом городе без денег и документов? Впрочем, кто сказал, что у него нет денег и документов?

Маша вспомнила его кулаки — руки бойца с многолетним стажем упорных тренировок. Такой нигде не пропадет. А сверхъестественная гибкость и ловкость, позволяющие человеку выпутываться из любых узлов,— это навыки цигун, йоги или чего-то подобного. Это очень опытный и подготовленный человек. Он приехал в «Нановиту» с определенной целью, о которой теперь можно только догадываться. И он сам сказал, что Маша спутала его планы. Еще бы! Он не на шутку струхнул, увидев балисонг.

— А не дразни Огненную Саламандру! Особенно когда она при исполнении! — вслух произнесла Маша. И замерла: ведь ее действительно наняли на работу в этом качестве, пусть только для показухи. Интересно: когда Боря заключал контракт с владельцами «Нановиты», он имел в виду «контракт Саламандры»?

Уложив Дашку спать после обеда, Маша позвонила Бориным родителям. Его мама долго говорила о внутренней и внешней политике, потом перешла на семейные проблемы: Боре полтинник, а он много работает, слава богу, вырвались по горячей путевке на море. Вскользь

пожаловалась на невестку: муж вкалывает день и ночь, а жена занята только собой, фитнесом и шопингом. «Боря сам виноват, посадил всех себе на шею...» Маша терпеливо все выслушала, попыталась выяснить, не оставял ли Боря чего-то важного на даче: мол, не успели пересечься перед его отъездом, а некоторых материалов нет, срочный заказ, без Бори как без рук. Но мама и слыхом не слыхивала ни о чем таком: «Что вы, деточка, Боря никогда не рассказывает о работе, такой скрытный, прямо как секретный агент...»

Необходимость в поездке за город отпала. Но и информации не прибавилось. Что за люди владельцы «Нано-виты», почему они обратились к Боре и почему Боря так поспешно ретировался? Почему неизвестно кто теперь ищет нужный ей меч? Ответов не было. И хорошо, если этот «неизвестно кто» был и вправду ей незнаком. Маша даже боялась предположить, кем может оказаться гость оружейника. При одной мысли об этом горло перехватывал спазм. «Закрыто, сдано в архив».

Из детской раздался сонный голосок — внучка проснулась. Терла глаза и была страшно серьезной.

— Кого во сне видела?

— Приходил опять такой...— Дашка сделала неопределенный жест,— помнишь, когда я с бас-сонгом играла, он приходил уже.

— И что он сказал тебе?

— Про тебя спрашивал. Говорил, учись у нее. Показывал маленькую...— она наморщила лоб, словарного запаса не хватало.

—...игрушку? — пыталась подсказать Маша, застегивая детские сандалики.

— Нет. Такой маленький огонек... с ножками и ручками...

Маша сняла свитер и повернулась к ней левой лопаткой:

— Похоже?

— Да. Кто это, бабуля?

— Это саламандра. Про них есть много сказок.

Дашка впервые видела татуировку на спине собственной бабушки. Ее восхищению не было предела. Она трогала пальцем рисунок и спрашивала, как его сделали. Маша пообещала летом отвести ее в салон, где детишкам делают рисунки хной. И когда они начали придумывать будущий рисунок, в дверь влетела запыхавшаяся вторая бабушка, пришедшая ей на смену. Маша еле успела показать внуч-

ке: «Тс-с! Секрет!» Быстро распрощалась и выкатилась на лестницу, унося бочком деревянный меч, который было лучше лишний раз не демонстрировать впечатлительным родственникам.

Если верить детской интуиции, а ей следовало верить, то вторичное появление гостя ниоткуда означало повышение уровня угрозы, как теперь модно выражаться. Но почему он приходит к Дашке, а не к ней самой?

«Вероятно, потому, что ты больше никакая не Огненная Саламандра. Твоя внучка слышит и видит то, что тебе никогда не услышать и не увидеть, — мрачно констатировал внутренний голос. — И непонятно, на что ты рассчитываешь в истории с китайцами. Хоть десять мечей возьми, не поможет». «На это существует страховка на невообразимую сумму...» — пыталась возражать Маша. «Ты веришь в эти нули?»

Ни в какие нули она не верила. Но Дашке пока ничто не угрожало, а за себя Маша не слишком переживала. За несколько дней работа с «Нано-витой» обросла таким количеством несурзаиц, что относиться к ней, как к обычному заказу, было бы глупо и недальновидно. Непонятно, кому может понадобится меч из голландского музея: меч становится генератором энергетических преобразований только в руках наследника рода Саламандры. Значит, тем, кто ищет меч, ничего не известно о тайне Саламандры, и они просто пытаются воспользоваться генератором как новым видом вооружения.

В любом случае незнакомца, который приходил к Миклашевскому, следует опасаться. И неизвестно еще, как поступит оружейник: это зависит от суммы, которую ему предложат. Пока не дал согласия, а припишут еще ноль — и согласится как миленький. У каждого есть своя цена. Маша согласилась работать с «Нано-витой» отнюдь не за идею.

Нет, она не соглашалась! За нее все решил Боря, а она оказалась перед фактом. Почему она позволяет другим делать за нее выбор, это отдельная тема для размышлений. Есть такой тип людей — жертвы обстоятельств, Маша подобных особей терпеть не могла, да вдруг оказалась в этой роли. И отказываться поздно — фотография Дашки лежала на рабочем столе компьютера в «Нано-вите», анализ крови с надписью «Северцева Дарья» был в руках у мужчины в лаборатории. Гость ниоткуда приходил к внучке. Было бы смешно, если бы не

было страшно. И не свернешь обратно — меч заказан кузнецу. «Аннушка уже пролила масло». На каждого найдется своя Аннушка. Та, что приставлена к Машинной судьбе, оказалась уж слишком суетливой и криворукой.

Раздался звонок, на экране высветилось имя: Александр Васильевич.

— Мария Владимировна, голубушка, как поживаете?

Он ворковал как ближайший родственник:

— Один вопросик к вам, пустяк сущий: когда вы давеча уезжали от нас, никого случайно не встретили по дороге?

Ясно: владельцам «Нано-виты» позарез нужен китаец, сбежавший с ее помощью из фуры.

— Знакомых точно не встречала. Вот по дороге к вам видела аварию — рефрижератор перевернулся. На обратном пути ничего особенного не запомнилось.

— Ну, добро, добро... Как продвигается ваша подготовка к встрече с партнерами? Помощь не требуется?

— Все идет по плану,— отрезала Маша. Собеседник распрощался, снова обещав любое содействие. А содействие действительно было необходимо, только лучезарный Александр Васильевич был последним человеком, к которому она бы обратилась за помощью.

Стоп! Несколько дней назад она уже мысленно произносила эту фразу, но по отношению к Палычу. Таким образом, Палыч становится предпоследним в шеренге людей, которым Маша не доверяет. Чем черт не шутит, может, в кои-то веки будет от него прок? Главная проблема состояла в несоразмерности масштабов: в конце концов это всего лишь лекарства и косметика, почему за сбыт этой продукции ведется борьба, в которой берут в плен и пытаются использовать тайную силу Огненной Саламандры? Палыч заранее узнал о том, что Маша будет втянута в игру, потому и попался ей на глаза, как бы случайно. И знал, что скоро последуют вопросы.

Она нашла визитку Палыча и набрала номер. Тот не отвечал, однако голосовая почта работала.

— Олег Сергеевич, это Маша. Мне нужен ваш совет,— пробормотала она.— Перезвоните, когда будет возможность.

Хрюкнул компьютер, в почтовый ящик что-то плюхнулось. Незнакомый адрес.

«Здравствуйте, Мария! На днях вы писали моему мужу по поводу его давней статьи. Дима хотел ответить вам, но не успел. Он поехал на мотоцикле в магазин, его сбил грузовик. Дима в больнице, в коме. Следователь попросил меня проверять почту мужа и сообщать им обо всем. Но я не буду говорить им о вашем письме. Отвечаю с другого адреса, больше не пишите и не узнавайте ничего. Татьяна».

Ничего себе, омолаживающая косметика...

В этот момент объявился Палыч. Маша коротко попросила о встрече и сама выбрала место: китайский ресторанчик в центре. В будни там всегда бывали свободные места, цены не зашкаливали. Палыч согласился немедленно, значит, Маша нужна ему не меньше, чем он ей. Вот и прекрасно, пусть делится информацией. Она садилась в машину, когда пришла эсэмэска от оружейника: «Маша, я отказался. Но другие согласятся. Жду вас сегодня в мастерской». «Могу приехать поздно», — ответила она. «Чем позже, тем лучше». Миклашевский торопится. Завтра среда, к концу недели он должен закончить работу над мечом, и что-то подсказывало ей, что времени до пятницы у них нет.

глава 7

В центре вечером было по-весеннему тепло, тротуары за день подсохли, к уличным кафе стайками слеталась молодежь. Основную часть посетителей китайского ресторанчика днем составляли служащие ближайших офисов, сейчас там было малоллюдно. В шуме смешивались голоса, негромкая китайская музыка, бормотание большого телевизора и бряканье посуды. Палыча не было видно, Маша сама выбрала столик на двоих. Странно: три года назад она опасалась его, считала врагом, а теперь просит совета. Все в жизни имеет две стороны, и ты никогда не знаешь, с какой именно стороной имеешь дело в данный момент. На чьей стороне она сама? На стороне того, кто платит? А за что, собственно, ей платят?

Перед столиком возник Палыч с букетиком мимозы.

— Как приятно, не ожидала... — растерялась Маша. Конечно, мимозу он купил у метро «Новослободская» за сто рублей максимум, но все равно она едва ли не обрадовалась старому врагу.

— Да вы меня по-прежнему монстром считаете,— Палыч был доволен, зашевелил кустистыми бровями, запыхтел, развешивая плащ на вешалке. Долго и придирчиво изучал меню, пустился в обсуждение достоинств и недостатков китайской кухни в сравнении ее с вьетнамской. За соседним столиком сидела громкоголосая компания ухоженных молодых людей, наперебой обсуждавших что-то очень важное, вероятно производственные проблемы. Прислушавшись, Маша поняла, что речь шла о семинаре по карате, который проводил известный японский сэнсей. Парни с соседнего столика кушали солидно и делали важные лица, можно было подумать: они сами являются носителями тайных знаний. Маша улыбнулась, Палыч заметил ее реакцию:

— Продолжаете заниматься восточными единоборствами? Помните, вам нравилось?

— Я хожу в ближайший спортивный клуб для поддержания формы.

Палыч собирался и дальше вести светскую беседу, но Маша не выдержала:

— Олег Сергеевич, вам известно что-нибудь о фирме «Нано-вита»? Корпорации «Иммортел»? НПО «Андриас»?

Палыч изумленно вытаращился на нее, шевеля изогнутыми бровями:

— Впервые слышу эти названия. А что, собственно...

— Когда вы предупреждали меня, чтобы я была осторожна с новыми контактами, кого вы имели в виду?

— Объявился некто, интересующийся старой историей, и этому... персонажу... очень хочется воспользоваться некоторыми вашими специфическими свойствами... причем непонятно, для каких целей. А это не в наших интересах. И не в ваших.

— Олег Сергеевич! Хватит тень на плетень наводить! Имя Ли Бэй о чем-то говорит вам?

Палыч изумился еще больше:

— Маша, за кого вы меня держите?

Маша взяла листок бумаги и ручку и начала рисовать схему:

— В наше агентство пришли заказчики. Они хотят рекламную кампанию, официально пригласили меня поработать на них в течение ближайших трех месяцев. Фирма «Нано-вита» продает бальзамы и капли. Она создана на базе НПО «Андриас» — бывшего обо-

ронного завода, производившего биопрепараты. У этого НПО есть еще одна дочерняя структура — корпорация «Иммортел», их сфера деятельности — косметика и омолаживающие средства. Я получила от заказчиков материалы, среди которых натолкнулась на имя китайского биолога Ли Бэя. Он разрабатывал основу для этих препаратов: сначала во время учебы в России, потом у себя на родине. Ли Бэй руководит научным центром в Китае и одновременно коммерческим предприятием. Теперь Ли Бэй и его фирма — конкуренты моих клиентов. Китайцы скоро приедут в Москву. Я должна организовать презентацию, цель которой — вытеснить китайцев с рынка.

— Помилуйте, Маша, речь идет о борьбе за рынок сбыта кремов и мазей? И вы из-за каких-то там тюбиков...

Маша вплотную придвинулась к собеседнику и совсем тихо произнесла:

— Им известна моя роль во вьетнамской истории. Они хотят представить меня не как сотрудника, а как образец нанотехнологий.

— В какой роли?

— В той самой, которая вам отлично известна. И более того — хотят продемонстрировать меня в поединке с неким китайским мастером боевых искусств. Предполагается небольшой фейерверк.

Палыч заморгал и зашевелил бровями.

— Для этого мне необходим генератор.

— Ведь его давно нет! — взвился Палыч.

— Есть. Не он, но точно такой же. Хранится в голландском музее.

— Вы тогда сказали, что генератор исчез, а аналогов нет...

— Я потом узнала. Случайно, — невозмутимо отвечала Маша, стряхивая пепел.

— И каков был этот случай? — Палыч с трудом сдерживал ярость.

— Не имеет значения. Вы еще главного не знаете: когда я решила достать нужный мне меч, выяснилось, что кто-то предпринимает такие же попытки. Меч хранится в частном музее в Голландии. Кто и когда за ним собирается лететь, неизвестно, но как раз сегодня я попробую это выяснить.

— Каким образом?

— Неважно. Я вас очень прошу: узнайте как можно больше о Ли Бэе. И об НПО «Андриас», в состав учредителей которого входит фирма «Нано-вита». Формально ничего особенного не происходит,

я должна грамотно организовать рекламу и презентацию продукции «Нано-виты». Мне за это деньги платят.

— И много обещали?

— Вы даже не представляете. У них такой рекламный бюджет, что можно основать еще один Стабфонд, и еще останется. Не представляю, что лежит в основе этой аферы. Если не энергоносители, то что? Наркотики? Оружие? Где еще могут крутиться такие деньги?

Палыч нахмурился, взял бумажку со схемой, убрал во внутренний карман, уставился ей в переносицу:

— Я посоветуюсь кое с кем. Надеюсь, вы понимаете, что гипотетически не имеете права воспользоваться генератором без согласования с нами?

Переход от местоимения «я» к местоимению «мы» означал перевод беседы в официальное русло. Погоны так и проступали на его пиджаке, осанка стала меняться.

— Почему это?

— Потому что в отчете генератор фигурировал как разновидность секретного вооружения: изделие под соответствующим номером. Вы проходите в отчете как оператор этого изделия. Чтобы просто получить информацию о ваших специфических свойствах, нужен допуск. Чтобы получить сведения о генераторе, надо иметь особый допуск. Чтобы им пользоваться, надо иметь допуск самого высокого уровня секретности! Его у вас нет!

— Кроме меня никто с генератором обращаться не умеет! Как может быть аннулирован мой допуск?

— Формально изделие уничтожено и оператора не существует: как мы оба помним, туристка из России Мария Ким погибла во Вьетнаме во время цунами три года назад. Допуск был в единственном числе и сразу после этого аннулирован. Вы больше не имеет права воспользоваться генератором, даже если он окажется у вас в руках.

— Значит, прежде чем взять в руки меч, я должна получить у вас допуск и на меч, и на себя саму? Здорово...

— И если вы активируете секретный вид вооружения без санкции...

—...я становлюсь объектом, нарушившим секретные инструкции, и представляю угрозу,— продолжила Маша.— Так, что ли?

— Это всего лишь предположения, которые вы сами озвучили,— сухо отвечал Палыч.— Советую поразмышлять на досуге.

— Как вы меня обрадовали! — восхитилась Маша. — Я еще ничего не сделала, а вы семь казней египетских пообещали... Спасибо!

— Очень хорошо, что в этот раз вы сначала решили спросить совета. Сэкономили время, свое и мое. Что за манера брать на себя лишнюю ответственность? Ох, уж эта мне творческая интеллигенция... Мои коллеги, которые в советские времена «по пятой линии» работали — значит, с художниками, поэтами разными, — нахлебались с ними, до нервных срывов доходили...

— Да, с нашим братом нелегко. Но времена-то теперь другие...

— Времена всегда одни и те же! Есть государство, есть люди, чья работа состоит в обеспечении его безопасности, и есть штатские, вроде вас, которые создают проблемы.

— А ничего что государство состоит именно из этих штатских, которых вы как раз и должны охранять? Кто кому мешает?

Палыч озадаченно посмотрел на нее, потом махнул рукой:

— Избавьте меня от идеологических дискуссий. Вяпались в историю — извольте расхлебывать. И слушайтесь старших по званию.

— Я вообще-то не у вас в подчинении. И профессия у меня другая. Мирная.

— Вы оператор секретного изделия и можете быть мобилизованы в любой момент! — отчеканил он. — Ничего не предпринимайте, я попробую кое-что узнать и сам вас найду.

— Я формально не существую и мобилизована быть по этой причине никак не могу!

Палыч начал багроветь и привстал, но Маша поспешила отвлечь его новой информацией:

— Времени в обрез. Переговоры с китайцами начнутся на той неделе, к пятнице я должна продемонстрировать заказчикам готовность номер один.

— Осталось всего два дня! Где и когда вы собирались добыть меч?

— Это мой маленький секрет.

— Хватит вешать мне лапшу на уши! — взвился Палыч.

Маша, которая как раз к этому времени справилась с развесистой китайской лапшой в тарелке, с облегчением сложила палочки и улыбнулась собеседнику:

— Лапша закончилась. Кстати, хоть НПО и относится к бывшей оборонке, но порядку там никакого: заходи кто хочешь, выноси

что вздумаешь. Один раз я случайно попала в секретную лабораторию, в другой раз открыла трейлер, разрисованный иероглифами, и выпустила пленного. И еще: опыты. С чем и над кем? Я видела анализы человеческой крови. В общем, мутноватое местечко. Вы узнайте, что к чему. И не надо мне сносить башку лишь за намерение устроить презентацию, это моя работа. У каждого своя работа, правда?

Ресторан закрывался. Палыч предложил ее подвезти и только крикнул, увидев облепленную грязью, но задиристую «трешку» BMW. Маша была, как ребенок, довольна произведенным эффектом и еще раз порадовалась тому, что впервые в жизни не стала экономить на себе и купила приличную тачку. После экстремальных приключений, пережитых в прошлой жизни, ее сердце принадлежало именно этой марке. Распрощавшись с Палычем, понеслась в мастерскую к оружейнику. Предупреждать не стала: «поздно» — понятие растяжимое. Запах мимозы наполнял салон машины. Подумать только, одна сухонькая маленькая веточка разом меняла ощущение от жизни: весна. И неважно, что подарил ее персонаж в невидимых погонах, попортивший тебе немало крови. Вдохнешь, и кажется, что все будет хорошо.

В этот раз она припарковалась на улице. Проходя через подворотню, пару раз обернулась: никого, а ощущение крайне неприятное. Долго стучала, еще дольше звонила, потом Миклашевский взял трубку, буркнул:

— Сейчас открою, руки были заняты.

Маша шагнула в открытую дверь и невольно ойкнула, глянув снизу вверх на кузнеца, облаченного в длинный кожаный фартук. Под черной майкой ходили буграми мускулы, кисти рук были черными от копоти. Огромные темные очки сварщика были откинута назад. Образ довершал седой хвост, заколотый обрезками арматуры вместо шпилек, на манер прически самурая.

— Экзотика...— растерянно сказала она.

Миклашевский приосанился:

— А вы думали, я тут парусники из спичек в бутылке собираю? Я, дева прекраснородушная, между прочим, вашим клинком занят.

— Можно посмотреть?

— Для того и позвал.

Предусмотрительная Маша протянула ему бумажный пакет с пельменями и пирожками из китайского ресторана, кузнец учуял запах еды и подобрел на глазах:

— Пойду насчет чая соображу. Только издали смотреть и руками ничего не трогать!

Она спустилась на пару ступенек вниз и прошла в смежное помещение, где, собственно, и располагалась сама кузница. Там было жарко и пахло отвратительно. Клинок, лежавший на верстаке, казался по-прежнему невзрачным. Но другого меча ей все равно не найти.

— Здравствуй! — тихо шепнула она. — Уж не знаю, что у нас с тобой получится, но придется привыкать. Может, ты и не таких благородных кровей, как мой предыдущий меч, но тебя сделал настоящий мастер, да и меня тоже не на помойке нашли. А что касается крови Дракона... «Кто теперь разберет, где чья кровь?» Так мне сказал однажды один старший товарищ. И был прав.

Впервые взяв в руки свой предыдущий меч, она сразу почувствовала изумление, трепет и грядущие перемены. Оружие, висевшее на стенах кладовой, вызывало любопытство и восхищение — старинной отделкой, красотой, благородством линий. А этот выглядел неприкаянным сиротой-разночинцем...

— Знаешь, если можно чистить оружие средством для посуды «Цептер», то и вместо крови Дракона сойдет бытовой аналог. Для плееев законы не писаны!

Подчиняясь интуиции, она засучила рукав и взяла с верстака толстую рукавицу. Вытащила балисонг, легко провела по предплечью с внешней стороны. Тонкая красная ниточка быстро разошлась, она стряхнула кровавые капельки прямо на остывающий клинок. Капли высохли, не оставив и следа. Главное, чтобы мастер ничего не заметил. А то разгневется, что посмела тронуть раньше времени. Сдернув с шеи хлопковый шарфик, туго замотала порез. Респект историку моды Александру Васильеву за шарфики — воистину многофункциональный аксессуар.

В помещении было жарко и душно, рядом находилась емкость с какой-то вонючей жидкостью. В ноздри ударил резкий кислый запах, в ушах зашумело, голова закружилась, перед глазами пошли разноцветные круги, ей пришлось опуститься на колено, чтобы не упасть.

— Что же вы, девонька? Я, старый дурень, не подумал: к такой температуре и таким запахам надо привычку иметь...— Кузнец поднял ее, поддерживая под руку, повел в гостевую комнатенку, где было прохладней.— Погодите, сейчас нашатырь найду.

Ватка с нашатырем окончательно прояснила сознание. Маша фыркнула, чихнула и помотала головой:

— Простите, там душно.

— Пейте чай, сейчас пройдет. Как вам будущий меч?

— Хотите правду? Или предпочитаете грубую лесть? — Кузнец настороженно улыбнулся.— Пока ничего особенного я не вижу. Но я дилетант...— она увидела, как нахмурился мастер, и закончила, улыбаясь: —...а этот меч — мой.

— Если бы я соблюдал технологию, то возился бы с вашим оружием еще месяц,— хмыкнул Миклашевский.— Я вам не скажу, как сделан меч, а вы мне не скажете, для чего он вам нужен. Версия о показательных выступлениях не выдерживает никакой критики, уж не обессудьте.

Маша собралась возразить, кузнец прервал ее властным жестом:

— Не трудитесь выдумывать, меня это не касается. Но имейте в виду: человек, который уговаривал меня лететь в Голландию, дорого бы заплатил, чтобы узнать о ваших намерениях.

— А он не мог видеть заготовку?

— Исключено. Я ни на минуту не оставлял его одного в мастерской, в кузню не пускал.

— Значит, он нашел кого-то другого для поездки в Голландию...

— Да. Поэтому я тороплюсь. Если верить интуиции, а ей надо верить, то ваш предполагаемый противник будет вооружен именно тем мечом, который изображен на фотографии, или его точной копией.

— Вы полагаете, у меня будет противник? — Маша изо всех сил делала вид, что это просто застольный треп. Но кузнец был серьезен и даже мрачен:

— Один меч не мог одновременно понадобиться двум людям без веской причины. Вы не похожи на замаскированную якудзу...

— А на сотрудника рекламного агентства?

— Тоже не очень... но и во мне не сразу признаешь кандидата исторических наук. Однако профессиональная принадлежность того человека, что приходил ко мне, и вовсе не определяется.

— Отчего же? Есть такая профессия, ее основная черта — чтобы профессия не определялась,— усмехнулась Маша.— Скорее всего, ваш гость был именно из такого ведомства.

— Господь с вами! — отмахнулся кузнец,— я начинал еще в советские времена, коллекционеры с Лубянки бегали ко мне втихаря. Могли сто раз посадить, но я ухитрялся жить со всеми в мире. Теперь они на оружейных форумах в дискуссиях участвуют, как знатоки. Я видел много подобных ценителей. И должен вам сказать, что человека, который ко мне приходил, не интересовал сам меч. Он не слишком интересуется оружием, я это сразу чувствую. Поэтому и отказал.

— А я?

— С вами все понятно! — он привстал, приосанился и торжественно объявил, как распорядитель в ЗАГСе: — По обоюдному согласию, этот меч — ваш, и больше никто к нему не прикоснется, пока я тут хозяин. К пятнице будет готов.

— Позвонить?

— Нет, можете приезжать вечером без звонка. В крайнем случае, подождете, пока я закончу. Голова больше не кружится?

—Нет-нет, все прошло. Наверно, я просто устала...

Она так редко применяла глагол «устать» по отношению к себе, что сама удивилась. Вроде ничего особо и не делала целый день. И лишь войдя домой, поняла, что устала от резкой смены событий и людского калейдоскопа. В обычной жизни ее маршруты были предсказуемы, а встреченные люди, пусть незнакомые, вполне понятны. Но обычная жизнь трещала по швам, расплываясь от каждого движения. Любой ее поступок вызывал цепь новых событий...

Кинула сумку, вынула из кармана балисонг и поплелась в ванну: отстирывать шарфик. Озадаченно замерла перед зеркалом: не первый день ей приходится отмывать или отстирывать кровь со своей одежды. Но раны заживают на удивление быстро.

— Слышишь, хищник, это ты виноват,— обернулась она к балисонгу, кротко лежащему на столе,— ты первым запросил моей крови. А остальные сами подтянулись.

Потом вытянулась на диване и произнесла, обращаясь к невидимому и безымянному собеседнику:

— А все-таки мы их перехитрили. Иль я не наследница древнего рода? Если есть на свете кровь Дракона, то это моя кровь. Хотя, собственно, какие были варианты...

глава 8

Было странно проснуться утром от запаха мимозы и понять, что никуда не надо спешить. Маша еще раз прокрутила в уме вчерашние события. Не давал покоя лишь загадочный «китайский пленник». Но спрашивать о нем было некого. Не Палыча же беспокоить — он на мимозу потратился, да еще домашнее задание получил на неделю. Китаец не пропадет, он умеет исчезать и появляться, когда ему нужно. Если суждено, их пути еще раз пересекутся. А оранжевая бусина из четок — скорее всего, плод ее воображения. Очередная попытка вернуться в состояние, когда все стихии подчинены только твоей воле и твоей цели. Тогда, во Вьетнаме, у Саламандры была цель. А теперь? Только контракт. Любые пожелания за ваши деньги: если надо помахать мечом, она изволит им помахать. Если надо показать неведомому китайскому бойцу, как умеет обращаться с оружием обычная московская тетка, она покажет. И если удастся прилично заработать и погасить кредит, то она будет благодарна всем: и Боре, и кузнецу, и улыбчивым клиентам из «Нано-виты». Цинизм — составная часть профессионализма.

Сейчас оружейник заканчивал работу над мечом, заказчики готовились к переговорам, а Борис Маркович отдыхал. Все происходило как бы помимо ее воли и без ее участия. Где-то вдали маячил неизвестный охотник за мечом из голландского музея. Но это была чужая неведомая война за чужие большие деньги. Ей была уготована роль второго плана.

— Забвение — удел многих голливудских звезд... — философски изрекла Маша, включая комп. Позвонила дочери по «Скайпу». Во время разговора краем глаза она видела Никитку, игравшего в машинки. Маша помахала внуку, дочь увидела руку, заклеенную лейкопластырем, нахмурила брови: «Что это у тебя? Опять за свое?» «В духовке обожглась». К счастью, версия сработала. Хорошо, что волосы прикрывают ссадину на лбу. Дочь явно чуяла что-то фамильным нюхом, но формальных поводов для допроса не нашла.

Сегодняшний день был полностью в ее распоряжении. Совершенно не хотелось искать в интернете дополнительную информацию о «Нано-вите» или китайцах и вообще размышлять об истории, в которую ее втравил отсутствующий Борис Маркович. При ярком весеннем свете, заливавшем квартиру, стало очевидно, что хозяйке неделю было некогда убираться. И сегодня не хотелось. Маша решила прибегнуть к крайней форме бездействия — шоппингу: лучшего способа выпасть из реальности для простой смертной не существует. А потом она пойдет на тренировку. Кстати, спросит Марата, кем ему доводится неизвестный боец, посмевшийся распороть ей рукав.

На улице было тепло и прекрасно, последние мысли улетучились из головы. Пробка на подъезде к торговому центру не испортила весеннего настроения: «И старый пенёк в апрельский день березкой снова стать мечтает...» Бездумное разглядывание и перебирание тряпок — одна из форм релаксации. Еехватило только на выбор кроссовок. И когда она плелась в ближайшее кафе, на манекене в соседней витрине сверкнуло что-то невообразимо-прекрасное. При ближайшем рассмотрении чудо оказалось комбинезоном из шелковистой иссиня-черной ткани. Томная продавщица неохотно сняла вещь с манекена. Даже беспощадное зеркало примерочной не огорчило ее сегодня: комбинезон сидел как влитой. Она повернулась спиной и присвистнула: на спине был вышит золотисто-красный дракон. Полный китч! Китайская дешевка! «Чудо в перьях». Но выпустить сокровище из рук было просто невозможно. «А вот я как надену этот комбинезон, да как возьму в руки меч... — подумала Маша. — Никакая Триада передо мной не устоит! Главное, чтобы костюмчик сидел». Глянула на ценник и радостно побежала платить.

Нет на свете ничего более тонизирующего, чем спонтанные бессмысленные покупки. Из головы вылетело все непонятное, да собственно, и вообще все. Последним безумным актом стала покупка кожаных перчаток «автоледи» с обрезанными пальцами. Она попробовала определить скрытый фрейдистский мотив своего выбора — и не определила. Авось пригодится. Наличные закончились в отделе детских книжек на очередной саге про Лунтика.

Счастливая, как девятиклассница, Маша плюхнулась в машину. Включив зажигание, услышала прямо за спиной рев заводимого

движка. Глянула в зеркало: огромный черный «Эскалайд» поморгал фарами, пропуская ее к выезду. За тонировкой не было видно лица водителя. «Надо же, какой вежливый». «Эскалайды» редко пропускают кого бы то ни было. Маша отнесла это на счет своей немислимой красоты. Поглядывала в зеркальце — джип следовал за ней на выезде из паркинга, она свернула на МКАД, он свернул туда же. Заинтригованная Маша стала притормаживать, менять ряды — джип продолжал держать дистанцию, но не отставал. Потом между ними вклинилась «Газель», Маше стало неинтересно: ни принца, ни погони. «Полегче с формулировками. Саламандра!» — предупредил ее внутренний оппонент. Маша прекратила бесплодный внутренний диалог, оставила покупки в багажнике и пошла пешком в спортклуб на тренировку, любуясь весенним закатом.

Марат уже разминался в зале, кивнул ей, замерев в стойке, и продолжил лупить ногами по мешку. Закончив, вытер лоб и пробормотал:

— Я видел твой пропущенный вызов в воскресенье. Телефон разрядился. Не смог прийти: какой-то урод во дворе всем колеса порезал. Пока милицию вызвали, пока ГАИ приехала, полдня прошло. Много народу было на тренировке?

— Двое. А что, ты кого-то ждал?

— Нет, — он удивленно покачал головой. Маша не стала ничего рассказывать. Увидев вошедших в зал пацанов, приложила палец к губам. Пацаны поняли и ни словом не обмолвились о том, что было в воскресенье: работа с оружием в клубе была запрещена. А она задумалась: проблемы сами не рассасываются, даже если ты спрячешься от них в примерочной. Неужели для того, чтобы элементарно взять анализ крови, заказчиком из «Нано-виты» надо было подослать к ней кого-то на ножевой спарринг? Более простого способа они придумать не могли?

Она увидела эсэмэску Миклашевского не сразу: блаженно отмокала в ванне, не слышала чириканье мобильного в комнате. На экране высветилось одно слово: «Срочно». Как будто дошла только часть сообщения. Обычно сообщение потом приходит повторно, с полным текстом. Но повтора не было. Абонент отсутствовал в сети. Одеваясь, набрала еще раз — тот же результат. Слово «срочно» не имеет двойного толкования. Маша наскоро вытерла волосы и снова поехала в мастерскую на Маросейке. «Тенденция, однако...»

Кинула машину на улице, чтобы не тратить время на парковку в узком дворе, бегом пробежала к двери мастерской. Постучала, дернула ручку, дверь оказалась открытой, пахло едким дымом, Маша от неожиданности закашлялась. Высунулась на улицу, набрала воздуха и ринулась внутрь, шагнула по ступенькам в подвал и отшатнулась: там почти до потолка полыхало пламя. При вспышке огня увидела лежащее на ступеньках тело: седой хвост запутался в завязках кожаного фартука, лицо разбито. Маша пролезла между падающих предметов, схватила кузнеца под руки и потянула к входной двери. Выволокла на асфальт, встряхнула: вроде живой, просто надышался дыма. Миклашевский заморгал, промычал что-то.

— Федор Алексеевич, это я, Маша! Узнаете меня? Как вы?

— Там... — пробормотал он разбитыми губами:

— Кто? Люди?

— Там твой меч...

— Да черт с ним! Надо вызвать «скорую» и пожарных! — она начала тыкать в кнопки телефона.

— Забери... — он оттолкнул ее руку с телефоном и прохрипел, теряя сознание: — Ли-за...

В окна высывались жители дома.

— Пожар! Человеку плохо! — крикнула Маша снизу вверх.

Сделала несколько глубоких вдохов и полезла внутрь, обмотав лицо шарфом. Сквозь дым пробралась к двери в кузницу, та была заперта на кодовый замок. Уперлась в нее лбом — времени на то, чтобы вернуться и спросить пароль, не было. «Наплевать на этот меч! Спасайся!» — кричал ей внутренний голос. «Нет! Слишком много всего произошло, чтобы отступить!»

На панели видны были буквы и цифры. В прошлый раз он при ней набрал четыре знака. Какие? «Отключись!» — приказала себе, сосредоточившись только на заданном вопросе. Как звали погибшую жену кузнеца? «Ли-за...» Одна попытка. Четыре латинские буквы... дверь открылась с громким щелчком. Что-то тяжелое обрушилось ей на спину. К счастью, она успела задержать дыхание. Но уткнулась носом в пол и покатила по ступенькам, прикрывая голову. В висках застучало, перед глазами заплясали разноцветные пятна, все вокруг замерло на мгновение...

— Давненько не слышал я этот писклявый голосок!

Темная фигура возникла высоко в языках пламени на фоне дверного проема.

— Совсем нюх потеряла. Лезешь невесть куда и по сторонам не смотришь, как маленькая!

— Я тоже рада тебя видеть, — огрызнулась она, — только ты выбрал не самый удачный момент для беседы.

— Забыла, что я объяснял насчет временной петли?

— Лучше помоги мне достать меч и выбраться отсюда.

— Опять тянешь хилую лапку за дешевой шпилькой и не можешь шагу ступить без посторонней помощи? Полная деградация и вымирание вида! И потомство не смогла воспитать как положено, ничему путному не научила... увы мне! — патетически воскликнул собеседник. — Какая досада, что я случайно проходил мимо. Лучше бы не видеть такой бесславной гибели! Тебе пришлют цветы от моего имени на Лефортовское кладбище. Я запомню, семнадцатый участок?

— Не дождетесь!

Что в таких случаях говорила Саламандра? «Когда рядом огонь, я становлюсь огнем...» Четыре ступеньки. Вокруг бушевали огненные волны, чтобы вылезти из штормящего прибоя на берег, надо было пронырнуть между двумя огненными волнами: одна отступала, а другая еще только закручивалась. Осталось выбрать спокойное место, где волны перехлестываются и гасят друг друга. Слово при замедленной съемке, взлетали кружащиеся мелкие предметы, сгорающие в падении, рядом закручивались огненные пузырящиеся гребни, она легко увернулась от них. Меч лежал на верстаке рядом с чаном, горящие шнурки змеились вокруг ножен, сами ножны дымилась. Подступить к верстаку было невозможно, в чане шипело и норвило полыхнуть что-то невообразимо ядовитое. «Иди сюда, глупое животное!» — беззвучно крикнула она мечу, вытягивая руку сквозь прозрачные огненные всплески. Руке стало нестерпимо горячо. Она поднырнула под волну жара, следующая волна подхватила ее и вынесла вверх.

Горло сдавил тяжелый кашель. В переулке завывала сирена. Миклашевский лежал без сознания, но живой. В плечо отдавала резкая боль, а в руке был зажат меч в оплавленных ножнах. Кожа на ладонях полопалась. Она стащила с кузнеца кожаный фартук и плотно завер-

нула в него оружие, зажала сверток под мышкой. Подождала, когда в подворотню въедет «скорая», быстро объяснила бригаде, что приехала к знакомому в мастерскую, нашла его без сознания и вытащила. Больше людей внутри нет. Медбрат скороговоркой спросил ее:

— Вам помощь нужна?

— Нет, я просто надышалась дыма, — честно призналась Маша, — занимайтесь потерпевшим.

Сзади завывала пожарная машина, которая не могла въехать в узкую подворотню, пока оттуда не выедет «скорая». Маша оставила врачам визитку Миклашевского, чтобы они не приняли его в таком виде за бомжа. Подумав, протянула и свою визитку санитару, для верности добавив к ней пятьсот рублей:

— Я очень тороплюсь, позвони мне потом, скажи, в какую больницу отвезли.

Парень пообещал перезвонить. Маша быстро убралась оттуда, порадовалась тому, что не стала заезжать во двор, а оставила машину поодаль. Глянула в зеркальце — вся в копоти, ободранная, как помойная кошка... А что это было? Озноб, продиравший насквозь, огненные волны, плещущие под ногами... «Перенюхала какой-то дряни в мастерской?.. Я подумаю об этом завтра!» — повторила она магическую формулу Скарлетт, вытерла лицо и рванула с места, чувствуя, как лопаются водыри на ладонях. За десять минут пролетела через центр, остановилась возле круглосуточной аптеки на своей набережной. Кое-как отряхнулась, быстро купила спрей от ожогов и вышла на улицу. Там было темно, в лучах фонарей прогуливались первые весенние парочки. «Живут же люди...» Вспомнила про купленные днем перчатки: вот и пригодились. Полезла в багажник, разворошила пакеты, морщась, натянула их на обожженные руки. Захлопнула багажник, обернулась — и увидела стоявший чуть поодаль черный «Эскалайд».

ЧАСТЬ III

Когда нет врагов, то не бывает войны.

ЛАО ЦЗЫ

глава 1

Джип шел за ней след в след, держа строгую дистанцию и не демонстрируя агрессии. Единственный раз помешал, когда она попыталась съехать в сторону дома, на Хамовнический вал: не пропустил, подрезав и басовито крикнув. Бодаться с четырехлитровым движком и грудой железа было бессмысленно, она выругалась и поехала по полупустому третьему кольцу, надеясь, что рано или поздно кому-нибудь из них это надоест. Джип не отставал. Она продолжала нарезать круги. Сейчас заканчивался четвертый виток. На часах полтретьего. Сначала ей было не по себе, а теперь стало смешно: нельзя бесконечно убежать. Бензин кончался. Но и этот бронированный холодильник жрет много.

Она свернула с кольца на Хорошевку и остановилась у заправки. Джип демонстративно поджидал ее у выезда. Рядом сверкала огнями круглосуточная автомойка, там всегда довольно людно по ночам. Маша отправилась туда, кинула подбежавшему мойщику ключи и пошла на второй этаж. Искося глянула вниз: джип заехал в соседние ворота. Джипы обычно моют гораздо дольше — собственно, на то и был расчет.

Зазвонил телефон: это был молодой санитар «скорой» с отчетом. Миклашевскому повезло: его прямоком доставили в «Склиф», благо ночью по центру можно быстро добраться куда угодно, он чувствует себя нормально. Как полезно носить в бумажнике НЗ в виде пятисотрублевой бумажки на непредвиденные расходы, будь то ГАИ или «скорая»...

В комнате для посетителей стояла кофемашина. Она, поморщилась от боли: обожженные ладони запылились от прикосновения к горячему стаканчику.

— У меня в аптечке есть перекись водорода.

Худощавый мужчина неопределенного возраста в темной куртке и шапке, надвинутой до бровей, положил ей руку на плечо. Голос показался смутно знакомым.

— У меня самой есть перекись, просто лень идти. Это ваш «Эскалайд»?

— Мой.

— Может, тогда объяснитесь?

— Потом. Пейте кофе, я сейчас вернусь.

Она вытянула ноги и не спеша пила кофе. Мужик вернулся с перекисью, упаковкой марлевых повязок и тюбиком мази.

— Давайте руку. Не бойтесь! — он быстро протер ее волдыри и ловко наложил марлевые повязки.

— Что за мазь?

— Экспериментальное средство для заживления ран.

— Удивительное совпадение... — пробурчала Маша, натягивая перчатки. — Все вокруг меня обеспокоены заживлением ран. Нет ли у вас в аптечке еще чего-нибудь от целлюлита?

— Целлюлит обсудим позже, — владелец «Эскалайда» был лаконичен. — Вы поняли, что домой ехать не надо?

— Поняла. Только у меня на завтра обширные планы. Дела, знаете. Переодеться надо.

— Не вздумайте удирать. У вас все равно маячок прилеплен, смысла нет.

— Когда ж вы его прилепили?

Он молчал.

— В супермаркете? — догадалась Маша.

— Встречаемся на выезде, едете за мной. Не пытайтесь удирать, только время потеряем.

Он резко развернулся и ушел вниз.

Что за птица? Неприметный, жилистый... как сказал кузнец, «профессиональная принадлежность не определяется»? Еще как определяется. И где-то она уже видела его, и слышала этот правильный, но не московский выговор...

Ей почему-то стало все равно. Теперь она ехала за недавним преследователем в сторону МКАД. Кто-то ее охраняет — и слава богу. А зачем и почему, разберемся завтра. Наверно, это один из спецсотрудников «Нано-виты»... Или та самая третья сила? Длинный день заканчивался, глаза слипались. Она изо всех сил таращилась в темноту, чтобы не упустить габариты идущей впереди машины. Свернули на Новую Ригу. Чтобы не уснуть за рулем,

врубил на полную громкость радио «Шансон» и открыла окна. Морозный предутренний воздух, гнусавые голоса и три блатных аккорда сделали свое дело: сонливость на время прошла. «Эскалайд» заморгал «поворотником», некоторое время они петляли по дорожке среди сосен и дачных коттеджей. В утренних сиреневых сумерках справа промелькнула извилистая речка, за ней неожиданно выросла церковь, слева виднелась будка со шлагбаумом. Шлагбаум подняли, они проехали внутрь закрытого поселка, остановились возле кирпичного гаража. Незнакомец вышел к ней с пультом от ворот:

— Давайте ключи, я загоню машину. Идите в дом. Направо и наверх по лестнице.

— Мне надо кое-что забрать из багажника.

— Я сам заберу и принесу ваши вещи.

Она, как зомби, поднялась на второй этаж дома, повернула направо, оказалась в мансарде с очень низким и крутым скатом. Сняла куртку и ботинки, плюхнулась на диван, застеленный покрывалом из «Икеи», и заснула через мгновение.

Машу разбудил звонок мобильного. Она пошарила вокруг себя, пытаясь понять, откуда идет звук, сначала не сообразила, почему спит одетая, потом вспомнила и окончательно проснулась. Над диваном стоял вчерашний незнакомец и протягивал телефон.

— Мария Владимировна, как поживаете? — раздался в трубке сладкий говорок Александра Васильевича.

— Да, я тут... — она исподлобья глянула на незнакомца. Тот очень выразительно покачал головой.

— Спасибо, все ОК, — поспешно пробурчала Маша.

— Вы готовы к презентации?

— В общем, да.

— Мы собирались сегодня предварительно собраться и обсудить протокол. Но планы чуть-чуть изменились, начало переговоров может быть отложено на день-два. Созвонимся, когда ситуация прояснится. Что-то голос у вас грустный?

— Честно сказать, вы меня разбудили.

Александр Васильевич рассыпался в извинениях и распрощался. Маша положила телефон на тумбочку возле дивана.

— Вы ничего не хотите мне объяснить? Разве вы не из «Нановиты»?

— Ванная комната направо по коридору. Завтрак ждет внизу.

Незнакомец развернулся и вышел.

Маша растерянно оглянулась, не нашла ничего ценного, кроме полотенца, взяла его и тупо поплелась в ванную. «Будем решать проблемы по мере поступления. Сперва холодный душ, традиции нельзя нарушать», — сказала самой себе. Ожоги на руках почти прошли. Вернулась в комнату, обнаружила у окна свои вещи. Не увидела среди них свертка из кожаного фартука, в котором вчера увозила меч, порадовалась тому, что самое ценное осталось незамеченным. Вчерашняя одежда была безнадежно испачкана на пожаре, пришлось надеть тот самый комбинезон с драконом на спине, купленный в приступе бессмысленного шопоголизма. Пригодились и новые кроссовки. Она спустилась вниз, принюхиваясь к запахам пищи.

Незнакомец сидел в кресле и пил сок.

— Доброе утро еще раз, — улыбаясь, сказала Маша, — простите, я вчера рухнула спать как убитая. Даже не запомнила вашего имени.

Он смотрел сквозь нее взглядом, лишенным каких-либо эмоций.

— Я не представлялся. Называйте меня... Алексеем. А спать хотелось, потому что я вколол вам сильное успокоительное.

— Как это «вколол успокоительное»? Когда?

— На мойке. Вы пили кофе. Укол через рукав.

Маша вспомнила, как чужая тяжелая рука на секунду легла на ее плечо. Отодвинула воротник комбинезона, скосила глаза: маленькая красная точка у плеча.

— Я могла заснуть за рулем!

— Нет. Лекарство действует через сорок минут. Полчаса заняла дорога сюда.

— Зачем вы это сделали?

— Чтобы не терять времени на разговоры. Вы бы начали спрашивать, спорить...

— С чего вы взяли?

— Вы сейчас спрашиваете и спорите. А вчера не было времени.

— Почему?

— Потому что вы должны были погибнуть при пожаре в мастерской вашего друга.

— Кому помешал Миклашевский?

— Миклашевский никому не мешал, пока вы не появились в его мастерской.

— Вы хотите сказать, что эсэмэска, присланная мне...

— Ее написал другой человек. Миклашевский был без сознания. Вас тоже ждали.

— Откуда вы знаете?

Маша задумалась, перед глазами мелькали сумбурные эпизоды вчерашнего пожара: вот она вытаскивает кузнеца, набирает слово «Лиза» на кодовом замке, лезет за мечом вниз...

— Я полетела в огонь, потому, что меня толкнули?

— Да.

— Вы видели того, кто это сделал?

Незнакомец молчал.

— Значит, Миклашевский должен был сгореть, а меня бы вы вытащили?

— О вас я должен был позаботиться, насчет него указаний не было. Но вы справились сами. Лучше, чем ожидалось.

Его лицо по-прежнему ничего не выражало. Дальнейший разговор на эту тему не имел смысла: он или промолчит, или опять вколет ей успокоительное, чтобы не спрашивала и не спорила. Маша потянулась за пепельницей, Алексей поморщился:

— Здесь не курят, если хотите, можете выйти во двор.

Она присела на крыльцо, выложенное темно-бордовой плиткой. Оглядела узкий двор, огороженный глухим забором. Большой трехэтажный коттедж выглядел необжитым: ни мусора в контейнерах, ни детских велосипедов или рабочих инструментов, ни мангала со следами посиделок. Интерьер казался достаточно рациональным, но абсолютно безликим. Зачем ее привезли сюда? От кого прячут? «А может, сказать ему, что нет никакого смысла меня охранять? Что я не обладаю никакой сверхъестественной силой и вообще превратилась в обычную тетку?» — мелькнула дурацкая мысль. Как бы себя повел Алексей? Вероятнее всего, он позвонил бы тому, кто им руководит, получил бы инструкции... «Блефовать так блефовать!» — решила Маша. Тогда надо произвести соответствующее впечатление. Она вернулась в дом и позвала Алексея:

— Мне надо кое-что достать из багажника.

Алексей послушно пошел в гараж, а Маша заодно подсмотрела, где лежит пульт от ворот. Вытащила и развернула сверток, с сожалением оглядела оплавленные ножны и вынула меч. Рукоять уцелела, на свету отчетливо был виден хамон — едва заметные волнистые линии, говорящие о качестве сплава и наведения клинка. Кузнец постарался на славу. Алексей замер, слегка ошеломленный, вероятно, видеть женщину с мечом ему доводилось только в кино. «Один — ноль в мою пользу», — решила она.

— Мне нужна мелкая шкурка.

— Чья?

«Не понимает, что такое шкурка. Точно не москвич и, возможно, вообще живет не в России...» Она вспомнила эту жилистую худощавую фигуру и немосковский странный выговор. Неделю назад в бассейне к ней подошел именно Алексей. Как раз в тот день, когда ее угораздило купить в антикварном магазине балисонг.

— Наждачная бумага, — пояснила она. И для наглядности потеряла ножны рукавом.

Он растерянно оглянулся:

— Я схожу в сарай, а вы здесь поищите.

Озадаченный Алексей принес ей кусок крупнозернистой шкурки.

— Это коллекционные ножны! — возмутилась Маша. — Миклашевский — мастер экстракласса, я не стану портить его работу.

Алексей смутился, через несколько минут принес маленький огрызок мельчайшей наждачной бумаги. Чтобы отдраить клинок, Маша решила воспользоваться средством для чистки раковин из нержавеющей стали. Потом принялась отчищать оплавленные края ножен. Алексей бродил рядом, потом нерешительно попросил разрешения подержать в руках меч. Маша пожала плечами:

— Смотрите, если интересно.

Самые серьезные и непроницаемые мужчины всегда немножко дети. У ее собеседника загорелись глаза, он взял меч, замахнулся...

— Неправильно, — не выдержала Маша. — Так не рубят. Пойдемте во двор, я покажу.

Они вышли во двор, там светило солнце и стало совсем тепло. Только в тени между плитками на дорожке еще виднелись остатки ночного льда.

— Это делается так,— произнесла Маша, чувствуя себя дряхлым мастером боевых искусств, которого преданные ученики вывели на весеннее солнышко.— Меч является естественным продолжением руки, его траектория — лишь продолжение наших движений...

Меч оказался действительно чуть более тяжелым, чем прошлый, и не слишком напоминал легендарный меч короля винь чун. Но рукоять легла в руку как родная, и с первым взмахом она почувствовала, как преобразается мир вокруг. словно и не было почти трех лет размеренной тусклой жизни. Лезвие засверкало на солнце. Блок — удар — атака сзади — атака сбоку... Ничего не существовало, кроме движения руки и ее сверкающего продолжения.

За спиной раздался резкий щелчок. Прежде чем она сообразила, что напоминает звук, тело отреагировало само: по позвоночнику мгновенно пробежал легкий холодок, горячая судорога прошла по всему телу. Она прыжком переметнулась в сторону и замерла в предельно низкой стойке змеи, удерживая кончик лезвия в нескольких миллиметрах от шеи остолбеневшего Алексея.

— Камера щелкает,— преувеличенно-спокойным голосом сказал он, стараясь не шевелиться. И протянул смартфон, на дисплее которого застыло изображение.— Не удержался, решил сфотографировать. Красиво...

— Не делайте так в следующий раз,— выдохнула Маша.— Особенно за спиной.

Убрала меч в ножны, пошла обратно в дом. Ошеломленный Алексей поплелся за ней.

— Всюду будете за мной ходить?

Он пожал плечами.

— И как долго?

— Пока ситуация не прояснится.

— Какая ситуация?

Алексей молчал, хотя с каждой минутой явно утрачивал часть своей невозмутимости.

— Если я в плену, то по Женевской конвенции меня положено кормить,— предупредила Маша.

— Не вопрос.

Охранник получил понятную инструкцию и загремел посудой.

«Что это было, Саламандра?» — спросил ее внутренний голос. «Ничего особенного. Я просто испугалась щелчка камеры». А уходу в низкую стойку при атаке сзади ее научила неповторимая Нгу Май в заброшенном буддийском храме три года назад. Это всего лишь развитая моторика. Стоило взять в руки боевой меч, как мышечная память сработала. Ничего сверхъестественного. Саламандры больше нет. Дешевая показуха такого рода — единственное, на что она теперь способна. «А откуда мы будем добывать огонь?» — осведомился внутренний голос.

Трудности преодолеваются по мере их поступления. К счастью, переговоры откладываются. Возможно, из-за сбежавшего китайца. То ли пленник был инструментом давления на конкурентов, то ли и вправду знал что-то важное. Ли Бэй... где он, кто он, какова его роль в этой истории? И кто тогда стоит за спиной невозмутимого Алексея? Кто велел найти ее и охранять? Может, Палыч? О нет. Не его стиль. Он сто рублей за мимозу отдал — это предел щедрости, которую может себе позволить Контора.

Палыч случайно встретил ее на улице после случайной беседы с Алексеем в бассейне. А потом ее нашла «Нано-вита». Алексей — и те, кто за ним стоит, — нашли ее первыми. Зачем? Не было ли несостоявшееся убийство кузнеца частью сценария, разработанного неведомой третьей силой? Тогда Алексей — представитель той самой третьей силы. Как бы то ни было, третья сила тоже в ней заинтересована. Два союзника лучше, чем ни одного.

Алексей неслышно подошел к ней, протянул мобильник:

— Вам эсэмэска пришла. Только прошу вас, не надо отвечать, если ничего срочного.

Эсэмэску прислал Палыч: «Маша, я кое-что узнал, обсудим при встрече».

— Ничего срочного, — она вернула телефон. — А вот есть хочется.

— Пять минут, — ответил Алексей и убрался назад в дом. Каким покладистым становится человек, если к его горлу хоть на несколько секунд приставить меч.

Пожалуй, ей начинала нравиться неожиданная роль суперзвезды. Не хватало только папарацци за забором. Она прошла по кухне вперед-назад, принялась:

— Вкусно пахнет. Курица? Давайте я помогу?

— Я сам, — Алексей незаметно развернулся так, чтобы не оказаться к ней спиной. «Э-э, голубчик, да ты стреляный воробей...» Его смартфон лежал на столе. Маша села, закинув ногу на ногу, подождала, пока он достанет из микроволновки стеклянную посудину, и попросила:

— Мой телефон садится, поищите зарядку в моих вещах, пожалуйста. И заодно куртку мою захватите, а то здесь прохладно.

Он кивнул и пошел наверх. Маша схватила его смартфон, на дисплее был виден значок пришедшего сообщения. «Пусть объяснит специфику работы с изделием. Когда закончишь, доставишь по адресу...» Контора другая, стиль тот же. По крайней мере иллюзий больше не было.

Алексей принес куртку. Маша оделась, нащупала в кармане куртки шершавый чехольчик.

— Вам эсэмэска пришла, — улыбнулась она. Алексей поднял брови. — Прочтите, я пока курицу разложу.

Он прочел, поднял глаза и увидел прямо перед лицом сверкающую сталь балисонга.

— Не двигайся, тогда все будет хорошо, — буркнула Маша, — а сейчас аккуратно достаем ствол и кладем его на стол... теперь достаем ключ от моей машины...

Через пять минут она выкатилась из поселка, ругая себя за то, что долго возилась с пультом, открывающим дверь гаража: ключи и пульты — ее слабое место. Охранник послушно отправился под замок в пристройку. Вероятно, упражнения с холодным оружием произвели должное впечатление. Однако скоро он выберется оттуда, фора была небольшой. Его смартфон лежал в сумке, надо будет отъехать на безопасное расстояние и изучить содержимое. Перед выездом на Новую Ригу она сообразила, что маячок, поставленный на ее машину, продолжает действовать.

Увидела первый попавшийся захудалый автосервис, возле которого терлись сомнительные персонажи на тонированных «девятках». Ворвалась внутрь:

— Электрика! Срочно!

— Девушка, куда спешить? Такая погода, весна, солнышко, а ты топишься. Посиди, нет пока электрика. Сварщик не подойдет?

Маша хлопнула дверью и вылетела наружу. Позвонить некому. Клиентам вообще не надо сообщать о технических проблемах. Па-

лыч бесполезен — он по обыкновению начал бы надувать щеки и давать советы: «Мария, будьте осторожнее...» Своевременный совет...

— Девушка, погоди! Зачем убегаешь? Что у тебя стряслось? — вслед за ней, прихрамывая, переваливался пожилой пузатый мужчина в спецовке. — Где твоя машина?

— Вот. Вы электрик?

— Я все умею. Что не работает?

— Все работает, папаша. У меня в машине где-то радиомаячок стоит. Найдите, пожалуйста!

— Ты шпионка, да? — улыбнулся мастер. — За тобой ЦРУ гоняется? Тут все время одну рыжую шпионку по телевизору показывают. Такая... ух!

— Нет. Я с одним человеком встречаюсь, у него жена ревнивая. Эсэмэски читает, почту проверяет, а теперь кто-то ее научил поставить маячок, чтобы меня выследить.

Мастер сумрачно глянул на нее:

— Нехорошо.

— Знаю. Вы уж помогите, а я больше не буду... — Маша всем видом изобразила раскаяние.

— За мужем шпионить нехорошо! Хорошая жена мужу борщ варит, а не следит за ним! Будет хороший борщ варить — никуда не денется. А будет шпионить — все равно сбежит! Слушай, зачем тебе женатый? У меня два сына, оба холостые...

Через полчаса незаметный клоп был обнаружен, вырван и торжественно раздавлен об асфальт. Мастер взял с нее не так уж и много денег, по крайней мере в кошельке еще что-то осталось. Маша радостно записала его телефон, пообещала приезжать с любыми проблемами и ретировалась. Выехав на МКАД, вздохнула и задумалась: а, собственно, почему ей не надо появляться дома? Захотят — найдут где угодно. Перед глазами возникла аппетитная курица, которую ей не довелось съесть в таинственном коттедже на Новой Риге. «Буратино открыл глаза — курица исчезла...»

Не без робости она поднялась по лестнице и открыла свою дверь, но ничего подозрительного не обнаружила. Сначала опустошила холодильник, потом достала меч, медленно вытащила клинок из ножен, повернула к свету:

— Ну что, кровь Дракона! Как будем выкручиваться? Тебя сделали на коленке за три дня, а я и вовсе самозванка. Мы с тобой оба — «дети лейтенанта Шмидта»...

И увидела в сверкающем лезвии отражение своего лица — как будто меч тоже пристально смотрел на нее чуть раскосыми темными глазами.

глава 2

Изучение чужого смартфона ни к чему не привело. Ее фото с мечом было отправлено на тот же номер, с которого пришло сообщение. Ни записной книжки, ни сведений о предыдущих контактах. Фото удалось: комбинезон с драконом на спине смотрелся просто шикарно. Старый мастер Зыонг при желании мог бы придраться к стойке, но Зыонга рядом не было. «Сойдет для сельской местности», — решила Маша. Кстати о сельской местности: надо бы примерно определить, где находился коттедж. Вчера ей слишком хотелось спать, в памяти остались только габаритные огни идущего впереди «Эскалайда». Почему Алексей просто не увез ее с собой, вкатив дозу успокоительного? Вероятно, мужчина с дамой на руках, равно как и брошенная машина, могли вызвать ненужный интерес. А получилось, что она поехала за ним по доброй воле.

Надо помалкивать об этой встрече. Ясно одно: Алексей и его хозяева заинтересованы в ней едва ли не больше, чем клиенты из «Нановиты». Может, позвонить по единственному сохраненному номеру? Не стоит. Пусть сами ищут встречи. Есть интерес, значит, есть деньги. Чем выше цена, которая назначена за твою голову, тем больше шансов носить ее на плечах. Хватит прыгать по ночам задаром, зарабатывая синяки и ссадины, пусть заинтересованные стороны платят сверхурочные. Скорее бы вернулся Борис Маркович, не к ночи будь помянут! Знал бы он, чем занимается в его отсутствие креативный директор. А пусть полюбуется! Маша отправила Борису фотографию, ограничившись одной фразой: «Фотосессия не закончена, модели требуются стилист, визажист и гонорар». После чего уселась на диван и устала в старый проверенный боевик с Сигалом, поедая соленые сухарики и запивая их чаем.

Давным-давно, в другой жизни они сидели в домике отставного бандита с его верными телохранителями Серегой и Валерой, перебирая диски с классическим голливудским мордобоем. Именно Валерка заставил ее посмотреть нуднейший фильм «Эквилибриус» и запомнить знаменитое ката Стрелка. Вскоре это ката спасло ей жизнь.

На экране мелькали сто раз виденные сцены, а Маша сидела неподвижно, прикрыв глаза, уйдя в воспоминания. Вернувшись из Вьетнама, она долго втискивалась в привычную старую шкуру. Но нельзя до бесконечности обманывать саму себя: все эти три года в этой прежней шкуре ей было тесно, пусто и одиноко. Она с трудом убедилась в том, что иррациональная часть ее жизни закончилась, а для всего остального есть рациональные объяснения. И вот, пожалуйста: стоило взять в руки боевой меч, как ее усилия пошли прахом, а в голову лезет черт знает что. Даром что меч сделан за три дня в подвале и не имеет ни малейшего отношения к восточной мифологии.

— Ты безродный космополит! Оба мы только делаем вид, что умеем что-то необыкновенное, — сказала она, вынимая меч из ножен. После ремонта бывшая гостиная лишилась большей части мебели, и теперь места для упражнений было хоть отбавляй. — Итак, повторяем ката Стрелка.

Она закрыла глаза, все вокруг перестало существовать, остались только воображаемые траектории, по которым нужно было уходить от атак противника. Вправо под сорок пять — влево под сорок пять — перехват — разворот — уход в низкую стойку — переворот — вправо под сто тридцать пять — влево под сто тридцать пять — перехват... Тело словно подчинялось движению волны, нужно было просто следовать ее колебаниям.

Раздался звонок мобильного. Она остановила руку на середине движения, открыла глаза, с сожалением вложила меч в ножны и взялась за трубку. Это оказалась мама Бориса Марковича.

— Машенька, дорогая! Я тут искала разные квитанции и случайно нашла конверт, на котором написано: «Для Маши». Вероятно, Боря торопился перед отъездом, машинально сунул его в ящик стола, где у нас с мужем лежат документы и прочие бумаги. Мы на следующей неделе собираемся заехать в Москву, я вам позвоню...

— Если вас не затруднит, я бы приехала за ним прямо сейчас.

— Конечно, Машенька, но ты не боишься возвращаться затемно?

Еврейская мама — это диагноз...

Через пять минут она надевала кроссовки, одной рукой запихивая в рот недоеденные сухарики, а другой придерживая меч, завернутый в кожаный фартук оружейника Миклашевского. «Хочешь похудеть — спроси меня как». «И главное — спроси зачем», — ядовито добавил внутренний голос. Повинуясь интуиции, вернулась с порога, сунула в сумку кожаную папку с самыми необходимыми документами. Показала язык своему отражению и понеслась вниз по лестнице.

После чая с малиной и тарелки оладий, которыми накормили ее Борины родители, Маша впала в блаженное полудремотное состояние. Думать не хотелось категорически. Она отъехала от дачного поселка на несколько километров, остановилась, чтобы залить стеклоомыватель, и только тогда распечатала конверт. Там лежал полис очередной страховой компании. Один полис, выписанный на ее имя, лежал в офисе «Нано-виты», этот был тоже заверенный, со всеми печатями, но незаполненный. Так сказать, на предъявителя... Боря, как и заказчики, подкинул ей открытый лист, чтобы она сама проставила в нем нужную сумму. Карт-бланш кардинала Ришелье: «Все, что сделал предъявитель сего, сделано по моему приказанию и для блага государства». Она пожала плечами и сунула бумагу обратно в сумку.

От чего ее назойливо пытаются застраховать окружающие? Ее жизнь в опасности? События прошлой ночи на первый взгляд убедительно это доказывали. Незвестный чуть было не угробил и кузнеца, и ее саму во время пожара в мастерской. Но этот неведомый персонаж был уверен, что она выберется. Как будто ей давали понять: мы знаем, на что ты способна, просто проверяем, не потеряла ли былую форму. Она закрыла глаза, глядя в сумерки подсознания: опасность рядом, но ни ей, ни родным впрямую ничто не угрожает. Боря оставил ей незаполненный полис в связи с возможными рисками? Или это подсказка?

— Знатокам требуется помощь клуба, — пробурчала Маша, съезжая на трассу. Рядом раздался визг тормозов, брызнули яркие ксеноновые фары: кто-то чуть не снес ей боковое зеркало... Странно. Она медленно тронулась с места. Машина, пронесшаяся мимо, за-

медлила скорость. Водитель явно вел себя неадекватно, метался из ряда в ряд, сзади пристроилась вторая машина. Обкуренные, что ли? Через минуту Маша поняла, что они норовят зажать ее с двух сторон.

Владельцы загородных домов потянулись прочь из города еще с утра, сейчас на полупустой дороге не было, как назло, ни одного гаишника. И она ничего не могла сделать с двумя оголтелыми тачками. Одна машина оказалась рядом, стекло опустилось, невидимый водитель показал: съезжай на обочину. Маша ответила универсальным международным жестом. Вторая машина притерла ее вплотную. Впереди маячил огромный трейлер. Преследователи выталкивали ее на встречную полосу. Трейлер был все ближе, впереди за поворотом не было видно ничего, сзади в упор били фары догоняющей машины.

— Какой же русский не любит быстрой езды? Для того и нужна простой женщине машина BMW-325...— пробормотала Маша,— давай, птица-тройка...— и со всей дури втопила педаль газа. Юркая «бэха» мгновенно ломанулась на «встречку». Ее вдавило в кресло. Машина, вылетевшая из-за поворота, увернулась в сторону и возмущенно загудела. Сзади раздался визг тормозов и знакомое кряканье. Она глянула в зеркало: оба преследователя куда-то делись, зато ее прижал к обочине огромный черный джип со знакомой эмблемой.

— Вот и помощь клуба,— пробурчала Маша. Опустила стекло и улыбнулась подходившему Алексею:

— Добрый вечер! Какая неожиданная встреча!

— Откройте пассажирскую дверь. И давайте на этот раз без глупостей, мне приказано вас охранять, но я не могу гоняться за вами по Москве и ее окрестностям.

Он уселся на пассажирское кресло, пристегнулся, глянул исподлобья:

— Машина хорошая, а водить не умеете!

— Как умею, так и езжу.

— Права покупали?

— Конечно. Это оказалось дешевле и проще.

— Почему вас болтало на вираже?

— Шипы. Вместо летней резины купила балисонг. Дорога подскохла, вот и швыряет.

— Вас не беспокоит эта ситуация?

— Я решаю проблемы по мере их поступления.

— Вы не представляете масштаба этих проблем! — собеседник махнул рукой. — Езжайте за «эском».

— За «эской»... — машинально поправила Маша. — Именно такие мелочи выдают иностранца.

— Езжайте за «эской»! — скрипнул зубами Алексей. — Лингвистические проблемы обсудим позже.

Маша пожала плечами и нагло закурила: в своей машине она могла делать что угодно.

Маленький ресторан был полон свободных мест. За столом, к которому Алексей проводил Машу, сидел гладколицый мужчина в дорогом костюме. Еще два столика по соседству были заняты крепкими молодыми людьми.

— Надеюсь, вы поняли, что есть группа лиц, которым небезразлична ваша судьба, — произнес Алексей, — познакомьтесь: Марк Штайн, член совета директоров международной страховой компании «Лотос».

— Ничего, если я сначала кофе выпью? Спать хочется. И есть...

Маша демонстративно открыла меню, начала искать в сумке очки, долго выбирала еду, потом подозвала официанта, попросила кофе и салат. Собеседники вежливо терпели этот беспредел. Когда официант принес заказ, Марк язвительно осведомился:

— Теперь вы мне позволите объяснить суть дела?

— Хаджиме! — кивнула Маша.

— Простите?

— Это по-японски: приступайте! Так обычно говорит сэнсей на тренировке.

Алексей заерзал. «А с выдержкой у вас не очень, молодой человек...» Марк был по-прежнему невозмутим.

— Итак, я являюсь членом совета директоров международной страховой компании. Мы работаем с ведущими медицинскими центрами Европы и Азии.

Она полезла в сумку за Бориным конвертом. Вытянула оттуда страховую полис, выложила на стол:

— Это ваше?

Штайн улыбнулся:

— Нет, это ваше. Борис — разумный человек. Он заключил с нами договор, мы пошли ему навстречу и разрешили маленькую вольность в обращении с документами. Можете сами написать сумму, которая вам покажется достаточной. Кстати, вам предлагали застраховать жизнь и здоровье?

— Есть варианты...— Маша пока не стала рассказывать о полисе, лежащем в сейфе «Нано-виты».

— Кто бы ни обратился к вам с подобным предложением, не делайте этого! — лицо Штайна исказилось, он приблизился вплотную и прошипел: — Есть одна компания. «Иммортел».

— Знакомое название...

— Фирма с сомнительной репутацией. У них много дочерних структур. Учредитель — офшорная компания. Не брезгают ничем. Стартовый капитал заработали неизвестно на чем, скорее всего, на продаже в России медицинских препаратов, запрещенных в других странах Европы. Они проникли на ваш рынок медицинских услуг. Это страшные люди! Пациенты погибают, их родственники получают копейки.

— А почему люди погибают?

— Они сотрудничают с медицинскими центрами, ведущими запрещенные исследования. опыты на людях, да-да! Добровольцев привлекают, обещают им огромные страховые выплаты, но договоры с фирмой составлены... некорректно...— Штайн закашлялся и отвернулся.

— А у вас, значит, корректно?

— Для нас интересы клиента превыше всего. Ваш минимальный риск — наши максимальные выплаты.

— Я пока не поняла, в чем, собственно, состоит риск, которому я подвергаюсь. Вы полагаете, что мой срок пребывания на планете Земля подходит к концу? Я лично не вижу пока ничего, представляющего опасность.

— Не считая пожара в мастерской вашего знакомого...— начал Алексей.

—... и автомобильной аварии, которой вы чудом избежали...— продолжил Штайн.

— Господа, откройте карты! — Маша резко отодвинула пустую чашку.— Мне хватает моих безумных клиентов, которые оперируют астрономическими суммами. Или немедленно объяснитесь, или я уйду и знать вас больше не желаю!

— Вы ничего не боитесь, потому что являетесь образцом третьей категории? — тихо спросил Штайн.

— Какой категории? — машинально переспросила она.

— Образец третьей категории. «Биофорте-100».

— Что это значит?

Штайн снял очки, протер их, надел обратно и произнес еще тише:

— Стопроцентная регенерация. Тайна Огненной Саламандры. Мария, бессмысленно скрывать ваши уникальные качества. Теперь вы — главный приз для страховых компаний всего мира. Ходячее бессмертие. Мисс Джекпот.

Маша едва не подавилась кофе. Пожалуй, впервые в жизни она не знала, что сказать. И именно в этот момент в ее сумке зазвонил мобильный.

— Да, сынок... Конечно.

Она оглянулась и бесстрастным тоном заявила:

— Извините, господа. Неотложное дело. Я должна отлучиться. Надеюсь, Мисс Джекпот и ее близким гарантирована круглосуточная защита?

глава 3

Мисс Джекпот вытирала внучке соплю. Дашка просила разрешения заниматься с мечом, но Маша была неумолима: сначала надо выздороветь. После обеда Дашка поставила диск с мультиком про Бемби, а Маша уселась курить на кухне.

То, что поведал Штайн, звучало нелепо и абсурдно. Но она сама блефовала на двести процентов и чувствовала себя героиней итальянской комедии положений. Казалось, обе стороны не знают, чего от нее ждать, и пытаются перестраховаться. Вдумываться в это было сложно, Маша предпочла вместе с внучкой посмотреть диснеевский мультик. Где еще настолько красиво и поэтично изображено единство жизни и смерти?..

Жизнь и смерть. Две стороны. Что-то важное упущено. Итак, имеются две конкурирующие фирмы — производители «пузырьков бессмертия». «Нано-вите» мешают китайские конкуренты во главе с непосредственным изобретателем чудодейственного пре-

парата Ли Бэем. «Нано-вита» жаждет выйти на мировой рынок с «пузырьком бессмертия», гарантирующим стопроцентную регенерацию организма. Владельцы «Нано-виты» откуда-то узнали о ее необыкновенных свойствах, хотят представить Саламандру как самый удачный результат эксперимента, просят устроить для китайцев показуху по высшему разряду, не предполагая, что «контракт Саламандры» обрекает его исполнительницу на верную гибель. Они будут беречь Машу как зеницу ока — то есть как «образец третьей категории».

Страховщики выстроились в очередь за дивидендами от бессмертия. Есть две страховые компании, ведущие борьбу за будущий рынок: компания «Лотос», представляемая Марком Штайном, и другая — компания «Иммортел», те самые «страшные люди». Как объяснял ей Штайн, у конкурентов добровольцы при опытах гибнут задаром. Вероятно, если в «Лотосе» они и гибнут, то за большие деньги.

Обе компании жаждут заключить эксклюзивный договор с «Нано-витой», чтобы всякий желающий приобрести «пузырек бессмертия» автоматически становился их клиентом.

«Иммортел». Рекламная листовка на ветровом стекле, фирма, производящая дешевую косметику? Штайн говорил, что компания «Иммортел» зарегистрирована в офшорной зоне. Наверняка владельцы — здешние, а капитал — мутного происхождения. Для отмывки бабла гонят дешевую косметику. Маша зажмурилась, пытаясь вспомнить, как выглядел полис с семизначной страховой суммой, который выложили перед ней Александр Васильевич и Эвальд Карлович в день знакомства. Был там какой-то логотип в углу... Да. Это полис компании «Иммортел». И название НПО «Андриас» она впервые увидела именно на листовке с рекламой одноименной косметики. Наверно, эта страховая компания создана каким-то теневым дельцом из бывшего оборонного ведомства. И конечно, «Иммортел» считает, что сотрудничество с «Нано-витой» у них в кармане. Еще бы: все свои... «Лотос» вслед за «Иммортелом» предлагает Маше огромные деньги за выполнение «контракта Саламандры». Предполагается, что очередь из желающих стать бессмертным выстроится «от Мадрида до Бомбея». Обе фирмы заинтересованы в Машинном здоровье и благополучии.

Китайцы хотят доказать, что только они владеют подлинной технологией изготовления «эликсира бессмертия», а «Нано-вита» в бессмертии ни хрена не смыслит. Китайцы заранее были осведомлены об уникальных способностях Саламандры, поэтому выставят против нее тяжелую артиллерию: кого-то вооруженного четвертым мечом короля винь чун. О существовании этого меча никто не знает, кроме Маши... и еще одного человека... не к ночи будь помянут!

Все логично. Одной стороне нужна Машина жизнь, другой — наоборот. Два кольца, два конца, посередине гвоздик. И гвоздику Маше в любом случае деться некуда. Никакими сверхъестественными способностями она больше не обладает. И какую показуху ни разводи, сколько гонорара ни проси, а снесут башку королевским мечом — другая не вырастет. А главное, что ей никуда не скрыться, потому что на свете есть Дашка. И если с ней что-то случится, Дашка автоматически становится «образцом третьей категории». Поэтому расхлебывать кашу придется самой. И совета спросить не у кого.

Она закрыла глаза, сосредоточилась. В полутьме, среди радужных ярких пятен, возник размытый образ: худенькая светловолосая девушка. Зоя, о фантастической судьбе которой она узнала во время поездки во Вьетнам. Та, что была ее настоящей матерью. Настоящая Огненная Саламандра, обладавшая от рождения сверхъестественными способностями. Даже в мыслях Маша не могла назвать ее «мамой» — мамой была для нее только одна женщина. Ее бабушка, Ирина. Равно как и папой она звала своего деда. Судьба ее настоящих родителей слишком долго была тайной. И тайна эта открылась не Маше Северцевой, а Огненной Саламандре. Именно в тот момент, когда это знание было ей необходимо. Оказавшись снова в школе Маши Северцевой, она предпочла не задумываться, раз и навсегда постановив: нельзя любить тех, кого не знаешь. Помни и люби тех, кто был с тобой рядом. А настоящие родители — две загадочные тени, двое влюбленных на старом снимке. Очередная версия Ромео и Джульетты двадцатого века, только вместо Монтекки и Капулетти — спецслужбы разных стран и расовые предрассудки.

От настоящих родителей Маше достались только красивые пепельные волосы, да необычайный разрез глаз и форма скул... И еще кровь

воинов... И еще сила Огненной Саламандры, некстати покинувшая ее! Если уж дали силу — почему не навсегда?

«Зоя...— позвала она.— Что мне делать? Я больше ничего не могу. Я теперь никакая не Огненная Саламандра, а обычная тетка, которая вдвое старше тебя. Я ничего не боюсь. Но есть Дашка. И она — настоящая Огненная Саламандра. Как мне уберечь ее?»

Полумрак стал рассеиваться, в нем замаячила тень. Ни лица, ни фигуры разглядеть было невозможно, но звериным чутьем она угадала, что это действительно Зоя. Раздался едва уловимый шелест. Казалось, что его производили колебания серо-голубых волн. Она отчетливо расслышала: «Придется постараться...» «А кто пытается завладеть мечом из голландского музея?» — «Не бойся его. Дело не в том, у кого меч. У меня его тоже не было». — «Ты была настоящей Огненной Саламандрой! А мне дали эту силу напрокат, вместе с мечом, и потом отобрали. Я не смогу с ними справиться!» — «Ты сможешь. Ты отлично знаешь, кто ты есть на самом деле». — «Кто я? Зачем я здесь?»

Она открыла глаза. Сеанс общения с предками был непродолжительным и не слишком информативным. Причуды подсознания. Будем решать по мере поступления...

Уложила Дашку спать, проверила почту: там было два свежих письма. Одно с незнакомого адреса. «Мария, я уже писала вам о своем муже. Он лежал в коме после аварии. Вчера в больнице отрубили электричество, резервный генератор в реанимационном блоке почему-то не сработал. Дима умер. Я пыталась объяснить следователю, что думаю по этому поводу, но меня никто не слушает. Дело закроют. Но когда я просматривала его последние записи, то нашла наброски статьи о китайских средствах и о том, как российские компании пытаются присвоить изобретения китайцев. Тут что-то не так. Если вы не оставили эту тему, будьте осторожны. Не отвечайте на мое письмо. Не ищите меня. После похорон я уеду к родителям». Война за «вакцину бессмертия» вступила в решающую стадию. Второе письмо было также с неизвестного адреса и состояло из одной фразы: «Тебе надо срочно уехать».

Только Боря мог написать это. Он заранее знал подоплеку сделки с «Нано-витой», наверняка получил крупный откат от страховой компании «Лотос». Потом узнал, что к «Нано-вите» подкатилась другая страховая компания. А он взял бабки у «Лотоса» и никак вы-

вернуться не мог! Он вообще знает гораздо больше, чем все окружающие. Сейчас пронюхал, что ей угрожает опасность. И по старой дружбе решил предупредить. Наверно, получил от нее фотографию с мечом и сделал выводы. А собственно, какие выводы он мог сделать? Что в любой войне одна сторона точно проиграет? Это ясно и без его советов...

Она попыталась в уме представить схему: вот «Нано-вита», вот китайцы. Вот страховая компания «Лотос», вот «Иммортел»... Стоп! Может, страховые компании пока выжидают, кто окажется сильнее, «Нано-вита» или китайцы? Боря играет за «Лотос», поэтому предупреждает ее об опасности.

В этот момент позвонил Марат, тренер из клуба «Осс!».

— Мой старый армейский приятель заходил в клуб и принес приглашения на фестиваль «Клинок победы». Оказывается, он был в клубе на прошлой тренировке и пригласил тебя. Он просил передать, что для поединков на мечах будет выделен специальный день и специальное помещение, причем о времени турнира участникам сообщат персонально.

Марат помолчал несколько секунд и добавил, громко шмыгая носом:

— Маша, ты уверена, что тебе надо туда идти? Я давно знаком с этим человеком и не уверен...

— Он сказал, что вы в спецназе вместе служили. И что он был у тебя инструктором по рукопашному бою. Разве не так?

— Так-то оно так. Мы действительно давно не виделись. Но я после армии, знаешь, в педагогический поступил, на истфак. А он пошел в Академию Генштаба.

— Из армейского спецназа прямиком в академию? Так не бывает, Марат, ты уж извини!

— Бывает, Маша. При определенных обстоятельствах все бывает. Поэтому я бы тебе не советовал. Сошлись на занятость...

— Марат, давай начистоту! Врать ты все равно не умеешь. Ты что-то знаешь?

— Нет. Но тебе это не надо.

— Ты хочешь сказать, что это опасно?

— Если не опасно, то противно! — не выдержал Марат. — Я знаю, что для тебя подобрали соперника, он очень большой мастер фехто-

вания на мечах, откуда-то с Востока. Я вообще не уверен, что в программе боя на мечах заявлены другие участники. Не знаю уж, чем и кому ты дорогу перешла, но то, что я узнал, мне не нравится. Не ходи!

— Марат, спасибо тебе... Но мне фактически послали вызов. Согласись, что в этом случае я не могу отказаться от поединка, если только у меня не будет крайне уважительной причины.

— Тебе что, заняться больше нечем? Найди причину! Заболела, уехала, срочная работа, горящая путевка, ногу растянула... Нет тебя — нет поединка. Я хочу спокойно заниматься с детьми... — он сглотнул слюну, откашлялся и добавил более спокойным тоном: — Короче, никому из нас не нужны проблемы. Не забывай: ты в первую очередь женщина. А уж во вторую очередь — очень большой мастер.

— Я мастер?

— Конечно. Я это понял с самого первого дня. Хоть ты никогда ни о чем не рассказывала. И еще я знаю, что ты намного умнее меня. Не дай себя использовать втемную!

Маша нажала отбой и поймала себя на ощущении полной нереальности происходящего. Когда смотришь необычайно интересный сон, но дальней частью сознания понимаешь, что в любую секунду можешь проснуться. Загадочный противник — фигура в темноте, без лица и опознавательных знаков — обретал понемногу реальные черты. Это был воин с другой стороны. Незнакомец. Как говорится, ничего личного, он просто воюет под другим флагом. Угроза, исходившая от него, становилась осязаемой. Ей не было страшно, наоборот, ей хотелось встретиться с ним лицом к лицу. Интересно было бы посмотреть, как обычный человек сумеет распорядиться этим оружием, и много ли будет от меча толку в человеческих руках.

«Много ли ты умела, когда впервые взяла в руки свой прежний меч?» — «Ничего не умела. Но я научилась пользоваться и мечом, и своими новыми свойствами. У меня была цель. И ради этой цели меня учили и Зыонг, и Нгу Май!» — «А теперь у тебя какая цель?» — «А теперь у меня и меча такого нет! Сплошная художественная самодеятельность!» — «Меча нет, а противник есть. И очень грозный...» — «Кто бы он ни был, он всего лишь человек. А человек —

существо понятное! Кроме умения воевать, он обладает разными достоинствами и недостатками. Всем этим можно воспользоваться». — «Всего лишь человек? Как ты заговорила! А ведь еще недавно горько сокрушалась о том, что Огненной Саламандры больше нет». — «Я столько лет в рекламном бизнесе, что знаю все о человеческой природе! А тот, кто сомневается в моем существовании, может выйти и убедиться лично!»

Произнеся эту тираду, она рефлекторно встала в боевую стойку. Потом опомнилась и спросила себя: на каком, собственно, языке шел диалог и кто был оппонентом. Не нашла ответа и махнула рукой, слишком много непонятого свалилось на ее бедную голову. А что касается неведомого противника, — людей без недостатков и уязвимых мест не бывает. Ей платят одни люди, ему — другие. Ее пытаются не только купить, но запугать и обмануть. Однако забывают, что и с ними можно поступить аналогичным образом: запугать, обмануть, купить. Для начала надо их обмануть. А там посмотрим.

Маша набрала номер своей приятельницы. Ее турфирма постоянно работала с Бориным агентством, сотрудникам агентства предоставлялась пятидесятипроцентная скидка.

— Танюша, золотко, у меня образовалось несколько свободных дней. Куда?.. Все равно. Шенген?.. Ты лучше меня знаешь, какие в моем паспорте визы. Сейчас посмотрю. Ты права, виза еще действительна... Любой горящий тур. Жду с нетерпением.

Через десять минут приятельница перезвонила: в аэропорту Домодедово Машу ждал отказной билет в Ираклион, а в маленьком критском городке были забронированы на несколько дней частные апартаменты. Она позвонила сыну:

— Слушай, вы скоро вернетесь? Мне надо срочно уехать на несколько дней. Жду. Кстати, у нас во дворе асфальт на плитку меняют, я оставляю машину возле вашего подъезда?

Дождавшись детей, выглянула в окно, заметила знакомый черный джип. Мысленно скомандовала: «Стеречь!» Сторожевой пес «Лотоса» хорошо выдрессирован и будет охранять ее родных на совесть. Быстро попрощалась с детьми и выбежала через проходной подъезд на параллельную улочку, где ее ожидало заказанное такси.

глава 4

Если обстоятельства складываются в твою пользу, значит, решение правильное. Пока ей везло во всем. Вал отъездов на майские праздники еще не захлестнул аэропорты. У нее при себе была вполне солидная сумма, выданная «Нано-витой» на текущие расходы. Пройдя паспортный контроль, она решила убрать ненужные документы в сумку. Из папки выпала открытка с панорамой острова и условным адресом в том же маленьком курортном городке. Судьба вела ее на Крит. Туда, где свил гнездо отставной бандит. Прошлое то и дело высывалось из всех щелей.

«Значит, надо на всякий случай купить гостинцы Аполлинарьевичу и его супруге-профессорше». В ближайшем магазине она обнаружила стойку с дисками, купила «Времена года» Вивальди в исполнении оркестра Гидона Кремера и «Лауреаты премии радио „Шансон“». Не то чтобы она рассчитывала на радушный прием на Крите, но являться в дом к старому товарищу с пустыми руками — это не по понятиям.

И пошла дальше, бездумно перебирая бутылки, шоколадки и прочую мишуру. Глянула в большое зеркальное стекло, вздрогнула, увидев знакомый плечистый силуэт, зажмурилась, пригляделась, убедилась в том, что мимо прошел абсолютно посторонний человек. Прислонилась к стене, чувствуя, как ноги становятся ватными. «Сколько лет должно пройти, прежде чем тебе перестанет мерещиться в любой толпе эта плечистая фигура, лобастая башка и американская челюсть?» — возопил внутренний голос. Ответ был науке неизвестен: скорость заживления сердечных ран — величина сугубо индивидуальная. И никакая «Нано-вита» со своими эликсирами не помогла бы. Ей в очередной раз показалось. Весна...

Но настоящая весна встретила ее на Крите: теплый вечер был наполнен запахами цветущих апельсиновых деревьев, водорослей, цикория, солярки и еще чего-то неуловимого, отличающего прибрежные аэропорты от любых других аэропортов планеты. Море дышало где-то поблизости в темноте, она всей шкурой ощущала поблизости присутствие водной массы — так звери чувствуют присутствие сородичей в ночном лесу. Море было ее союзником.

Маша долго дождалась, пока на транспортере покажется длинный дорожный чехол с надежно упрятым в него, завернутым в несколько слоев ткани мечом. Потом вышла к стоянке такси. Пока она торговалась с местными «бомбилами», что-то мешало. Она не могла понять, что конкретно, но на всякий случай быстрее села в машину.

Дорога шла вдоль моря, по плоской долине, справа над лесистым взгорьем висел волокнистый туман, сквозь него просвечивало черносинее небо. Она перестала задумываться над тем, зачем оказалась здесь, просто прижимала к себе запакованный чехол с мечом и втягивала ноздрями морской воздух. Когда они отъехали достаточно далеко от аэропорта, водитель включил погромче музыку, разрешил курить, Маша блаженно откинулась на сиденье — и только тогда сообразила, что не давало ей покоя на стоянке такси: пристальный взгляд в затылок.

Проезжая через улочку, заполненную магазинами, водитель сбросил скорость, Маша заметила витрину магазина подводных принадлежностей. Сердце ныряльщика дрогнуло: нельзя пренебречь возможностью понырять в Эгейском море, даже если в апреле оно не слишком теплое. Она попросила водителя подождать, постучала в стекло. Навстречу неспешно вышел пожилой хозяин магазина, замахал руками. Увидев сомнение в ее лице, щедро пообещал скидку пятьдесят процентов на все. Маша сравнила здешние цены с московскими — и немедленно пошла мерить гидрокостюм. Выбрала также прекрасные спортивные ласты и маску с трубкой, хозяин впарил ей заодно марсельский пояс ныряльщика с двумя грузами, практически даром. Довольная собой, вернулась в такси.

Водитель попался словоохотливый: туристический сезон еще не начался, приезжие не успели надоесть местным жителям.

— Откуда вы, леди?

— Из Москвы.

— Здесь много русских живет. Покупают недвижимость, приезжают на месяц, потом на все лето, потом остаются надолго. Если завтра пойдете в город пешком, увидите старые отели. Всю эту часть побережья скупили русские. У вас в России плохо?

— Не совсем.

— А где хорошо? Там хорошо? — он ткнул пальцем в небо.

— Там,— Маша кивнула в сторону моря.

— Почему?

— Там людей нет.

— Леди, вы ошибаетесь. Я прожил долгую жизнь и знаю: люди лучше, чем порой о них думаешь. Они разные. Но они лучше, чем кажется.

Увидев свое жилье, Маша замерла в восхищении: частная вилла состояла из нескольких домиков, террасами спускавшихся по очень крутому берегу маленькой бухты, крыша нижнего дома являлась балконом для следующего уровня. В темноте внизу пенился прибой, в окно бились жесткие листья кустарника. Ветер усилился и разогнал туман, крупные звезды чуть дрожали в прозрачном небе, дробившаяся на волнах лунная дорожка выглядела неестественно яркой, как будто ее прорезали ножницами в черном театральном заднике. Ей опять показалось, что это сон. Владелец виллы встречал ее у ворот, проводил, донес сумку, отдал ключи, показал, где что включается. Пожилой грек был явно доволен: сезон только начинался, и она была единственной гостьей пятизвездной виллы. Холодильник был забит йогуртами, фруктами, сыром, оливками и прочей местной снедью, которую обещали приносить каждый день в любых количествах.

Сонливость, вызванная ожиданием и перелетом, исчезла. За окном метнулась летучая мышь, на нижней террасе завыл утробным басом местный кот-ловелас... «Все ночные животные в эту весеннюю ночь заняты своими делами, и тебе есть чем заняться», — сказал внутренний голос. Она вышла на просторную террасу, втянула ноздрями дурманящие запахи. Достала меч и медленно провела двумя пальцами вдоль лезвия.

— Слышишь меня, самозванец? Считаю, что у нас медовый месяц. Только очень короткий. За несколько дней мы должны стать одним целым. Иначе обоим не поздоровится. Итак, начнем с ката Стрелка: вправо под сорок пять... влево под сорок пять...

И сама не заметила, как перешла с родного языка на забытую свистящую речь.

глава 5

Она спала недолго и проснулась в полной темноте от непонятного, но острого ощущения опасности. Не нашла ничего подозрительного, вышла на террасу: небо над морем начало зеленеть, а вода — менять цвет. Настал короткий миг предрассветного безмолвия, когда ночные животные уже притихли, птицы еще спят, и слышен только поднимающийся ветер. Что-то необычное случилось с ней ночью...

Но тут из-за горизонта высунулся холодный малиновый краешек. Она заворожено наблюдала за тем, как отступает ночь, как меняются тона спектра с сине-зеленых на оранжево-красные. Одновременно ночные тайны уходили в подсознание все глубже и глубже, пока не исчезли вовсе.

Маша быстро проглотила стакан сока и пару йогуртов. Выпила кофе, чтоб согреться. Потом влезла в новый гидрокостюм, взяла ласты и маску. Подумав секунду, пристегнула к ноге балисонг в чехле: чехол сделан из кордуры и не испортится от морской воды, а сталь такова, что ее и вовсе ничто не возьмет. «Зачем? Ты не будешь долго плавать, море холодное». — «А мало ли, вдруг пригодится...» «Что наденешь, то и пожнешь», — напомнил ей невидимый оппонент.

Она положила ключ за притолоку на террасе и спустилась по крутому обрыву к узкой кромке берега. Там был оборудован маленький пирс для лодок и ныряльчиков, с лесенкой и мостками. За зиму волны раскрошили деревянные ступени, пришлось боком сползать в пенящиеся волны. Она нырнула в обжигающую воду, стараясь не получить по голове взвесью из мелких камешков и обломков дерева, в изобилии болтавшихся у черты прибою. Пошла от берега протяжным кролем, с длинным выбросом ласт, чувствуя на ходу, как расправляется тело в морской воде, освобождается от напряжения, входит в ритм, созвучный движению волн. Отплыла на середину бухты, где волны стали более пологими и размеренными, легла на спину и окончательно перестала думать о чем бы то ни было.

У берега вода была мутной, а здесь отчетливо виднелось дно, усыпанное плоскими ракушками, морскими ежами, в бликах по-сверкивали спинки маленьких рыбок. Она замерла на поверхности, дыша размеренно и глубоко, постепенно замедляя дыхание.

После нескольких медленных очень глубоких вдохов ушла вглубь почти без плеска, по вертикальной траектории. Продувая уши, опустилась на дно, коснулась рукой мельчайшего белого песка, замерла, расплывшись вдоль дна. Некоторое время висела неподвижно, разглядывая маленького крабика, ползущего по песку. Потом проплыла несколько метров, наслаждаясь безмолвием, выгнула спину и пружинящим движением вытолкнула себя наверх. Вынырнула, отфыркиваясь, легла на спину, уставившись в чистый небесный ультрамарин, закрыла глаза... Ни имени, ни возраста, ни родины — ничего не было у существа, висящего на зыбкой границе между двумя прозрачными субстанциями. «Когда я в воде, я становлюсь водой...» — еле слышно произнесла она на забытом праязыке. Взмахнула ластами и снова ушла в глубину. Замерла в синеве, спросила: «Где ты? Мне нужен твой совет!» Вынырнула, разочарованная. Опять уходила вниз, с каждым разом дольше задерживая дыхание, сосредоточиваясь только на бездумных размеренных движениях, которые дают возможность подсознанию раскрепоститься... Но ей никто не отвечал.

«Он помогал тебе, когда ты была Саламандрой. А теперь ты просто тетка, втянутая в дурацкую историю. Тетка может уметь нырять и драться, но не перестанет от этого быть обычной теткой. Мало ли он видел за долгую жизнь теток, втянутых в дурацкие истории, которые скверно заканчивались?»

Через какое-то время в ушах начало звенеть, а по телу пошел озноб. Маша решила возвращаться. Течение снесло ее довольно далеко. Поблизости виднелся маленький островок. Солнце поднялось высоко, там можно погреться и вернуться тоже вплавь. Оказавшись в узком проливе между берегом и островком, она замерла в восхищении: может, именно здесь плыли аргонавты или Одиссей со своей командой во время долгих странствий? Высокие неприступные скалы, кое-где поросшие кустарником, скрывали маленькую бухту. Вода в ней была изумрудного цвета и абсолютно прозрачной. Нимфы могли бы плескаться в такой воде... Пускай у нее не осталось необыкновенных качеств Саламандры, но моря у нее никто не отнимет!

«Потом согреюсь», — решила она, заметив устье грота, темневшее в скале. Грот на первый взгляд был неглубоким. На поверхности болтался буй, от которого внутрь уходил трос, рядом был

пришвартован «зодиак», в нем лежали сумки с подводным снаряжением. Вероятно, группа аквалангистов приплыла с другой стороны и осматривала грот. Она решила заглянуть внутрь. Еще на поверхности нацелилась на какую-то сверкающую точку на дне, чтобы выдержать вертикальную траекторию нырка. Блестящая приманка оказалась в расщелине между скалистыми выступами на дне. Расщелина уходила глубже. Азарт ныряльщика вынуждал во что бы то ни стало дотянуться до дна. «Это море. Здесь тебе ничто не угрожает», — подумала она на праязыке, проныривая между обросшими камнями к неведомому сокровищу. Увы, при ближайшем рассмотрении оно оказалось лишь маленьким кусочком фольги. «Вечно ты ищешь не то, что имеет подлинную ценность... Смотри глубже...» В этот момент из темноты показались черные силуэты дайверов, обвешанных баллонами. От неожиданности она отпрянула за скалистый выступ.

Вокруг ног замыкающего группу аквалангиста что-то клубилось: разматывалась катушка с тросом, прицепленная к поясу карабином. «А ведь сейчас запутается!» Трос сначала зацепился за ласту, потом за ракушечный нарост. Аквалангист пытался выдернуть ногу из ловушки, которую сам себе создал. А двое впереди сосредоточенно смотрели в свои планшеты и ничего не замечали. Дайвер дернулся что было сил, при этом зацепился воздушным шлангом за уступ скалы и выронил изо рта регулятор. Он потянулся за запасным шлангом, но не мог его достать из разраставшейся паутины троса. Аквалангиста охватила паника. Это было видно по его суетливым беспорядочным движениям. А до выхода из грота оставалось метров десять.

Парня надо было выручать, хотя воздуха в легких было мало. Она нащупала на щиколотке чехол с балисонгом, подплыла к аквалангисту снизу, со стороны клубящегося троса. Тот увидел прямо под собой ныряльщицу со сверкающим лезвием в руке, от неожиданности шархнул в сторону, треснув ее по виску одним из баллонов. В ушах зазвенело, она почти на ощупь расклеяла паутину из веревок, балисонг пошел на обратный реверс. Но в узком гроте не хватало места для амплитудного движения. Пришлось перехватить лезвие раньше, чем нужно, оно пришло прямо по раскрытой ладони.

— Благоразумие по-прежнему тебе не присуще,— вздохнула рядом огромная тень.

— Давно я не слышала твоих советов,— отвечала Саламандра, удивляясь тому, как легко дается теперь переход на другой язык.

— Ничего удивительного: чем ближе к пределу, тем легче переход,— рассудительно заметил собеседник.

— Погоди об умном разговаривать, видишь, руку порезала. И по башке получила. Ни одно доброе дело...

—... не остается безнаказанным,— подхватил фразу собеседник.

— Как быстро мы находим общий язык! Впрочем, я забыла, что здесь не существует различий между речью и мыслями.

— Обычно речевой человеческий аппарат не успевает за скоростью движения нейронов, но мы находимся во временной петле, где это не играет роли.

— Почему ты опять поместил меня во временную петлю?

— Потому что за тобой надо все время присматривать! Чтобы ты из-за своего любопытства без головы не осталась раньше времени! — вздохнул собеседник еще более раздраженно.— Ведешь себя как маленькая, в то время как тебя ждут незаконченные дела. Проявляешь непростительное легкомыслие! И трусость!

— Вот уж в чем другом меня упрекнуть можно, а в трусости — вряд ли...— пробормотала Саламандра.— Я, между прочим, сейчас могла воды нахлебаться до смерти, когда этот герой меня по голове баллоном треснул!

— Это не храбрость, а нормальный поступок. А вот когда ты не выполняешь свой долг, а убегаешь,— это называется трусость. Во всех измерениях,— отчеканил Дракон.— И будь любезна в этом признаться.

— Нет у меня никакого долга! Ни перед кем! Только банку я кредит за машину не выплатила,— огрызнулась она.

— Нет, дорогая моя. Ты находишься в сложной ситуации и сама должна найти из нее выход. Я в ваших играх на поверхности не силен. И выручать тебя не собираюсь. Так, случайно здесь оказался, смотрю — опять лезет куда не звали. Ты — Огненная Саламандра, и обязана справляться сама!

— Я давно никакая не Огненная Саламандра! Все мои качества развеялись как дым, вместе с утратой меча... вернее, генератора,—

поправилась она вовремя.— Ты сам три года назад забрал генератор! Вернуть не хочешь?

— Нет. Мы это обсуждали: вам еще рано пользоваться генератором энергетических преобразований, только дров наломаете.

— А на время вернуть? В аренду дать? Мне надо решить свою частную проблему. Без меча я ее не решу.

— Дорогая, у тебя проблемы с расстановкой приоритетов! Частные проблемы надо решать своими частными методами. Зачем тебе генератор? Боишься какого-то показательного боя? Мне стыдно это слышать!

— Против меня хотят выставить бойца с четвертым мечом короля винь чун! Как я буду с ним драться?

— Ах, вот в чем дело. Боишься проиграть? Синдром отличницы? А если драться нечем, так, может, и незачем? Ты присмотришься и подумай, откуда взялся твой противник. И является ли он действительно твоим противником. Кто он, кто послал его и зачем?

— Понятия не имею!

— Пора задуматься. Ничего не бывает случайно! Любое явление имеет две стороны. Ты находишься на одной стороне, но кто тебе сказал, что это правильный выбор? В прошлый раз речь шла об источниках энергии — это проблема планетарного масштаба. Было принято решение вмешаться и задействовать тебя как носителя генератора. А сейчас стихийных бедствий или особых глобальных проблем мы не наблюдаем. И вдруг появляется кто-то, вооруженный такой же шпилькой, и бросает тебе вызов. Почему сейчас? Почему именно он? Сама знаешь: кому попало шпильки в руки не дают... Возможно, есть еще что-то, о чем мы пока не информированы?

— Это не менее важно, чем источник энергии,— возможность неограниченного продления жизни... Я еще не во всем разобралась.

Дракон рассмеялся:

— Какая чушь! Очередной доктор Фаустус на горизонте замаячил? Сколько я слышал подобных небылиц за свою долгую жизнь! Неужели ты всерьез в это веришь?

— Я-то не верю! Но за одну иллюзию бессмертия можно много народу положить! Ты представляешь, сколько стоит такая иллюзия? Или тебе наши низменные материи скучны? Или вам вообще все равно?

Дракон задумался, потом буркнул:

— Лично тебе что-то угрожает?

— Речь идет не только обо мне, а о свободе и здоровье моей внучки.

— Да, я ее видел. Она — настоящая Огненная Саламандра.

— Ты действительно приходил к ней?

— Конечно. Всегда приятно убедиться в том, что род не прервался.

— А кто мне презрительно вещал про полное вырождение? Там, на пожаре?

Дракон хмыкнул:

— Ни о каком пожаре я не слышал, и уж тем более не заглядывал в ваши убогие жилища. Несанкционированный выход в четырехмерку для частного контакта с родственниками — это превышение служебных полномочий. Что касается твоей внучки, у нее есть хорошие задатки. Не скрою, мы присматриваем за подрастающей сменой. И кстати, твой будущий противник... — Дракон издал звук, который в переводе на русский звучал бы как «Хм-м». — С ним ты должна разобраться сама. И перестань хвататься за все, что кажется тебе сокровищем, а на деле оказывается оберткой из фольги. Научись видеть суть! Если узнаешь что-то действительно серьезное, сообщишь.

— Я тебе сообщу, а мне что с этого будет?

— Хорош торговаться! — рявкнул Дракон.

— Как насчет меча?..

Но тень уже исчезла.

Дышать было нечем, голова трещала, рука ныла, но выход из грота был рядом. Еще пара секунд, и она выбросила тело на поверхность. Судорожно хватанула воздух раз, другой, опустила лицо в воду... В висках еще стучало. Кто-то окликнул ее по-английски:

— Леди, все ОК?

Аквалангисты влезали на борт «зодиака». А еще один плыл к ней и махал рукой. Ему достаточно было сказать пару слов, как Маша опознала американца — по характерной артикуляции и манере улыбаться.

— Спасибо за неожиданную помощь! Я инструктор, эти парни проходят у меня курс. Признаюсь, я спровоцировал внештатную ситуацию: заметил, что катушка не закреплена должным образом, и ис-

подтишка размотал ее. Мои парни должны были сами справиться. Я наблюдал за их работой и был в них уверен. Но тут вмешались вы, и они растерялись, увидев русалку. Это было потрясающе! Откуда вы? Где ваш напарник? Вы ныряете в одиночку? Это не по правилам! Где ваш бот?

— Я приплыла сама. Оттуда...

Она оглянулась и приблизительно ткнула пальцем в сторону своей бухты.

— Далеко забрались... — покачал головой белозубый инструктор. — По плану у нас еще одно погружение там, — он махнул рукой в сторону двух маленьких островков, видневшихся в отдалении. — Но потом можем вас подвезти. Не торопитесь? Сейчас время ланча. Присоединяйтесь! Поймать русалку — это к удаче, верно, парни?

— С удовольствием, но не буду ли я вам мешать?

Американец присмотрелся получше и вежливо произнес:

— Вы помогли нам. И мне кажется, что чашка кофе вам не повредит.

— От кофе я не откажусь никогда, — решила Маша.

Американский инструктор подставил плечо и легко, в одно касание закинул ее на борт «зодиака». Маша замерзла, поэтому сразу начала стягивать гидрокостюм, голова застряла в узком неопреновом вороте, американец любезно выдернул ее оттуда буквально за уши. Потом протянул термос:

— Сейчас нам привезут полноценный обед, а пока пейте, — он бросил взгляд на нож, отстегнутый от щиколотки, и извлек аптечку: — И дайте взглянуть на вашу руку.

К «зодиаку» подплыл местный катерок, молодой парень перекинул им с борта две сумки с продуктами.

— Мэм, прошу на ланч! — белозубый инструктор удовлетворенно посмотрел на ее аккуратно забинтованную ладонь.

— Спасибо.

— Покажите мне ваш нож.

Маша протянула балисонг американцу. Тот раскрыл лезвие, покачал головой:

— Это не обычный дайверский нож. Серьезное оружие. Увлекаетесь?

— Немного...

— Потрясающе! — восхитился американец. — И всегда носите с собой? Вы тут по делу?

— Нет! Я здесь отдыхаю.

— Вы всегда отдыхаете с холодным оружием? — еще более ослепительно заулыбался инструктор.

— Упражнения с оружием являются для меня формой релакса, — твердо заявила Маша. — Кстати, меня зовут Мария. А вас?

— Джон Карпентер. Но все члены нашей федерации называют меня просто Джей-Кей.

— Под водой нет времени на длинные приветствия, — улыбнулась Маша.

— Да. Похоже, вы в этом убедились на собственном опыте, леди Саламандра, — отвечал американец без всякой улыбки. Маша вздрогнула, но потом поняла, что он имеет в виду только ее татуировку, которую тот успел заметить, когда помогал стягивать гидрокостюм. И, сходя на берег, поймала на себе его серьезный прицельный взгляд. «Ничего не бывает случайно...»

Джей-Кей искоса поглядывал на неожиданную пассажирку, но ничего не говорил: сидел, глядя вперед и меланхолически пожеывая зубочистку. «Наверно, курить бросил недавно, — решила Маша, — или подражает Сталлоне в фильме „Кобра“». Из разговоров за ланчем Маша выяснила, что Джей-Кей был не просто инструктором, а руководителем одной из международных федераций подводного плавания, здесь он проводил очередные курсы. Ученики подобрались из разных стран: шесть крепких хлопцев, по виду — с военной выправкой. На их снаряжении виднелись эмблемы федерации. Предприимчивый Джей-Кей не только был руководителем федерации, но и руководил фирмой, производящей экипировку. Его курсанты нудно обсуждали разные системы обучения и снаряжения, а вернее — преимущества одной системы и недостатки всех прочих. «Грамотное продвижение бренда...»

Ей страшно хотелось курить, но оказалось, что в федерации Джей-Кея курение категорически запрещено: его дайверы совершали серьезные многочасовые погружения, в холодной воде, в пещерах Флориды, на большой глубине, поэтому требования к физической форме были очень высокими. Пришлось обойтись без курева. Но в остальном аквалангисты были предельно дружелюбны. Это удивило Машу.

Равно как и приглашение понырять за компанию. Аквалангисты, как правило, недолюбливали ныряльщиков апноэ, те, в свою очередь, не упустили случая посмеяться над «баллонниками». Во время занятий в бассейне она не раз слышала, что инструктора подводного клуба несут ответственность за своих учеников, зачем им еще посторонний ныряльщик? Племя «сиу» никогда не пригласит к себе на обед враждующих с ними «делаваров». Приглашение на борт к аквалангистам означало уважение.

Они подплыли к двум соседним островкам, разделенным узким проливом. Инструктор произнес краткую речь, во время которой зубочистка по-прежнему подрагивала в углу рта. «Интересно, он и нырять с ней пойдет?» Курсанты начали надевать снарягу. Маша отметила, что порядок подготовки был отработан до автоматизма, как у военных. Джей-Кей предупредил ее:

— Мэри, вы поступили очень благородно в предыдущем дайве, но спутали мне все планы. Прошу вас, дайте моим парням возможность потренироваться. И не вмешивайтесь, я всегда четко контролирую ситуацию.

Кто-то ей недавно говорил: «Ты спутала все планы...» Загадочный пленник в фуражке с китайскими иероглифами, который смог выпутаться из завязанных узлов и сбежал от нее в гипермаркете, не сказав спасибо. Может быть, его не надо было спасать? «Смотри глубже...» И эту фразу она слышала совсем недавно.

Она дождалась, пока дайверы ушли в воду, прокладывая концы и держась строго «тройками». Сама надела ласты и кувырнулась спиной в воду с круглого резинового борта «зодиака». Плавая в прозрачной бухте, она собирала со дна красивые ракушки и искоса поглядывала на процесс обучения. Джей-Кей незаметно подбирался к аквалангистам и творил мелкие пакости: разматывал катушки, закручивал вентили, отцеплял пристегнутые карабином шланги регуляторов, сдергивал маски. Все, что было плохо или неправильно закреплено, немедленно выходило из строя, путалось или цеплялось. Курсанты Джей-Кея учились справляться с трудностями. Выходит, ее помощь была абсолютно не нужна. Она чуть не потеряла сознание под водой, а все из-за дурацкой привычки «переводить старушек через улицу».

На обратном пути аквалангисты расспрашивали, где она училась нырять на задержке дыхания, давно ли увлекается подводным плава-

нием и почему интересуется холодным оружием. Ей пришлось показать несколько приемов работы с балисонгом, причем делала она это, балансируя на дне «зодиака» при сильной волне. Джей-Кей искоса поглядывал на нее, продолжая пожевывать зубочистку. Они действительно подбросили ее до бухты, где располагалась вилла, «зодиак» подошел почти вплотную к деревянному пирсу. Напоследок аквалангисты пригласили Машу пообедать в лобби отеля, в котором остановились сами.

Маша помахала рукой новым знакомым, опрометью взбежала по крутой лесенке на террасу, нашарила ключ за притолокой и зашлепала мокрыми ногами по комнате в поисках сигарет. Прямо в сыром гидрокостюме плюхнулась в плетеное кресло на террасе и с наслаждением затянулась. А потом оглянулась и поняла шестым чувством, что в ее отсутствие в доме побывали. Наверно, приходил хозяин, принес продукты. «Забытые инстинкты обострились... к чему бы это?»

Проверила телефон: два новых сообщения. Одно — от дочери, короткое: «Ты где?» «Уехала, выдалось несколько свободных дней». Второе письмо было отправлено с абсолютно неизвестного адреса: «Будь осторожна!»

Наверно, Боря откуда-то продолжал предупреждать ее об опасности. Плевать. Она плескалась в душе и предвкушала хороший ужин в приятной, хотя и неожиданной компании. И ей хотелось произвести впечатление на невозмутимого Джей-Кея — ведь именно он пригласил ее. «Хорошо одетая женщина всегда имеет максимальные шансы на успех в любой непредвиденной ситуации», — подумала Маша. Надо торопиться, чтобы перед обедом купить что-нибудь легкое и приличное. А заодно и попытаться найти старого знакомого.

Без малейших колебаний сунула балисонг в сумочку вместе с помадой, духами и подарками для Аполлинарьевича и его супруги. Потом разбинтовала ладонь и с удивлением уставилась на сходящиеся чистые края узкой раны. «Это всего лишь воздействие морской воды. Но когда я перестану кромсать руки этим ножом? Скоро поединок с большим мастером фехтования на мечях...» Попыталась представить себе этого неведомого бойца. И перед глазами отчетливо возник худощавый стройный силуэт с хвостом, заколотым высоко на затылке.

глава 6

Она решила пройти часть дороги до Агиоса пешком. Над обрывом тянулись заброшенные отели, которые были проданы новым владельцам; на заборах висели таблички с указанием фирмы-владельца. Закрытые корпуса дожидались сноса или глобального переустройства. Пока в них царили тишина и запустение, высохшие прошлогодние кусты свисали с обвалившихся гипсовых скульптур, сквозь белые ступеньки прорастала трава, в разбитые окна влетали и вылетали птицы. Но пустые здания все равно не производили гнетущего впечатления — было ясно, что скоро здесь начнется другая жизнь. И по стенам вверх ползли яркие, недавно раскрывшиеся розовые вьюнки. Жизнь не покинула эти места, а просто замерла. Временная петля... Она подумала, что последние три года провела как будто во временной петле: путь Саламандры изменил ее, но не до конца, а незавершенное не позволяет двигаться вперед. Какие изменения ждут ее теперь?

Она остановила такси, доехала до центральной площади напротив рынка, зашла в ближайшее кафе. Посетителей почти не было, официант обрадовался. Сразу принес крепчайший кофе, долго и со вкусом выбирал вместе с ней блюда в меню, советовал что-то на смеси европейских языков. Маша вытянула ноги в кресле и оглянулась. Прибой бился в серый парапет. Вопили чайки и коты, в равной степени кормившиеся у пристани. Пришвартованные катера долбились боками друг о друга, полотняные жалюзи трепыхались на окнах, их шорох повторял звуки прибоя, ветер относил в сторону запахи порта и рыбы. Ветер сорвал несколько навесов над уличными кафе, хозяева сидели в плетеных креслах у входов и галдели, обсуждая, как бы половчее их повесить, при этом никто не двигался с места. Греки... покой и море — что сделаешь с таким народом?

Ощутила легкое неуловимое движение — то самое воздействие чужого взгляда. Но за этим не последовало ничего. Потом спросила, где почтовое отделение, расплатилась с официантом и медленно пошла по узким кривым улочкам, уходившим вверх от площади. Купила сим-карту с местным номером, открытку и написала несколько слов: «Я приехала ненадолго, хотела бы повидаться. Обедаю в отеле „Интерконтиненталь"». Добавив номер телефона, вручила открытку сонному почтмейстеру. Тот пообещал оставить сообщение для владельца

абонентского ящика, но не смог сказать, кто и когда его заберет. Она поручила дальнейшее развитие событий воле случая. Люди меняются. Особенно в чужой стране. Если им с Аполлинарьевичем суждено встретиться, они встретятся. Если нет, значит, прошлое живет только в ее памяти.

Абсурдные события, происходившие с ней дома, тревога о близких, путаница мыслей — все стерлось. Может, и впрямь она просто уехала в короткий отпуск, найдя лазейку в плотном рабочем графике? Может, все это было дурным сном, нет никакого «контракта Саламандры», а реальны только море, рыжие черепичные крыши и теплый ветер, посвистывающий в кустах глициний? Идея найти отставного бандита казалась праздной выдумкой. Относиться к выдумке следовало праздно и легко. Она купила себе пару легких вещей, переделалась прямо в магазине, потом глянула на часы и пошла к отелю «Интерконтиненталь», находившемуся недалеко от портовой площади.

Сначала аквалангисты нудно анализировали сегодняшнюю тренировку. Потом Джей-Кей наелся здоровой пищи и начал рассказывать о рекордных погружениях в пещерах Флориды, об обследовании затонувших самолетов времен Второй мировой, о плане нырнуть на «Британик». Временами дайверы пытались выведать у Маши, где ей доводилось нырять. Но та отмалчивалась или отвечала скромной улыбкой: мол, куда мне до вас, крутые парни? Обмолвилась только, что ей довелось немного поплавать в Южно-Китайском море во Вьетнаме.

Это привело Джей-Кея в восторг. Он стал рассказывать, что в его семье мужчины служили в ВМФ: отец — в Корее, дядя — во Вьетнаме. А сам он не воевал, но отдал дань традиции и служил в отряде «морских котиков».

— Кстати,— добавил Джей-Кей,— моему брату тоже довелось по делам службы побывать во Вьетнаме. Там воевал наш отец... И вы не поверите, леди, мой брат сейчас случайно оказался на Крите, и я пригласил его пообедать. Вот и он! Прошу любить и жаловать: Кевин Карпентер-старший — Кей-Кей.

Братья были похожи, но Кей-Кей казался более коренастым и приземистым, чем классически сложенный Джей-Кей, и выглядел старше и серьезней.

— Джей в колледже занялся баттерфляем, чтобы улучшить фигуру. Окрестные девчонки висли на нем, он только и делал, что порхал с ними из бара в бар. А я завидовал и качался целыми днями в тренажерном зале, помирая от скуки. Его взяли в «морские котики» сразу после академии, а я сначала отпахал в спецназе два года. И вот результат: он ездит по всему миру и учит людей нырять, у него куча поклонниц на всех побережьях. Он находит их буквально везде! Вот и вас он нашел... а где?

— Под водой, разумеется,— улыбнулся Джей-Кей.

Кевин воздел руки:

— Видите? Везунчик! А я по-прежнему занят скучной офисной работой.

В офисный характер работы бывшего «морского котика» Маша не верила ни секунды. Под засученными рукавами на его предплечьях виднелось несколько тонких шрамов. Кевин поймал ее взгляд и улыбнулся:

— Джей-Кей сказал мне, что вы работаете в рекламном бизнесе. Поверьте, у вас гораздо более интересная работа, чем у меня...— и кивнул на подсыхающий узкий рубец на ее ладони.

Вот шельмец!

— Это не более чем форма релакса,— невозмутимо отвечала Маша.

— Да-да, и об этом Джей-Кей успел мне рассказать. У меня с армейских времен осталась привычка упражняться с ножом,— еще более невозмутимо отвечал Кевин, дожевывая гигантскую креветку.— Перед сном. Очень успокаивает.

— Как вы ухитряетесь пить пиво с креветками и не курить при этом? Процесс теряет половину своей привлекательности! Прошу меня извинить, курящий человек подчинен в своих действиях определенному временному циклу.

Маша встала и пошла на террасу ресторана, на ходу застегивая куртку. Непрост этот Карпентер-старший...

— Не помешал?

Кевин возник за спиной так неожиданно, что она развернулась, уходя в низкую боевую стойку. Кевин сделал вид, что не заметил этого, а Маша немедленно выпрямилась и мило улыбнулась:

— Нисколько.

— Сейчас курсанты отправятся готовиться к экзамену по теории... Да-да, у Джей-Кея все серьезно, конспекты и формулы. А мы втроем немного побеседуем. Я здесь по делу. Небольшой семейный бизнес. Именно поэтому я попросил Джей-Кея провести очередной курс на Крите. Нам как раз нужен ваш совет,— понизив голос, сказал Кевин.

— Поверьте, Кевин, я мало что смыслю в бизнесе. Основными вопросами занимается мой старый друг по университету, владелец рекламного агентства. А я креативный директор, мое дело — придумать рекламную кампанию...

— Вы закончили Московский Университет?

— Да, филологический факультет. Отделение прикладной лингвистики.

Эта формулировка срубила Кевина наповал.

— Вас там обучали работе с холодным оружием? И технике плаванья под водой? — саркастически спросил он.

— Я всего лишь любитель и занимаюсь этим в свободное время. Форма релакса.

— Вы отлично ныряете, как сказал Джей-Кей, а он видел много ныряльщиков. И вы отлично владеете холодным оружием, как сказал Джей-Кей, а он видел много людей, владеющих оружием. Каков характер вашей нынешней работы?

— Сейчас у нас большой контракт, я разрабатываю рекламную кампанию для клиентов, провожу презентацию их продукции. Но переговоры отложили на несколько дней, вот я и решила пока уехать отдохнуть.

— Звучит неубедительно.

— Почему вы задаете мне вопросы?

— Мэм, сейчас всем нам нужны правильные ответы. Мы с Джей-Кеем ждем вас через две минуты! — Кевин резко развернулся и ушел вглубь ресторана, оставив ее с сигаретой в руках.

Через стекло было видно, как курсанты Джей-Кея отправились в отель напротив. Кевин куда-то делся, Джей-Кей помахал ей рукой. Хозяин ресторана предложил им перейти в отдельный кабинет — маленькую лоджию, отделенную от основного помещения узорчатой деревянной стенкой и изгородью из цветов и лавра. На столе появились три большие чашки кофе. Откуда-то возник Кевин с бумажным

пакетом. Когда официант ушел, братья с торжеством вытащили оттуда три «бигмака». Маша едва удержалась от смеха: все разговоры Джей-Кея о правильном питании и режиме шли прахом. Два деда-сверхсрочника оттягивались на синтетической еде.

— Вы настоящие патриоты,— сказала она, глядя на торчащие из «бигмака» листья салата.— Кевин, признайтесь: вы везли это из Америки?

— Нет, сбегал на заправку в «Автомак» в двух кварталах отсюда. Тоска по родине, мэм! — усмехнулся тот, запихивая свой «бигмак» в рот целиком. Сделал жест брату: говори...

— Мой брат Кевин, в отличие от меня, не уходил в отставку и продолжает работать в специальном отделе наших вооруженных сил. Он предупредил меня о том, что я должен вас найти именно в этом городке на Крите. И так убедительно попросил перенести ближайший курс сюда, что стало понятно: если на Крите не окажусь я с моими парнями, то здесь будет Кевин и весь четвертый флот... а я плохо себе представляю авианосец в этой бухте...

— Но мы с вами встретились случайно, под водой?

— Я собирался искать вас по адресу, который мне предоставили российские коллеги. Но нашел русалку с ножом в руках под водой. Мы всегда оказываемся там, где в нас есть необходимость. Именно по этой причине вы оказались три года назад во Вьетнаме, не правда ли?

Маша оторопело уставилась на Джей-Кея. Хлопала глазами и молчала, как настоящая блондинка из американских анекдотов.

— Кевин был там. Конечно, ему досталось меньше.

— Я взаимодействовал с группой российских специалистов по охране месторождений,— добавил Кевин.— Можно сказать, валялся на пляже, в отличие от вас. Операция была абсолютно секретной, о вашей роли никто не догадывался. Утечка информации произошла недавно.

— Никому нельзя доверять! — буркнула Маша по-русски, добавив пару непечатных слов. Джей-Кей с интересом посмотрел на нее, Кевин усмехнулся. Понял, хитрец. Ну и ладно.

— Я могу продолжать? — сухо осведомился Кей-Кей. Маша махнула рукой:

— Хаджимэ!

— Осс! — отвечал тот с легким поклоном, в точности по протоколу японской тренировки. А этот офисный работник и впрямь не лыком шит...— В вашей истории нет ничего случайного! Я советую вам вспомнить, как вы покупали этот тур.

— Я подписала контракт с фирмой...

— Довольно, мэ! И нам, и вам известно, что контракт — прикрыtie. Вас пытаются использовать разные группы людей с определенными целями. Это крайне влиятельные международные фирмы, цель у них одна: воспользоваться вашими уникальными особенностями. Наша задача — помешать им в достижении этих целей. Мы не можем допустить, чтобы вы оказались в их руках. Вся необходимая информация была предоставлена российским коллегам. Взамен они любезно передали нам информацию о вас и... о специфике работы с вами.

— Палыч...— пробормотала Маша и опять добавила пару русских выражений.— Хорошо. Он дал вам информацию о том, кто я и что умею. Но откуда вы могли знать, что я буду на Крите, если я сама узнала об этом за три часа до вылета?

— Вот и объясните, почему вам срочно понадобилось улетать на Крит?

— К этому привел ряд обстоятельств. Когда я начала работать с фирмой «Нано-вита», заказчики предоставили мне подробную информацию. Но я стала искать дополнительные сведения. И нашла упоминание о китайском ученом, Ли Бэе...

— Откуда вам это известно?

— Информация находилась в открытом доступе в Сети!

Братья переглянулись, но промолчали. Кей-Кей кивнул: продолжайте.

— Я предположила, что именно Ли Бэй создал «вакцину бессмертия». Но фирма Ли Бэя является конкурентом моих заказчиков. И я должна участвовать в переговорах, которые состоятся в Москве на следующей неделе. На меня оказывали давление...

— Кто оказывал на вас давление? Штайн?

— Вы знаете, кто такой Штайн? Отлично... Похоже, все вокруг осведомлены о моих проблемах больше, чем я сама. Пришлось на время уехать. Купила горящий тур на Крит...

— Где вы покупали тур?

— У приятельницы. Ее туристическая фирма сотрудничает с нашим рекламным агентством...— Маша замолчала, замотала головой: — Нет... не может быть... Никто ничего не знал...

Кевин заговорил более мягким тоном:

— Наша задача — не допустить, чтобы достижениями Ли Бэя и вашими способностями воспользовались люди вроде Штайна. Представьте, какая паника поднимется во всем мире, если внезапно некая медицинская компания объявит о создании «вакцины бессмертия» и предъявит вас как образец своих достижений? А вслед за этим некая страховая компания объявит о своем эксклюзивном праве на страхование клиентов, приобретающих вакцину? Даже если стоимость страховки будет не слишком велика, половина населения планеты бросится к ним, зажав свои доллары в кулаке! Не забывайте, что в мире существуют диктаторские режимы, которые узнали о готовящейся интервенции на медицинский рынок. Они готовы платить любые деньги за «вакцину бессмертия» для своих лидеров. Потому что именно диктаторы первыми захотят ею обладать. Вечная власть — это та цель, ради которой они утопят в крови всю планету. Наше правительство не может оставаться в стороне...

— Напоминает сюжет голливудского блокбастера...— недоверчиво пробормотала Маша.

Кевин улыбнулся:

— Мария, не думайте, что вас хотели использовать втемную.

— Это выглядит именно так.

— Мы находимся здесь для того, чтобы обеспечивать безопасность — вашу и Ли Бэя.

— ОК, насчет меня более или менее все понятно. Но вы не знаете, где Ли Бэй!

— Есть информация, что он скоро будет здесь.

— Здесь? — изумилась Маша.— Что он забыл на Крите? Он может быть или в Китае, или в России. А если ему удалось скрыться, то его вообще никто не найдет.

— Откуда у вас такие сведения?

— Случайно встретила одного китайца в Москве,— пожала плечами Маша.

Джей-Кей продолжал улыбаться:

— Кей-Кей, мне кажется, у Марии есть особые источники информации, и она вправе их не раскрывать.

— Я поняла, — перебила его Маша. — Горящий тур на Крит был спланирован теми, кому нужно было мое присутствие на Крите. Или вами, или вашими российскими коллегами... Я не могла оказаться в другом месте, потому что так было надо. Всем. Интересно, кто из наших продал меня?

— Мария, это теперь неважно.

— Конечно, это ведь моя частная жизнь. Кого она интересует, когда такие крутые парни между собой разбираются!

И мысленно поставила себе «пять» за перевод и «два» за стиль.

Братья снова переглянулись. Джей-Кей покачал головой, а Кевин уставился на нее как на полную бестолочь:

— Вы еще не поняли, что ни один ваш шаг более не является тайной? Потому что вы — ключевая фигура в этой истории! Вы — приманка, на которую должен выйти Ли Бэй. Ему сообщили о вас. И о том, что вы на Крите. Если здесь находитесь вы, значит, завтра здесь будут и остальные заинтересованные стороны, Мария. И те, кто вас ищет, и те, кто его ищет, и Штайн, и все остальные...

— Мисс Джекпот — так назвал меня Штайн, — тихо ответила Маша, уставившись в стол. — Теперь понятно, почему. Мне это не нравится. Мне это не нравится совсем!

— Нас редко спрашивают о том, что нам нравится, — мягко сказал Кевин, беря ее за руку. — Особенно когда речь идет о таких серьезных вещах.

А Джей-Кей добавил самым жизнерадостным тоном:

— Зато завтра будет прекрасная погода. После экзамена мы планируем просто понырять в свое удовольствие, устроить день релакса. Мария, вы составите нам компанию? Здесь есть прекрасные острова, которые вам никто больше не покажет.

— С удовольствием.

— Не забывай, Джей-Кей, что наша увеселительная прогулка состоится только при получении информации о появлении Ли Бэя. А пока можешь мучить своих курсантов на мелководье.

— Кей-Кей, курс окончен, завтра экзамен, потом я должен выдать им сертификаты и отпустить с богом! Это правило моей федерации, я не могу его нарушать!

— Джей-Кей всегда был буквоедом! Выдашь сертификаты, когда они сделают что-нибудь полезное.

В сумке Маши зазвонил телефон.

— Когда закончишь, ступай назад, мимо ювелирной лавки, зайдешь за угол, там увидишь зеленую машину. Садись в нее, — произнес знакомый голос. — Да не спеши!

Маша улыбнулась: старик был верен себе. По привычке не доверял никому и перестраховывался. Знать, не так просто отпустила родина своего отрицательного героя...

Она убрала телефон, поймала на себе цепкий взгляд Кей-Кея и поднялась:

— Спасибо за компанию, я буду ждать вашего звонка. А сейчас мне надо повидаться с друзьями.

— Русские?

— Старые знакомые, которые теперь живут здесь.

Братья переглянулись, но Маша добавила самым кротким голосом:

— Это сугубо частная встреча. И я пока еще лицо гражданское, никому не подчиняюсь и не должна ни перед кем отчитываться.

Кей-Кей буркнул:

— Рэй! — и поклонился, в строгом соответствии с японским тренировочным этикетом. А Джей-Кей вышел с ней на улицу и вежливо спросил:

— Вы уверены, что вас не нужно провожать? Вам известен адрес этих ваших друзей?

— За мной прислали машину.

Он подумал еще несколько секунд:

— Если позволите, я позвоню вам вечером.

Она продиктовала местный телефонный номер.

— Вы сказали, что за вами пришлют такси?

Возле отеля не было ни одной желтой машины.

— Нет-нет, спасибо, меня встретят в двух шагах отсюда.

— Позвольте, я провожу.

Маша опасалась, что мнительный Аполлинарьевич будет недоволен присутствием незнакомца. Они с Джей-Кеем медленно пошли через площадь, в переулок за ювелирным магазинчиком. Там стояло несколько малолитражек, было странно предположить, что Аполлинарьевич ездит на одной из этих крохотулеч. Среди них са-

мым большим оказался зеленый Hundai Hetz, по московским меркам, маленькая машинка, которая здесь выглядела почти крупной. Маша постучала по тонированному стеклу, дверца щелкнула. На заднем сиденье никого не было. Молчаливый водитель в кепке буркнул что-то типа универсального «Хай!». Джей-Кей шепотом спросил:

— Это точно за вами?

— Да-да, не беспокойтесь, жду вашего звонка! — поспешно отвечала Маша, залезая внутрь. Машина тронулась с места. Джей-Кей пошел обратно, но через пару шагов развернулся, достал телефон, чтобы сфотографировать номер. Какая трогательная забота...

Они проехали через весь городок, сделали петлю и оказались на шоссе, ведущем в сторону ее виллы. Но возле первого заброшенного отеля свернули вглубь, некоторое время ехали вдоль невидимой в темноте бурлящей речки. Оказались в лесистой лощине. Из зеленого древесного полумрака показался сетчатый забор и большие ворота с расставленными на столбах камерами наблюдения. Машина въехала на просторную территорию. Деревья расступились, из темноты перед Машей возник двухэтажный особняк, перед ним сверкал изумрудно-зеленой водой небольшой бассейн, подсвеченный множеством мелких лампочек. В кресле у бортика сидел невысокий человек в белой шляпе, демонстративно читавший газету. Завидев Машу, он отложил газету, встал и пошел к ней, прихрамывая.

— Ну здравствуй, девица! — шевеля кустистыми бровями, пропыхтел Аполлинарьевич. — Отдыхать приехала?

— Вроде того.

— Не забыла старика?

— Ох, не забыла! Даже соскучилась!

— А я, видишь, подготовился... — и он картинным жестом указал на маленький огнетушитель, стоящий под столом.

Маша фыркнула, покачала головой — и обняла старика.

— Надя! Посмотри, кто приехал! — крикнул он. На веранде показалась худенькая фигурка в просторном платье. Женщина поправила очки, пригляделась и радостно замахала руками.

— Машенька! Как ты мог не предупредить меня, бессовестный? Проходите скорей и почувствуйте себя как дома...

Маша шагнула в темноту террасы, сняла туфли, ступила босыми ногами на прохладную каменную плитку, и ногам стало легко, словно она и правда вернулась домой после долгого пути.

глава 7

Когда все было съедено и выпито, Надежда Иосифовна тактично удалилась по делам, оставив Машу наедине с Аполлинарьевичем. Тот жестом Дона Корлеоне засунул за пояс портативную рацию и повел ее по участку, показывая розарий и мандариновые деревья. Вдоль дорожек горели разноцветные маленькие светильники. Хозяин подробно рассказывал о том, как сложно, оказывается, ухаживать за розами, как он сам лично подолгу пересаживает разные кусты, чтобы добиться нужной цветовой гаммы в каждом конкретном углу. Показал японский уголок, отдаленно напоминавший его садик на родине. Маша смотрела на него и видела персонажа из сказки Андерсена. Это было настолько красиво и настолько неожиданно, что ей захотелось делиться со стариком своими проблемами. Да и проблемы показались вымышленными.

— Вы лучше скажите, как смогли привыкнуть к маленькой «хюндайке»?

Аполлинарьевич хмыкнул, подвел ее к кирпичному гаражу, открыл дверь — и Маша ахнула: там стоял «черный бумер», такой же точно, как прежний, даже еще более ослепительный.

— Нашел. Здесь климат другой, машина была в прекрасном состоянии, мне все равно его сверху донизу весь перебрали, полирнули... нет ничего лучше!

— Согласна. Я и в Москве себе «бэxu» купила. Правда, «трешку», поменьше.

— Молодец... — Аполлинарьевич пристально посмотрел на нее из-под заломленных кустистых бровей. Жестом пригласил за стол возле бассейна, небрежно кинул рацию на стол и начал набивать трубку.

— Совсем бросить курить не вышло, пришлось на трубку перейти... Запыхтел, подвинул пепельницу и ласково спросил:

— И что, так и живешь себе потихоньку?

Маша пожала плечами:

— Почти.

— Ага. А этот крепкий хлопец из отеля кем тебе доводится? — и неожиданно быстрым движением накрыл ее локоть. Она отдернула руку и уставилась на него:

— Случайно познакомились сегодня. Слишком далеко заплыла, дайверы меня на борт взяли, пригласили поужинать.

— И все? — он насупился.

— Почти... — Маша поморщилась. — Есть еще кое-какие проблемы...

— Выходит, ты не просто повидать старика приехала, а своих проблем до кучи мне привезла.

Маша сразу вспомнила этот дребезжащий металл в хриплом низком голосе.

— Не сердитесь. Мне надо было уехать на пару дней, все равно куда, подвернулся тур на Крит, причем именно в Агиос. Я подумала, что если найду вас, то смогу посоветоваться.

— А если нет?

— Сама бы разбиралась. Я не очень надеялась на то, что вы захотите со мной встретиться. Другая жизнь, люди меняются... Я бы не обиделась. Кстати, как поживают Серега с Валерой? Что-нибудь о них слышали?

Аполлинарьевич хмыкнул.

— Валера приезжал в отпуск прошлым летом с супругой и детьми. ЧОП открыл, важный такой стал. Заматерел, зубы сделал. А Серега мыслит сюда перебираться. Девки подрастают у него, говорит: «Не хочу, чтобы за наших баранов замуж повыходили». И то верно, что за жизнь там, ну купил он квартиру в райцентре, дальше-то что? Девочек учить надо, родителей лечить... Обещал я ему тут присмотреть кое-чего.

— На Крите?

— Нет, здесь дороговато. Пока не скажу. Видно будет...

— Хорошо, что не забывают, — умильно улыбалась Маша, старательно отводя беседу от малоприятной темы. Аполлинарьевич резко встал:

— Забудешь вас, как же! Давай, шмоляй в мою голову! Да не тyani, поздно уже. Пришла — выкладывай! Помочь вряд ли смогу, а совет дам.

Поглядел на нее исподлобья, взял со стола рацию, сделал устрашающую рожу — и проворковал:

— Надюша, кофе нам смастери. Мне — послабее, не те годы, чтоб на ночь кофе ведрами хлебать. А этой гарпии московской — покрепче. А что скажешь, не гарпия? Ладно. Фурия.

Маша хмыкнула: старик явно продвинулся в изучении античной мифологии, а это возможно только при условии, когда голова не занята прочей ерундой. Значит, живет спокойно, книжки почитывает.

— Да, кофе пусть принесут на дальнюю веранду. И скажи прислуге, чтобы никто там не шарился.

Обернулся к ней и развел руками:

— Прислуга, представляешь? Это у меня-то! Я чужих людей в доме на дух не терпел никогда, тебя вон еле вытерпел, а что потом?.. Но на майские Наде должны внуков привезти, она сама весь дом отдраить готова, еле уговорил прислугу нанять... Ох, внуки эти мне устроили прошлым летом, я думал, от дома ничего не останется. По беспределу буквально сработали. Помнишь, как ты мой дом разнесла? Считаю, что это был легкий беспорядок. Они у меня вот тут сидят...

А Маша смотрела на него и понимала, что старик был счастлив. Как сказал пожилой грек, «люди оказываются лучше, чем мы о них думаем». «Не расслабляйся, Саламандра! — предупредил внутренний голос. — Помнишь три заповеди? Не верь, не бойся, не проси!» — «А я вот возьму и испугаюсь, и поверю, и попрошу! — огрызнулась она. — Потому что я теперь обычный человек...» И пошла за старым бандитом на дальнюю веранду, надежно скрытую от случайных глаз двойной изгородью лавра и ослепительно-оранжевых вьюнков.

ЧАСТЬ IV

*Осязаемое имеет преимущество...
но пользу приносит неосязаемое.*

**ПОСОБИЕ ПО МАРКЕТИНГУ.
ДВЕНАДЦАТАЯ КНИГА ИНДУИЗМА**

глава 1

Аполинарьевич порывался сам отвезти ее домой на черном «бумере», но Маша не хотела вовлекать старика ни в какие передраги, поэтому вызвала такси. Проезжая через Агиос, попросила водителя остановиться у магазинчиков неподалеку от портовой площади, чтобы купить сигарет. Море в темноте штормило. Она решила прогуляться, отпустила водителя и медленно пошла вдоль освещенной набережной к темным волнорезам. Застегнула куртку до подбородка и уселась на гранитном парапете, пряча лицо от брызг. Волны в темноте гревели, составляя своеобразное рок-трио. Сначала следовал жесткий басовый «риф» — волна врубалась в камень волнореза. Потом звук рассыпался на визгливое дребезжание мелкой гальки — как «запил» соло-гитары. Вслед за этим вступали приглушенные ударные — шипела пена, разлетающаяся где-то внизу, и звякали якорные цепи невидимых катеров. Непрерывный мощный ритм перекачивался над морем и отзывался под диафрагмой, словно выдавливая страхи, в которых трудно себе признаваться. «Страх не имеет смысла. Страх иррационален, как любой инстинкт. Не бойся. Это тебе может помешать», — произнес внутренний голос. «Ничто и никто не может мне помешать, если я что-то решила!» — отвечала ему Маша. «Так-таки никто? — печально усмехнулся незримый оппонент. — А не соблаговолишь ли оглянуться?» Волна ударила совсем рядом, брызги полетели в лицо, Маша фыркнула, смахнула водяную пыль, повернула голову, в десятке метров от себя увидела силуэт человека. И ошибки быть не могло.

Она сосредоточилась на каждом своем движении, стараясь, чтобы руки не дрожали, и ухитрилась с одного раза прикурить на сумасшедшем ветру.

— Если хочешь встретить единственную женщину своей жизни, ищи ее на берегу моря, не ошибешься, — произнес над ухом знакомый голос.

— Как ты догадался, что искать надо именно здесь?

— Морей не так уж много, а женщина — вообще одна. Таким образом, поиск упрощается. Как дела, Маша?

Земля не ушла из-под ног, море не вышло из берегов, небо не рухнуло на скалы, ничего не произошло. Они сидели рядом и разговаривали. словно расстались вчера, от силы — позавчера.

— Спасибо, у меня все в порядке.

— Отдохнуть приехала?

— Да, выдалось несколько свободных дней. А ты здесь по делам или в отпуске?

— Вроде того.

Разговор забуксовал, она старалась не смотреть в его сторону, разглядывала искоса при свете фонаря: несколько новых морщин на лбу, едва заметные седые нити в волосах. Он стал как будто шире в плечах, чем раньше. Ей не хотелось произносить его имя, да, впрочем, она ведь так и не узнала, настоящим оно было или нет.

— Не замерзла? Может, пойдём, выпьем кофе? Если у тебя нет других планов, конечно...

Он не сделал попытки обнять ее. Разглядывал. Наверно, находил изменения, приметы возраста. Но сейчас Маше было на это наплевать больше, чем когда-либо. «Хватит бояться!» — приказала она самой себе. И легко встала с парапета.

— Я как раз собиралась идти греться в ближайшее кафе.

Официант узнал дневную гостью, замахал руками, зажег свечку на столе, стал уговаривать отведать некое блюдо «спешл фор леди», которое повар немедленно начнет жарить. Но ей было настолько неуютно и холодно, что не хотелось ни есть, ни пить, а хотелось сбежать как можно быстрее. Потому что она могла вообразить себе любую встречу, кроме такой холодной и отчужденной. Официант понял по выражению перекошенного лица, что леди лучше бы оставить в покое, быстро принес кофе и сгинул. Андрей попросил чаю и уставился в стеклянную чашку.

— Я напрасно подошел к тебе? Но я не мог не подойти...

— Ничто не бывает напрасно. По крайней мере, теперь понятно, что все случилось так, как и должно было случиться.

— Кому это понятно? Как должно было случиться? Маша, ты что? Ты помнишь, как мы встретились?

— Мы встретились не случайно. И тогда, и, вероятно, теперь. Или я ошибаюсь? — Она ляпнула это от балды, но по реакции поняла, что попала в яблочко. — На берегу моря ты находишь ту женщину, которую тебе требуется найти по делу.

— Мои дела все время приводят меня к берегу, с которого ты изволишь любоваться ночным прибоем!

— Может быть, это твоя карма? И твоя работа на самом деле состоит в том, чтобы меня искать? А ты этого никак понять не можешь? Существует такая игра, старая как мир: один прячется, другой ищет. Почему-то нам с тобой приходится в нее играть. Причем мы оба оказываемся в этой игре пешками, заметил?

— Сейчас ты тоже пешка?

— Пожалуй, да. И опять мечу в ферзи. Хотя шансов мало...

«Сейчас он раскланяется и уйдет под благовидным предлогом, и наступит конец света... Нет, еще больший конец света случится, если он пойдет со мной».

Кофе стремительно закончился, она жестом попросила повторить, рассчитывая, что еще несколько минут разрешат ситуацию как угодно. И тут в сумке зазвонил мобильник. Маша подпрыгнула как ошпаренная и схватилась за трубку обеими руками. Пальцы предательски дрожали.

— Мэри, добрый вечер! — зазвучал приятный баритон Джей-Кея. — Все в порядке?

— Да. А ваши планы не изменились? Погода не помешает?

— Любая погода может только скорректировать планы. Завтра мои курсанты сдают экзамен. Мэм, мы будем держать вас в курсе. Пикник не отменяется, он просто переносится.

— С удовольствием присоединюсь к вам. До встречи!

«Один подводник другого всегда выручит, даже сам того не зная».

Андрей в это время тыкал пальцем в кнопки «Айфона». По выражению его лица Маша поняла, что он чем-то озадачен и одновременно зол как черт.

— У тебя тут есть компания?

— Случайные знакомые. Пригласили прокатиться с ними на острова на целый день. Море, ветер... ты знаешь, мне больше ничего не надо.

— Мне тоже, к сожалению, пора, еще есть кое-какие дела.

— Дела? — с деланным изумлением спросила Маша. — Прямо сейчас? Ночь на дворе!

Он встал, отодвинул стул. Пододвинул его обратно. Сел задом наперед, обхватив руками спинку.

— Машка! Ты что — с ума сошла?

— О чем ты?

— Я о нас... — он вцепился в деревянную спинку стула обеими руками, так что костяшки пальцев побелели.

— Нас больше нет, — раздельно произнесла Маша. — Есть ты и есть я. Две отдельные человеческие особи. Каждый из нас по какой-то причине оказался здесь. И это не является основанием ни для чего. Все, что ты мог, ты сказал и сделал три года назад. Или не сказал и не сделал.

Андрей порывался что-то сказать, но она выставила ладонь перед лицом предупреждающим жестом:

— За три года можно было все изменить. Если бы ты хотел, ты бы нашел меня тысячу раз! Закончим на этом.

— У нас ничего просто не заканчивалось, если помнишь.

— Когда-то должно получиться.

Он наморщил лоб и улыбнулся через силу:

— Тихо разойдемся? А где шухер, Маша? Люди в масках? Оружие? Огонь, вода и медные трубы? Не твой стиль, дорогая... не узнаю! Или на фоне обычного пейзажа я тебе неинтересен? Я сам, просто как человек, а не как действующее лицо твоего нового экшна? Тебе нужны соответствующие декорации, чтобы ты меня среди них заметила?

Маша собиралась ответить, подалась вперед, но Андрей придержал ее за плечо тем самым властным жестом, от которого у нее всегда перехватывало горло:

— Подумай над моим вопросом на досуге. По крайней мере, здесь у тебя будет для этого некоторое время.

Развернулся пластичным движением опытного бойца и вышел, так хлопнув легкой дверью, что ее завернуло обратно на улицу, под очередной порыв ветра. Прибежавший официант увидел Машино лицо и спросил самым умильным голосом:

— Еще кофе, леди? А может быть, все-таки десерт?

— Несите десерт, — через силу отвечала Маша, тупо глядя перед собой. — Надеюсь, он мне поможет!

глава 2

Вправо под сорок пять — влево под сорок пять — перехват — разворот — уход в низкую стойку — переворот — вправо под сто тридцать пять — влево под сто тридцать пять — перехват... ката Стрелка... «У тебя слишком мало времени, Саламандра! Не трать его попусту!» — произнес кто-то невидимый, прерывая движение меча во сне. Она затрясла головой, но монотонный ритм остался. Соблазн уронить голову на подушку и заснуть был очень велик. Но что-то вынудило ее подняться, достать меч, выйти на террасу и продолжить тренировку наяву, прямо с прерванного во сне движения. Ветер рвал во все стороны темные кусты, небо едва зеленело, на горизонте над морем подрагивали исчезающие звезды. Она начала повторять ката Стрелка, постепенно убыстряя темп...

С тех пор прошло несколько часов, солнце шпарило вовсю, а она продолжала заниматься, пребывая в некоем подобии транса. Тело механически повторяло упражнения, не ощущая усталости, пот заливал глаза через насквозь промокшую хлопковую бандану, но что-то не позволяло ей полностью отключиться от реальности. Кажется, она разговаривала сама с собой. Великая Нгу Май учила ее освобождать разум во время занятий с оружием. Освобожденный разум нес полную пургу. Она вслушалась в последние фразы, которые произнес ее собственный охрипший голос: «Сколько может быть переходов из одного состояния в другое? Сколько угодно, эта последовательность бесконечна, потому что иррациональна... как и мое пребывание здесь... как и мое пребывание там...»

Если рассматривать бессмертие как переход из одного состояния в другое, то ей уже доводилось совершить подобный переход. Правда, не без помощи старших товарищей и их технологий, немислимых в нашем мире. Но это детали. Почему для этой роли выбрали именно ее? Получается, что она сама действительно являет собой образец той самой стопроцентной регенерации? Следовательно, могущественные корпорации не зря гонятся за ней и за ее внучкой? И каков выход из этой ситуации? Ответ напрашивался сам. Но не хватало мужества его сформулировать...

«Я подумаю об этом завтра!» Коротким ритуальным движением она отряхнула меч и вложила его в ножны. Потом оглянулась и лиш-

ний раз порадовалась тому, что на соседних виллах не было ни души, только птицы и коты. Долго стояла под душем, чувствуя, как гудят мышцы, радуясь тому, что избавилась от гнетущей тревоги. Потом закуталась в толстый махровый халат и уселась на веранде с сигаретой и чашкой кофе. Небо было почти безоблачным, а ветер усиливался на глазах, стальная жесткая рябь была испещрена белыми бурунами. Даже смотреть на воду было холодно.

Маша вспомнила о курсантах Джей-Кея и не позавидовала им: улыбчивый инструктор, как ей вчера показалось, вообще не реагировал на температуру окружающей среды и производил впечатлений мощной и хорошо отлаженной машины для подготовки новых глубоководников. Какой бы сложной ни была программа сегодняшних погружений, они выполняют ее целиком. А вот что будет потом? Пусть те, кто в ней заинтересован, сами ищут ее. Через мгновение раздался звонок, в трубке зазвучал низкий хриловатый баритон Аполлинарьевича:

— Надо бы потолковать, но домой не зову: Надя развела ремонт к приезду детей, красят там что-то... мрак! Я по городу болтаюсь, чтобы под ногами не путаться. Приходи к «Папе Стратосу» через часок. Назовешь этот ресторан любому таксисту, отвезут.

Собираясь, она перебирала детали вчерашней беседы с Кей-Кеем и Джей-Кеем. Новые средства продления жизни, деньги, борьба за рынок сбыта и за покупателя. Сколько денег ни плати, какие вакцины ни изобретай, каким оружием ни вой — человек смертен, этого изменить не может никто. Тогда зачем на сцену готовится выйти неведомый боец? «У всякого действия и явления есть две стороны...» Она работает на одну из этих сторон, ее загадочный противник — на другую. Цель одна: заявить об изобретении «вакцины бессмертия». Если побеждает она, в выигрыше Штайн и его команда. Если побеждает неведомый соперник — кто в выигрыше? Должна быть сила, заинтересованная в сохранении существующего порядка вещей, и именно эта сила играет решающую роль во всей истории. Кто это? В отдалении маячил сумрачный силуэт ее противника. Она не боялась его, она все сильнее ждала встречи с ним. В отличие от других действующих лиц, этот персонаж был прост как правда: он должен ее победить, и точка. Других мотивов у него нет. Просто боец. Воин с другой стороны. Ничего личного... Но пазл не складывался, не хватало некоторых элементов.

А с кого вообще началась заваруха? С Бори! Это Борис Маркович продал ее сумасшедшим клиентам из «Нано-виты» и свалил в кусты! «Ага,— скептически пробурчал внутренний голос,— именно Боря, владелец небольшого рекламного агентства,— тайный член масонской ложи...» А что она знает о Боре, кроме того, что известно всем?

«Если Боря здесь замешан, он тоже объявится. Не торопись с выводами. „Красивая женщина вообще не должна суетиться“»,— вспомнила она фразу из какого-то фильма. И не спеша отправилась на встречу с Аполлинарьевичем. Ресторан, который он выбрал, был в некотором роде местной достопримечательностью, потому что располагался в самом экзотическом месте городка. Маша специально вышла из такси чуть раньше, за квартал до городской площади.

Узкие переулки вели к маленькому заливу, соединенному с морем узким каналом. Если не знать о существовании канала, то казалось, что перед тобой озеро идеально круглой формы. Лебеди выпрашивали у прохожих еду, ветви деревьев свисали прямо в воду. Над узким каналом выгибались узорчатые мостики. Вдоль берега тянулись ряды магазинчиков с сувенирами. Над морем гулял холодный резкий ветер, а здесь было тихо и тепло. На площади собирался народ, в основном родители с детьми. Судя по национальным костюмам, начинался конкурс народных танцев. Оркестр настраивал инструменты.

Вдоль берега тянулся серпантин прогулочной дорожки. Она поднялась по крутому променаду вверх, к ресторану. Это было, без сомнения, самое пафосное место в городке, иначе бы Аполлинарьевич не назначил ей встречу именно здесь. Старый волк сидел за столиком на веранде, сосредоточенно выбирая бутылку вина, и выглядел абсолютно органично рядом с пожилым владельцем ресторана, который лично консультировал дорогого клиента. Два седых, жилистых, загорелых джентльмена обсуждали на смеси языков букет и достоинства урожая какого-то лохматого года, и совершенно безразличным казалось то, кем они оба были раньше. Мало ли пожилых бизнесменов на склоне дней покупают недвижимость в этом благословенном краю? Просто один из них купил домик, а другой — ресторанчик. Оба выгодно вложили средства, заработанные

тяжким трудом за долгие годы, чтобы сейчас любоваться морским пейзажем и неспешно обсуждать букет вина...

«Кажется, что прошлого нет, есть только настоящее, и то, кем мы в нем являемся», — подумала Маша, проходя к столику между выстроившимися официантами. Может быть, важно не происхождение денег, а важно, на что ты их тратишь потом?

Аполлинарьевич мельком глянул на нее и одобрительно улыбнулся: его дама выглядела достойно. Она поймала быстрый и пронизательный взгляд владельца ресторана. Воистину, два волка оказались в одном загоне. Обстоятельства сложились так, что им нечего было делить. Поэтому они с удовольствием выбирали вино и разглядывали женщин.

Владелец ресторана что-то пробурчал Аполлинарьевичу, потом сделал знак официантам — и все немедленно исчезли, оставив их вдвоем.

— Неплохой мужик оказался, — процедил Аполлинарьевич, — из Италии.

— Бывший мафиози?

— Какой он мафиози? Так, мелкий коммерсант... Фильмов насмотрелась в детстве? Или книжек начиталась? Вся беда твоя в том, что ты веришь тому, что показывают в кино и пишут в книжках.

— Девочка из интеллигентной семьи — это самый тяжелый диагноз. Врожденный порок. И главное — неизлечимый.

— Заметил. Не первый день знакомы...

Аполлинарьевич наконец закончил возиться с трубкой и запыхтел. Им принесли закуски, потом горячее, а отставной мэтр никак не приступал к главному.

— Может, поговорим? — не выдержала она, отодвигая тарелку.

— Машка! Кончай дурить! — рявкнул он, — ты заигралась! Тебе раньше все время везло. А сейчас может не повезти! Поняла?

— Вы что-то узнали?

— Так... слухи...

Он замолчал, глядя на сверкающую темную воду внизу.

— Говорите, прошу вас! Я сама вижу, что дело нечистое, но не понимаю ни моей роли, ни возможных последствий. Если вы хотите помочь, выкладывайте все.

— Слышал кое-что. И видел кое-кого.

— Я тоже этого кое-кого видела,— отвечала Маша, отвернувшись,— и говорить на эту тему не желаю.

— А напрасно! Ты еще не поняла, что вокруг тебя куча народу не просто так роится?

— Да, все преследуют свои интересы.

— Поэтому в Москву возвращаться тебе не надо.

— А куда, интересно, прикажете мне деваться?

— Это второй вопрос. Если будет проблема с документами, возможно, я смогу помочь. Только решай быстро.

К их столику подошел владелец ресторана, разразился потоком комплиментов в адрес Маши на итальянском языке, потом что-то тихо пробормотал Аполлинарьевичу. Тот кивнул, дождался, пока они останутся одни, и спросил:

— У тебя паспорт с собой? Дай-ка на десять минут.— Маша поспешно полезла в сумку.— Да потихоньку! Вот дурная баба...

— Зачем?

— Сама как думаешь?

Маша пожала плечами:

— Не готова я никуда валить. И бояться мне некого.

— Маша, это не мелкая шушера. Это китайский международный картель,— произнес Аполлинарьевич тоном политического обозревателя.— Твоя жалкая фирмочка им поперек дороги встала. И чем-то лично ты им не угодила.

— Оказалась не в то время не в том месте?

— Можно сказать и так. А может, и прознали про тебя кое-что лишнее...

Подошедший хозяин ресторана незаметно вернул Аполлинарьевичу ее документы.

— В общем, надумаешь, позвонишь. По деньгам будет нормально, дешевле, чем в Москве. Только думай быстро,— он поднял палец: — И не говори потом, что я тебя не предупреждал! А с этим своим... аккуратнее. Непростой он парень.

— Да кто тут простой, кроме нас с вами? Американцы, что ли?

Аполлинарьевич хмыкнул:

— Америкосы здесь не просто отдыхают. Особенно тот, который позже прилетел. У него погоны на лбу нарисованы. Я не успел утром кофе выпить, звонит один знакомый: мол, цээршник по городу бега-

ет, не знаешь ли, по чью душу. Так,— думаю,— узнаю Машу: стоило ей появиться, и прощай покой на склонах лесистых...

— Вы мне льстите.

— Я тебя, дуру, хочу оградить от плохой компании. Цээрешники это еще туда-сюда, а вот хлопец твой незабвенный — очень плохая компания. Чтобы он тебе ни посоветовал, сделай наоборот.

— Не знаю, право, о ком вы говорите. А если мы имеем в виду одного человека, то я его видеть не хочу и знать не желаю,— твердо произнесла Маша, выпрямив плечи и уставившись в темноту.

Аполлинарьевич сделал такое движение, словно хотел погладить ее по голове. Но в последний момент отдернул руку и буркнул:

— Кушай, Маня, здесь отличное каре ягненка...

Она входила на виллу через дверь на террасе и отпрянула, увидев сидящего в кресле человека.

— Как ты нашел меня?

— Тоже мне, бином Ньютона...

— Мне кажется, тебе не следовало сюда приходить.

— Мне кажется, тебе не следовало сюда прилетать.

— Я прилетела на Крит случайно.

— Ничего не бывает случайно. Каждая снежинка падает в место, для нее отведенное...

глава 3

Я, собственно, хотел тебе кое-что рассказать...— Андрей высунул голову из душевой кабины.
— Почему вчера не сказал?

— Был послан, не успевши вставить слова! Тебе категорически не следует возвращаться в Москву. По крайней мере в ближайшее время.

— Как я могу не возвращаться? У меня там родные. И работа, знаешь ли, срочная. Я отмазываюсь от своих обязанностей всеми правдами и неправдами.

— Ты влипла в крайне неприятную историю, причем с непредсказуемыми последствиями. Машка, брось это! Задержись здесь

на пару недель, у тебя виза действительна еще месяц, этого хватит, чтобы все уладить.

— Откуда ты знаешь про визу?

— В паспорт твой заглянул, а что? Секретная информация?

— С каких пор ты считаешь себя вправе заглядывать в мои документы, не спросив разрешения?

— С тех самых пор и считаю...

Он уселся за столиком на террасе, уставился прямо ей в глаза и резко произнес:

— Не возвращайся.

— Все повторяется,— пробормотала Маша, разливая кофе в две чашки,— три года назад ты уговаривал меня не возвращаться.

— Не совсем. Тогда я тебя уговаривал, потому что мне хотелось...

— Чего?

— Чтобы ты со мной осталась. Это было нужно мне.

— А теперь?

— Теперь это нужно тебе самой.

— Почему?

— Не могу вдаваться в детали...

— Шанель говорила, что бог — в мелочах. Именно детали все и определяют.

— Маша, послушай хоть раз в жизни совета! Причем совет человека, который тебя искренне любит!

Маша развернулась, со звоном расшвыривая по сторонам вилки и ложки:

— Полегче с формулировками! Нельзя любить того, кого не видишь. С глаз долой — из сердца вон! Если любил, где был больше трех лет? Почему ни разу не попытался узнать, как я, где я, что со мной? А появился только теперь! И то оказался здесь по работе...

— Классические женские упреки? Да, я здесь по работе! Ничего не напоминает?

— Напоминает. В прошлый раз ты оказался рядом тоже по работе.

— Делаем логический вывод. Ну, Маша? Поняла? Скажи это вслух!

Маша долго глядела в его переносицу, шевелила губами, потом заскребла пальцами по пластиковому столу:

— Не могу...

— Тогда слушай! Ты — моя работа! И тогда, и тем более теперь!

— Почему тем более?

— Тогда все было просто: я должен был тебя найти, сопровождать и оберегать, чтобы ты смогла выполнить свою функцию с максимальным результатом.

— Тебе это удалось. Премию, наверно, дали?

— Ну знаешь, и тебе должны были приличную сумму перечислить, — огрызнулся он.

— Да, частично окупила ремонт в квартире. Работать Саламандрой оказалось довольно выгодно, хоть и небезопасно, теперь хочу стариной тряхнуть. Может, удастся кредит за машину закрыть.

— Ты не дала мне закончить. Теперь все иначе. Я должен тебя найти, сопровождать и охранять, чтобы твоими способностями не воспользовались другие... Никто, скажем так. И более того, я обязан во что бы то ни стало препятствовать выполнению твоего нынешнего контракта. Любым способом.

— Налицо конфликт личных интересов со служебными? Эмоции против чувства долга? Голливудский боевик? — Маша подошла вплотную, положила ему руки на плечи, заглянула в глаза: — Тогда зачем ты пришел теперь? Чтобы сопровождать или чтобы воспрепятствовать?

— Вообще-то у меня не вышло ни того, ни другого. Поэтому хочу отговорить.

— Но я не смогу здесь вечно прятаться! Да и от кого? От твоей конторы, или от китайцев, или еще неизвестно от кого? Ты не представляешь, чем они угрожали.

— Не знаю, но могу догадаться. Шантажировали, не детьми, так внуками.

— Ты слишком легко догадался! — прошипела Маша.

— Потому что так поступали когда-то с твоими родителями... И с твоими настоящими родителями, ты сама рассказывала. Методы, при помощи которых одни люди пытаются использовать других, не меняются, меняются только флаги и вывески.

— Раз уж ты в теме, тогда скажи: кто сдал меня с потрохами фирме «Нано-вита»?

— Ты сама догадаешься, если захочешь, это вопрос времени.

— Неужели и вправду Боря? — охнула Маша.

Андрей молчал.

— Это действительно неважно, — подумав, сказала она.

— Сейчас неважно, — тихо повторил он, — но потом, если будет время, ты поймешь, почему именно я тебя отговаривал.

— ОК! Мне нельзя возвращаться домой, потому что мне оторвет голову кто-то из страховой компании Штайна? Или еще неизвестно кто?

Андрей молчал. Маша готова была немедленно признаться в том, что от ее магических свойств остались только воспоминания и татуировка на лопатке. Она подалась вперед — и снесла локтем керамическую напольную вазу. Осколки полетели на тарелку с бутербродами, ваза сшибла чашку с кофе, Андрей мгновенно протянул губку, словно заранее знал, что она что-то уронит. Не первый день знакомы.

Маша принялась вытирать стол и промолчала. «Значит, не время для сокровенных признаний, — саркастически произнес внутренний голос. — Сказали тебе: смотри глубже!»

Она молча собирала осколки в пакет, мгновенно подставленный мускулистыми руками Андрея. И снова поражалась тому, как судьба может намертво слепить двух людей в одно целое. Если один протянет руку, другой, не глядя, подставит свою. Или это очередной самообман? Он опять использует ее в своих целях, перешагнет и исчезнет?

«Вечно ты ищешь не то, что имеет подлинную ценность. Ты лучше подумай, что ему надо? И почему он тебя отговаривает? Отключи эмоции, включи логику».

— Почему ты убеждаешь меня не возвращаться?

— Потому что я должен тебе в этом помешать, — тихо ответил он, — причем любым способом. Любым! Понимаешь, о чем я?

Маша снова зашевелила губами, пытаясь озвучить догадку.

— Ты должен... если я... И ты сможешь?

Он махнул рукой, присел рядом, взял ее за руку:

— Поняла?

— Да, но... разве кто-то в этом мире может справиться с Огненной Саламандрой?

— Я не смог бы этого сделать ни тогда, ни теперь. Давай попробуем выкрутиться вместе?

глава 4

Маша ждала Кевина в прибрежном кафе. Он позвонил ей, едва Андрей ушел. Причем назначил ей встречу через час так безоговорочно, словно она уже состояла в подчинении у спецотдела американского ВМФ. Не слишком ли много специально обученных людей на острове?

Когда Кевин появился, она еле сдержалась, чтобы не засмеяться: вспомнила слова Аполлинарьевича о том, что его знакомые с полпинка разглядели погоны на плечах американца. Или мы голливудских фильмов насмотрелись, или впрямь издалека понятно, что идет не простой турист, а турист при исполнении. «Живешь себе, никого не трогаешь, работаешь в рекламном агентстве, а стоит взять в руки балисонг... Стоп! Что я думала насчет Бориса Марковича и его роли в этой истории?»

Кевин поздоровался и уселся напротив, пристально разглядывая ее.

— Вы выглядите как юная леди после романтического свидания. Но ваш спутник в ресторане не похож на Ромео.

— Это мой соотечественник, старый знакомый по работе, они с женой купили здесь недвижимость и живут в тишине и покое.

— Какого рода бизнес был у вашего приятеля? — недоверчиво уточнил Кей-Кей.

— Неспokoйный был бизнес. Конкуренция была страшная. Но теперь у него все в порядке.

Кевин поерзал и предпочел больше вопросов не задавать. А Маша, в свою очередь, не стала выяснять, кто и почему видел ее в ресторане над озером в компании Аполлинарьевича.

— Итак, какое срочное дело привело вас ко мне?

Тот углубился в изучение меню, Маша спокойно ждала: пусть сам колетса. Уже двое отговаривали ее возвращаться домой, осталось только Кевину предложить ей новый паспорт и сотрудничество.

Кевин сделал серьезное лицо:

— Мы знаем, что китайская сторона настроена крайне решительно. Они ищут Ли Бэя и попытаются его захватить, как только он здесь появится. Я уполномочен предложить сотрудничество и содействие, а именно: гарантии личной безопасности и возможность отправить вас в нейтральную страну. Если понадобятся документы, есть способ получить визу и вид на жительство в нейтральной стране.

— Это означает, что вам очень понадобилась моя помощь?

— Вам никто не говорил, что вы ошиблись в выборе профессии? — улыбнулся Кевин.

— Может, и ошиблась. Профессию можно выбрать, но родину — нет,— тихо ответила Маша.— И профессию можно поменять, и документы новые можно получить, и имя сменить можно, но что делать с родными, друзьями — всем тем, что составляет понятие «родина»? Хваленый американский патриотизм известен всей планете. Почему вы не допускаете, что другие люди могут быть привязаны к своей стране не меньше вас? Даже если порой это им не идет на пользу.

Кевин взял ее руку в свою ручищу, мягко пожал:

— Я не хотел вас обидеть. Честно говоря, это не было моей инициативой, но работа есть работа, я должен был сделать вам подобное предложение и я его сделал.

— Не вы первый предлагаете мне сбежать, и интуиция подсказывает, что это было бы разумно. Но что-то не позволяет мне поступить так, как подсказывает здравый смысл. Раз уж я играю главную роль в этом боевике...

— Загадочная русская душа,— пробурчал Кевин с полным ртом,— я вам расскажу про эту душу одну историю.

— Очень грамотный прием,— улыбнулась Маша.— Сменить тему разговора. Как будто у нас просто свидание в кафе.

Собеседник пошевелил бровями, но решил продолжить как ни в чем не бывало:

— Недавно я виделся с отцом. Он в отставке, на пенсии. К сожалению, мы редко видимся. После смерти матери отец ушел в себя, занимался домом, пытался открыть какое-то свое дело, но ему самому было скучно. Он начал ходить по врачам и лечиться, но это ему было скучно вдвойне. А тут я понял по его звонку, что все изменилось. Приезжаю. И он с горящими глазами рассказывает, какую удивительную женщину встретил недавно, причем из России!

— У вас до сих пор модно жениться на русских?

Кевин укоризненно посмотрел на нее:

— Мэм, та женщина на пятнадцать лет старше моего отца, она инвалид и перемещается на коляске. Мой отец познакомился с ней в кафе, где русские устраивали вечеринку для своих пожилых родственников, отмечали русский праздник, день военных...

— Двадцать третье февраля, день Красной армии.

— Да, наверно. Эта дама была в парадном кителе с орденами, их было едва ли не больше, чем у моего отца, а он ветеран трех войн. Отец преисполнился любопытства и подошел. Они познакомились. Дама переехала сюда жить к родственникам. Но она сказала отцу, что если бы не ее инвалидность, никогда бы не оставила Россию, хотя здравый смысл, о котором вы только что говорили, подсказывал ей, что надо было уехать много лет назад.

— Наверно, ее дети уехали в Америку и не оставили ей выбора?

— Нет, у нее трагическая судьба. Все родные погибли во второй мировой войне, а она попала в партизанский отряд. Потом она заново семью так и не создала, жила одна. Племянница много лет назад эмигрировала и живет в Калифорнии. Она побывала в Москве и уговорила свою тетю переехать к ним.

— Как зовут эту даму, вы не помните?

Кевин развел руками:

— Конечно, я не запомнил русского имени. Хотя она, кажется, еврейка. Мой отец настолько был ею очарован, я бы сказал, что он влюблен в нее! Готов о ней заботиться, ждет ее согласия, чтобы перестроить дом и сделать специальную лестницу для инвалидного кресла. А она, представьте, отказывается, потому что не хочет быть ему в тягость! Я начал это рассказывать... — он беспомощно помотал головой.

— Вы начали поговорить о патриотизме, а получилось — о любви, — улыбнувшись, закончила Маша, — и вы не поверите, но кажется, я знаю эту женщину. Ее зовут Раиса?

— Не помню.

— А вы наберите телефон отца и спросите его. Прямо сейчас!

— Прямо сейчас? — опешил тот.

— Почему нет? Если это именно та женщина, которую я имею в виду, то это будет самым удивительным совпадением за всю мою жизнь. Почти самым удивительным.

Кевин на мгновение задумался, потом взялся за телефон. Через две минуты разговора он закивал Маше изо всех сил и шепотом произнес: «Ра-и-са!»

— Тогда пусть он передаст ей привет от Маши. И скажет, что ее письмо я получила на днях. В этом письме много лестных слов о вашем отце. Можете и это ему передать.

Кевин несколько секунд переваривал информацию, потом быстро закончил разговор и ошеломленно уставился на собеседницу:

— Я думал, что меня трудно удивить. Но после вашего появления я не перестаю удивляться каждый день!

— Эта женщина — моя соседка. Я знаю ее с детства, она знает все о моей семье, помнит моих родителей, наши семейные трагедии и радости. Она бы ни за что не уехала из России, если бы не травма, после которой она не смогла больше ходить. В семье племянницы ее жизнь снова стала полноценной. Я не знаю, примет ли она заботу вашего отца, она очень гордая. Но ему повезло. Как и мне повезло, что она была рядом столько лет и поддерживала меня в самые сложные периоды моей жизни.

— Таких совпадений не бывает, — решительно заявил Кевин. — Теперь я знаю, что мы не случайно встретились. И уверен в вас на сто процентов. Вы можете мне доверять, — и он протянул ей руку.

— Мой скромный опыт общения с представителями спецслужб свидетельствует, что доверять им бесполезно и порой опасно для жизни, — Маша вцепилась в чашку обеими руками.

— А слово солдата?

— Для солдата приказ выше совести.

— Тогда попробуйте мне доверять просто как сыну человека, который готов разделить судьбу этой удивительной женщины. Ей-то вы доверяете?

— Как себе самой. Наверно, вы правы. Раз мы здесь встретились — это знак.

Кевин посмотрел на нее пристально:

— Знак чего? Доверия?

— Нет, чего-то неизмеримо большего. Наличия высшей силы, вмешивающейся в мою судьбу. А раз так, значит, на мне лежит огромная ответственность, и она гораздо больше, чем мы можем представить.

— Вы очень бегло говорите по-английски, но я ни черта не понял из того, что вы сейчас сказали, — честно признался Кевин.

— Это абсолютно не имеет значения! Отнесите это на счет той самой загадочной русской души! Я готова помочь вам в поисках Ли Бэя.

И Маша протянула ему руку.

— А взамен я попрошу вас об одной услуге. У дружественного вам ведомства наверняка есть свои люди в Праге. Там живет моя дочь

с мужем и сыном. Мы не знаем сейчас, как далеко готовы зайти китайцы, поэтому все, о чем я прошу, — обеспечить их круглосуточную охрану до момента завершения переговоров в Москве. Моих родных в Москве охраняют другие люди, но они делают это только при условии, что я на них работаю.

— Вы дадите мне координаты своей дочери, я свяжусь с коллегами из восточного бюро, обещаю, что они сделают все возможное. Но вы уверены, что вам самой не потребуется защита?

— Абсолютно! — улыбнувшись, отвечала Маша.

глава 5

У нее почти не осталось времени, чтобы привести в порядок мысли. У нее вообще почти не оставалось времени. Впрочем, она — свободная женщина и собирается провести свой последний выходной на Крите в гармонии с морем и самой собой. За такую формулировку в тексте рекламного буклета Маша Северцева оторвала бы голову любому. С возрастом жизнь превращается в набор штампов.

«Преедается все. Лишь тебе не дано примелькаться...» Она глядела на усиливающиеся волны, которые долбили галькой в дощатые мостки, и судорожно пыталась собрать в одно целое разрозненную информацию: предупреждения, полученные от заинтересованных сторон, и обязательства, которые откуда-то взялись у нее перед каждой из этих сторон. Почему она оказалась именно на Крите, почему разные люди пытаются склонить ее на свою сторону? И не послать ли всех куда подальше, поменяв билет? Но что это изменит?

Постепенно созерцание прибоя привело ее в то состояние, когда анализ уступает место интуиции и бессознательному выбору.

И тут раздался звонок. Звук раздавался из гостиной. Маша вернулась в полотенце и прошлепала по каменному полу к источнику мелодичного тренькания. На журнальном столике в углу оказался стационарный телефон, о существовании которого она и не подозревала. И уж тем более не думала, что он включен. Может, владелец виллы звонит? Маша схватила трубку — и опешила, услышав голос Бори.

— Машка, привет!

— Боря, ты? Зачем ты меня подставил?

— Сейчас не об этом речь. Некогда объяснять.

— Тут всем некогда объяснять!

— Именно поэтому слушай сюда. Тебе ни в коем случае не следует возвращаться в Москву. Постарайся задержаться там настолько, насколько тебе позволяет шенгенская виза. Изначально твоя роль должна была быть несколько иной. Я тоже не последний мерзавец, мне обещали другое.

— Боря, в чем дело?

— Слушай старого дядьку! — рявкнул Боря на другом конце земли. Иногда он забывал о том, что был старше Маши всего на пару лет, любил разыгрывать из себя старого мудрого еврея. — Протяни время и возвращайся как можно позже!

— Боря, поздно. Гости съезжались на бал. Что теперь посоветуешь?

— Вали оттуда, Маша! Каким угодно способом! И не домой!

— Как же презентация фирмы «Нано-вита»? И мой договор?

— Ты его кровью не подписывала, — тихо ответил Боря, — и я пойму, если ты его расторгнешь в одностороннем порядке. Но я тебе этого не говорил. Я вообще с тобой не говорил.

В трубке зазвучали короткие гудки. Только нажав на клавишу отбоя, Маша сообразила, что не спросила Борю, откуда ему известен номер телефона, который неизвестен ей самой.

Она сварила себе кофе вдвое крепче обычного, завернулась в плед и устала в окно. Странно: она была рада тому, что Андрея нет рядом. Как и три года назад, ему нельзя доверять. В одном он был предельно честен. Когда сказал: «Ты — моя работа». Из этого и следует исходить. Мечтать о несбыточном проще, чем получить это несбыточное. Но когда ты очень сильно просишь о чем-то, тебе однажды это дают. Только не в том виде и не в тот момент. Просила — получай. Со всеми вытекающими. Ждала — дождалась. Теперь решай, что с этим делать. Он снова был рядом, его можно было потрогать, но верить ему не следовало ни в чем. Три года назад она сочла встречу с Андреем еще одним проявлением иррациональных перемен, происшедших с ней. Росчерком Огненной Саламандры. Чудом, короче говоря. Но, как классический Иван-дурак, не смогла этим чудом грамотно распорядиться. Чудеса давно закончились. Почему теперь он

опять свалился ей на голову? Никаких иррациональных объяснений ей не давали, а рациональные объяснения в кармической плоскости не работают.

«Ты недавно говорила с Драконом». — «Это могло бы игрой воображения». — «И Дашка говорила с ним». — «И это могло быть игрой детского воображения!»

Она невольно вздрогнула, вспоминая балисонг в уверенной детской ладошке. Ее внучка — настоящая маленькая Огненная Саламандра, с этим не поспоришь. И поэтому Маша будет делать все, что в ее силах, чтобы никому не пришлось в голову воспользоваться необыкновенными способностями Дашки. Только она сама теперь мало что может.

Да, она неплохо научилась нырять на задержке дыхания, но первоначальные навыки получила в школьном лагере, в секции подводного ориентирования, а последние три года поддерживала их, только как ныряльщик-любитель. Да, она неплохо владеет разными видами восточного оружия, но эти навыки вбил в нее три года назад старый учитель Зыонг в Школе воинов Индры. Тренировки в клубе Марата лишь позволяли поддерживать физическую форму, не более того. Но сверхъестественная реакция и способность управлять энергией, которые дала ей великая Нгу Май, безвозвратно утрачены. Остался только меч, сделанный за три дня оружейником в мастерской на Маросейке. Да, она научилась неплохо владеть оружием. В ее руках осталась техника. Но ее руки — это человеческие руки, у любого человека есть предел физических возможностей.

Она сосредоточилась, закрыла глаза, пытаясь ощутить забытый озноб, идущий по позвоночнику, уловить момент, когда по телу пройдет огненная волна. «Дама, если хотите прикурить, воспользуйтесь зажигалкой!» — саркастически прокомментировал внутренний голос. Она выругалась и потянулась за «Крикетом».

Интересно, откуда Боря знает, что она именно здесь? Можно допустить, что он оттуда позвонил ее родным, они рассказали. Но этого телефона не знала и сама Маша. Видно, роль Бори едва ли не ключевая. Иначе как он узнал подробности ее вьетнамской эпопеи? Он не мог знать ничего, если только история контракта с «Нано-витой» не хитрая разводка, при помощи которой спецслужбы вытянули на свет божий китайскую фирму, грозящую выкинуть на рынок «элик-

сир бессмертия». Чьи спецслужбы оказались первыми за спиной у китайцев — наши или американские, теперь не имеет значения. В сухом остатке мы имеем одно: она должна продемонстрировать, что «эликсир бессмертия», созданный «Нано-витой», работает по настоящему. И на порядок превосходит китайские препараты. Хотя на самом деле все как раз наоборот: «Нано-вита» просто присвоила разработки Ли Бэя. Поэтому они без зазрения совести грохнули журналиста из дальневосточной газеты, который собрался написать о нем новую статью.

Но тогда почему Андрей должен во что бы то ни стало помешать ей в выполнении «контракта Саламандры»? Если тендер на бессмертие выигрывает российская сторона, в плюсе будут все, кто так или иначе этому способствовал. И организаторы, и простые исполнители. «Да полно! Когда простые исполнители получают по заслугам? От них обычно избавляются», — возразил невидимый оппонент. «Со мной в прошлый раз обошлись по понятиям». — «Потому что боялись». — «А сейчас разве не боятся?» — «Боятся, именно поэтому задача Андрея — вообще не допустить твоего появления на сцене». — «Нет, он работает на какую-то третью силу. Может быть, это какая-то международная организация, объединяющая ведущие страховые компании, может, фармацевтический консорциум, короче, все те, для кого появление „эликсира бессмертия“ будет означать крушение планов. Андрей не будет работать за идею, он человек крайне практичный. И, конечно, постарается удержать меня здесь как можно дольше. Я даже догадываюсь, каким способом. Странно, что его еще нет. Но его можно не бояться, если сказать, что я больше не обладаю смертельно опасными для окружающих способностями». — «А он тебе поверит?»

Ответить на этот вопрос однозначно она не могла. Собственно, каким образом Андрей узнал, где находится вилла? Почему он оказался на Крите? Потому что изначально именно он предложил заключить с ней «контракт Саламандры». Тогда понятно, почему Боря взялся за этот контракт: его просто вынудили. Любой владелец собственного бизнеса в нашем государстве ходит по краю уголовного преследования, любого можно шантажировать и заставить делать все что угодно. Боря получил хорошие отступные в виде страхового полиса компании Штайна. А также гарантии личной безопасности для всей семьи,

при условии, что он уедет и вернется, когда все кончится. Поэтому сроки такие сжатые. Именно Андрей предложил воспользоваться ее способностями. Конечно, он после Вьетнама считается специалистом по огненным саламандрам.

Стоп! Значит, он шел за ней след в след? Андрей и есть тот человек, который приходил к кузнецу в поисках меча! Примитивная разводка, на которую она купилась. Значит, и пожар в мастерской кузнеца — его рук дело? Молчаливый страж Алексей из компании Штайна был там, но он имел указание охранять ее и только ее. О нет, это не мог быть Андрей! Он не убийца!

Зато стало понятно, почему он очутился на Крите. Просто шел за ней след в след. А откуда Боря узнал об этом? Боря мог узнать, что она взяла короткий отпуск, купила горящий тур и уехала на несколько дней. Владелица туристического агентства была их постоянной клиенткой и общей приятельницей, Боре достаточно было набрать ее номер и спросить, где срочно отыскать Машу. Боря рисковал, звоня ей. «Если уж Боря рисковал, значит, дело точно пахнет жареным», — подытожил невидимый собеседник. И никто в целом свете не представлял, насколько у нее самой не было шансов.

Неужели нет ни одной стороны, заинтересованной в том, чтобы ее оставили в покое? Ее могут оставить в покое очень легко — надо всего лишь признаться в собственном бессилии, тогда ее просто уберут, как ненужного больше статиста. И немедленно возьмутся за Дашку. Куда ни кинь, всюду клин. И Андрею она не может в этом признаться. А, собственно, почему? Пока она здесь, ее родных стерегут молчаливый Алексей и служба безопасности Штайна. А это не самая надежная охрана. Пусть стережет и Андрей. Он ведь в какой-то степени тоже верный пес. Пусть им и поработает. Для этого ему надо кинуть кость.

Андрей материализовался через полчаса, снова вошел через незапертую дверь террасы. Обнял, уткнулся носом в плечо, фыркнул. Точно как верный пес.

Она заваривала чай и между делом спросила, пристально глядя в глаза:

— Пожар в мастерской кузнеца — твоих рук дело?

Вопрос был настолько неожиданным, что Андрей подскочил на диване:

— Какой пожар? Я был у него два раза, просил координаты музея в Голландии.

Маша досталась из шкафа чехол с ластами, длинный корпус его был двойным, во второй части лежал бережно завернутый меч.

— Смотри!

В полумраке комнаты сверкнул клинок. Андрей с некоторым трепетом поковырял чуть обугленные ножны:

— Это что? Разучилась дозировать свою огневую мощность?

— Нет, мастера хотели убить, и он не успел доделать ножны, поэтому они слегка обгорели.

— Кто хотел его убить?

— Раз не ты, значит, конкуренты «Нано-виты». Китайцы, больше некому. Есть две силы: одной надо, чтобы победила я, другой — чтобы победил китаец. Ты не пытался убить кузнеца, значит, ты на моей стороне? Но если ты должен остановить меня, значит, ты играешь на стороне противника?

Андрей встал, походил по комнате, положил ей руки на плечи:

— Машенька, я тебя знаю как облупленную. И знаю твой недостаток: ты видишь мир в черно-белых тонах: свой — чужой. Все сложнее устроено. Помимо двух фирм, готовых завалить планету лекарством от смерти и увечий, и двух страховых компаний, которые хотят на этом срубить бабла, есть третья сила, которая заинтересована в сохранении существующего порядка вещей. Никому не нужен такой шухер. Третья сила — гораздо более могущественная. Неважно, как она называется, скажем, некая группа международных финансовых структур и влиятельных лиц. Если китаец действительно добился значимых результатов...

— ...его результатами будут втихаря пользоваться те, кому это позволено по статусу.

— Видишь, как правильно ты все поняла. Мы сознательно допустили утечку секретных данных о твоих феноменальных свойствах и о характере твоей работы во Вьетнаме. Ты была приманкой! Ли Бэй — настоящий исследователь, он не мог пройти мимо такой информации. Если он переманит тебя на свою сторону, это будет его победа над всеми. Его надо было выманить из норы, в которую он спрятался. Именно ты должна была привести нас к нему. Поступила информация, что он может скрываться на Крите. Но по следу Ли Бэя

шли конкретные ребята из китайской мафии. В случае с Миклашевским мы едва не опоздали. Ты должна была срочно оказаться на Крите под моей охраной. Служба безопасности Штайна пасла тебя день и ночь, а нам надо было вынудить тебя уехать. Прессинг с нашей стороны стал таким, что у тебя практически не осталось выбора, кроме как сбежать! Контакт с турагентством был предсказуем: у тебя было слишком мало времени, а в агентстве, по просьбе Бори, тебя ждали билеты на Крит.

— Боря вам рассказал про агентство?

Андрей улыбнулся.

— У тебя очень разумный шеф, он хорошо тебя знает. И он очень выручил всех нас. Теперь осталось решить проблему с Ли Бэем. Он прилетел на остров Санторини местными авиалиниями и направляется сюда.

— Между Санторини и Критом ходят огромные паромы, там почти тысяча человек, как вы найдете его среди такой толпы в порту?

— По нашим сведениям, он собирается плыть на небольшой яхте. На пароме надо покупать билеты, предъявлять документы, проходить контроль, лишний раз светиться ему ни к чему. Но есть небольшие корабли, которые тоже возят туристов с Санторини на Крит и обратно, дорога занимает сутки, с высадкой на остров, с рыбалкой, прочими мелкими развлечениями. На таком кораблике все гораздо проще: заплатил за обед и ланч — и никто тебя не спросит ни о чем.

— Вы знаете, на чем он плывет?

— Суденышко с русским именем «Тата». Смешно, тут у всех самых маленьких катеров такие звучные имена: «Эрос», «Виктория», а этот почему-то называется по-русски.

— Он поплывет на маленькой яхте, в то время как китайские якудзы будут прочесывать огромный паром. Умно. Чего хочет от него китайская мафия?

— У фирмы Ли Бэя слишком большие долги, они хотят, чтобы он отработал эти деньги. Но нас это не касается.

— А страховая компания Штайна? Как быть с ними?

Он улыбнулся.

— Ты будешь смеяться, но у меня небольшая доля в одной аффилированной с ними фирме, они заинтересованы в успехе нашего небольшого предприятия.

— Я поняла. У нас две задачи. Первая — не допустить, чтобы Ли Бэй попался в руки китайской мафии. И вторая задача — чтобы я ни в коем случае не продемонстрировала свои невероятные способности ни китайцам, ни «Нано-вите», никому. Нет Огненной Саламандры — нет и темы для разговора о «вакцине бессмертия». Ли Бэй никому не интересен и может исчезнуть в неизвестности. Так?

Он кивнул.

— Тогда я берусь решить обе эти задачи, но взамен у меня есть условие.

— Какое?

— Есть одна причина, по которой я не могу не вернуться.

— Какая? Дурацкий вызов на поединок, что ли? Машка, ты, как подросток, до сих пор разводишься «на слабо»? Ты взрослая женщина! Тут речь о миллиардах.

— Эта деталь — моя внучка Даша. Ее сторожат псы Штайна. Ради ее безопасности я должна вернуться и участвовать в переговорах, и выйти на поединок.

— Конечно, тебя шантажировали ребенком. Но смешно думать, что твоей внучке всерьез что-то угрожает,— протянул Андрей, хотя по лицу стало понятно: задумался всерьез.

— Она настоящая Огненная Саламандра, и она меня превзойдет. Это видно уже сейчас. «Нано-вита» ухитрилась добыть ее анализы, у нас полное биометрическое совпадение по нужным показателям. Ты вообще знаешь, что фирма «Нано-вита» проводит опыты на людях?

Андрей вскочил со стула:

— Откуда информация?

— Неважно. Главное, что она достоверная. Знаешь, как я позиционируюсь в их классификации? «Образец третьей категории». Стало быть, и моя внучка — тоже «образец».

— Я должен немедленно сообщить об этом. Данные проверят.

— Сейчас речь о Даше. Из-за нее я должна вернуться. В «Нано-вите» есть наши анализы крови, но мало ли там других анализов? Парочка бумажек могла бы и потеряться, правда? Наверняка в «Нано-вите» работает ваш человек, пусть займется делом. Иди, Андрей. Мое предложение: я устраняю со сцены Ли Бэй и сохраняю в тайне свои способности, ты гарантируешь мне безопасность Дашки. И то, и дру-

гое в равной степени трудноисполнимо, но реально, мы в расчете. И волки сыты, и овцы целы.

Она блефовала по максимуму, но выбора не было. Андрей нахмурился, походил по комнате, попытался обнять ее.

— Нет. Времени мало. Иди, Андрей.

— Почему, как только мы оказываемся рядом, нам приходится выпутываться из безнадежных ситуаций? — спросил он, опять уткнувшись ей носом в плечо.

— Пока все средства не испробованы, ситуация не считается безнадежной. Ты сам сказал: я — твоя работа. Работу дают сверху. И не те люди, которых ты считаешь своими работодателями. Такую работу выдают совсем в другой инстанции.

Маша заперла за ним дверь и откинулась на спинку дивана. Самое главное она сделала. Ветер взметнул жесткие темные листья кустарника, они заскребли по стеклу, Маша вздрогнула и взялась за телефон.

— Кевин, нужно срочно поговорить: похоже, что планы погружений придется корректировать.

глава 6

Сегодня они шли на обычном прогулочном катере. Можно было загорать, лежа в шезлонге на верхней палубе. Маше ничего другого и не оставалось. Джей-Кей рассказывал курсантам о том, каким будет следующий курс и почему снаряжение для этого курса надо приобретать именно в его фирме. «Все в мире — развод лохов на бабки, обучение подводному плаванию — одна из форм этого развода». Кевин сидел в обнимку со своими смартфоном и ноутбуком, весь опутанный шнурами. Устройства переговаривались между собой сами. Карпентер-старший представлял собой промежуточный соединительный узел.

— Скоро человека можно будет легко исключить из этой цепи, — улыбнулась она, — техника сама между собой договорится.

— Не во всех случаях. Человек с человеком всегда сможет договориться, не правда ли? Собственно, в этом ваша задача.

Кевин показал ей на маленьком дисплее фото: высокий худощавый китаец, с длинным хвостом на макушке, в очках.

— Конечно, он будет скрывать лицо. Смотрите внимательно, времени у вас немного.

Островок был первым в цепи мелкой скалистой гряды, к которой шел катер. В отличие от ближних к городу островов, эти были почти лишены растительности, слоистые обветренные скалы нависали вплотную над морем почти вертикально, в узких черных пещерках бился сильный прибой. У подножья желто-серых скалистых уступов бултыхались клочья рыжих водорослей, пластиковые бутылки, разноцветные бумажки — мусор, принесенный вчерашним штормом. Сама вода была прозрачной, виден был скальный грунт, чуть-чуть присыпанный сияющим волнистым песком.

— Здесь есть пещера. Мелкая, небольшой протяженности. Но для начинающих глубоководников это отличная возможность потренироваться двигаться в надголовной среде,— как ни в чем не бывало сказал Джей-Кей. Его команда начала собираться.

Кевин указал на пролив между двумя почти сросшимися скальными массивами. Через природную арку вдали виднелся силуэт большой яхты.

— Мы ждем именно их. Желающих сажают на «зодиак» и везут на берег. Прогулка, купание, потом ланч, на все — два часа. Парни, вы готовы? — крикнул он Джей-Кею. Тот был полностью собран и ответил универсальным жестом ОК. Кевин махнул ему в ответ и повернулся к Маше:

— Плывите на ту сторону. Когда появятся лодки и туристы разойдутся по берегу, вылезайте из воды, как будто вы обычная туристка, вздумавшая искупаться, и ищите. Пещера сквозная, ребята Джей-Кея сейчас проложат конец.

— Надеюсь, я узнаю его...— с сомнением сказала Маша.

— Надеюсь, он и сам вас узнает. Дальнейшие действия помните?

Маша ответила универсальным жестом ОК и вытащила гидрокостюм и ласты.

— Не надевайте гидрокостюм, он привлечет внимание. В купальнике вы будете как все.

— Вода холодная! Градусов шестнадцать-семнадцать, не больше!

Кевин пожал плечами:

— Потерпите, надеюсь, это не займет много времени.

Ее немного раздражал приказной тон, но, как известно, погоны в первую очередь — в голове, а потом уж на плечах. И Кевин был прав, гидрокостюм явно ни к чему. Она сердито фыркнула, кувырнулась спиной с борта и поплыла к скале, из-за которой видна была бухта. Два «зодиака» пришвартовались у берега. Туристы рассыпались по каменистому берегу, некоторые начали раздеваться и полезли в воду, но сразу выскочили обратно. Остальные под руководством гида пошли вверх по узкой тропинке. На берегу осталось трое: двое крепких, хорошо сложенных парней высокого роста и еще один, высокий и худощавый. Лица было не различить, он надвинул бейсболку низко-низко и замотался в шейный платок почти до самых темных очков. Двое оглянулись и пошли по тропинке за остальными. Оставшийся в одиночестве мужчина повернулся, на солнце блеснули иссиня-черные длинные волосы, завязанные в хвост. Лицо показалось ей смутно знакомым — да впрочем, кто их разберет... Может, похож на известного актера? Говорят, что мы для китайцев тоже все на одно лицо. Впрочем, сейчас это неважно. Была не была! Она выбралась из укрытия, проплыла под водой метров двадцать и медленно, картинно вынырнула перед ним, подняв столб брызг. Тот от неожиданности вздрогнул. Но Маша улыбнулась, сдергивая маску, сказала по-английски:

— Я напугала вас? Простите!

Села на плоский прибрежный валун, повернулась спиной к сидящему, стянула ласты. Искося видела, что двое поднимались по тропинке, переговариваясь между собой. Несколько секунд сидела, чувствуя, как взгляд незнакомца скользит по ее татуировке. Потом развернулась. Он приподнял козырек бейсболки, чуть опустил платок с лица...

— Вы Ли Бэй?

Он вздрогнул и сделал шаг назад.

— У нас есть немного времени, пока остальные не вернуться. Выслушайте меня, прошу вас.

— Кто вы?

— Вы знаете, кто я. Меня называют Огненной Саламандрой. Вам нужно срочно уходить. Вместе со мной.

Солнце бликовало на тонких изломах камня, на дне вспыхивали мельчайшие кварцевые искорки, вода была настолько прозрачной,

что издали виден был темный зев в скале — вход в пещеру. Там ее ждал Джей-Кей со своими парнями. «Если начнет упрямиться, не трать время, затаскивай его в воду и тяни, сколько сможешь, к гроту, дальше твоя работа кончается...»

Ли Бэй выпрямился. Их разделяло несколько метров. Он расстегнул молнию на кармашке у воротника и сделал мгновенное движение пальцами:

— Я знаю, кто вы. И слышан о ваших удивительных способностях. Я обычный человек, причем не самый сильный и не самый храбрый. Но вы видите это, леди? — В одной рукой Ли Бэй держал очки, а во второй руке поблескивало на солнце что-то микроскопическое. — Это ампула. И мне хватит одной секунды, чтобы ее выпить.

Экшн развивался даже круче, чем следовало. И наследник Манчжурской династии умел держать удар.

— Не надо, — она сделала успокаивающий жест, — вам сейчас ничто не угрожает. Видите, я одна? Смотрите, у меня был только нож, и я снимаю его, — она отстегнула со щиколотки чехол с ножом и медленно положила на камни. — Поговорите со мной, пожалуйста! Уберите ампулу. Не бойтесь!

Ли Бэй убрал ампулу, застегнул молнию и выпрямился:

— Мэм, человеку, который держит в руках секрет бессмертия и ампулу с ядом, бояться нечего. А вот на вашем месте я бы был крайне осторожен. Те двое охраняют меня. Они из службы безопасности моей фирмы. Но я им не доверяю.

Два парня, стоявшие на гребне скалы, обернулись. Охранники не видели Машу за прибрежными валунами, солнце било им в глаза.

Ли Бэй помахал им рукой: все в порядке! — и обернулся к Маше.

— У вас пять минут.

Маша сделала к нему шаг, поскользнулась на мокром камне, и он протянул ей руку вполне царским жестом. «Кровь не обманешь».

— Итак, вы поняли, что российская сторона попросту воспользовалась частью моих идей?

— Конечно. Мне достаточно было прочесть о вас в интернете, чтобы это стало очевидно.

— Поймите: теперь я сам себе не принадлежу. Страховая компания, работающая с фирмой «Нано-вита», гоняется за мной по всему

миру. Да, мне удалось сбежать, но и в нашем государстве есть силы, не оставляющие меня в покое. Слишком большие деньги...— Ли Бэй шел вдоль берега, по-прежнему держась от нее на дистанции.— Мне кое-что известно об истории, в которую вы оказались втянуты три года назад. В отличие от многих других, я прекрасно знаю, каким оружием вы пользовались и какая сила поддерживала вас.— Он остановился и в упор разглядывал ее.

— Вы верите в мифы? — улыбалась Маша.

— Китай — страна с древними традициями. Моя родословная, по преданию, также восходит к роду Дракона.

— Любая правящая династия окружает себя мифами и легендами для оправдания своей власти, разве не так?

— Конечно. Если бы вы не верили в силу рода Дракона, то вряд ли бы смогли выполнить свою миссию во Вьетнаме и вернуться невредимой.

— Да, это так.

— Не скрою: наши конкуренты возлагают на вас большие надежды. Но хочу предупредить: на любую силу всегда найдется другая сила. Недавно я пригласил в службу безопасности нашего центра нового консультанта — это мой сводный брат по отцу. Родственные связи у нас много значат. Он большой мастер боевых искусств, специалист по старинному оружию. Много лет изучал разные стили, провел некоторое время в одном старом монастыре во Вьетнаме. Недавно снова побывал там у своего учителя. Сейчас моя фирма пригласила его для участия в переговорах в Москве.

— Именно он будет моим противником?

— Да. И у него будет оружие... такое же, как было у вас во Вьетнаме.

— Четвертый меч короля винь чун? Есть мнение, что он пропал! Что ваши военные пытались найти секрет сплава, но меч разрушился!

— Поверьте мне: это тот самый меч.

— Ваш сводный брат тоже принадлежит к роду Дракона?

— Вы сами задали вопросы и сами ответили на них,— пожал плечами Ли Бэй.

— Он ваш родственник. Он на вашей стороне. Я работаю на конкурентов. Зачем вы предупреждаете меня об опасности? Это не в ваших интересах.

— У всякого действия и явления есть две стороны. Когда неизвестный позвонил мне и предупредил, что я встречу вас на этом острове, я испугался, потому что моя анонимность является залогом моей безопасности и моей дальнейшей работы. Но потом я понял, что встреча неизбежна. И не смог отказаться от поездки, хотя и рисковал.

— Вас охраняют! Как особо ценный объект.

— И вы здесь наверняка не в одиночестве, потому что представляете ценность для своей стороны. Мы оба пока живы. Ваши партнеры рассчитывали захватить меня в плен. А мои партнеры будут рады захватить вас, — Ли Бэй повернулся и помахал рукой своему сопровождению. Те спускались по крутой тропинке. Слышно было, как сыплются вниз мелкие камешки. — Ваше время истекло, они возвращаются. Уходите! Я предупредил вас, этого достаточно.

— ОК, я уйду. Но вас в порту ждут те, кому вы должны. Хотите всю жизнь на них работать? Или откажетесь платить долги? Тогда вам точно потребуется ампула с ядом.

Лицо собеседника окаменело.

— Откуда вам это известно?

— Именно поэтому я решила перехватить вас на этом островке, до прихода корабля на Крит. Я здесь для того, чтобы предложить вам помощь и защиту.

— Чьи интересы вы представляете?

— В какой-то степени свои, — честно ответила Маша. — Я тоже в определенном смысле заложник...

— ...ваших уникальных способностей?

— Долго объяснять. Я должна вывести вас из игры, и я это сделаю. Вам гарантируют личную безопасность и возможность продолжать научную деятельность. Вы согласны? Если да, скажите это сейчас, еще минута, и я ничего не смогу для вас сделать.

Он нахлобучил кепку, отвернулся, буркнул:

— Похоже, у меня нет выбора. Кроме этого... — и он еще раз показал ампулу с ядом.

— Этот вариант от вас не уйдет. Да или нет?

Он кивнул. И убрал ампулу.

— Сейчас помашите своим охранникам, пусть не спешат, вы просто собираетесь искупаться. Отлично. Киньте мне нож. Спасибо. Плывайте за мной. С аквалангом умеете обращаться?

— Пробовал один раз, — Китаец неопределенно повел руками.

— Тогда положитесь на меня и плывите рядом.

Она влезла в ласты и поплыла впереди, стараясь как можно меньше высовываться на поверхность. Ли Бэй честно пыхтел за ней. Они завернули за ближайший выступ скалы, когда сзади раздались крики — наверно, охрана Ли Бэя заподозрила неладное.

— Я сейчас! — крикнула она перепуганному китайцу и нырнула к темневшему под водой входу в пещеру.

После ослепительно прозрачной бухты показалось, что там стоит полный мрак. Сильная рука Джей-Кея схватила ее. Американец светил фонарем прямо ей в лицо. «Где китаец?» — спросил он жестом. «Наверху», — показала Маша. Джей-Кей показал своему напарнику: «Подъем!» Но Маша судорожно замахала руками. «Почему?» — спросил Джей-Кей. Выпустить группу Джей-Кея наверх означало подвергать опасности и Ли Бэя, и аквалангистов. Объяснять жестами, что китайца сторожат два вооруженных бойца, а в потайном кармане у него лежит ампула с ядом, было бы крайне сложно. Маша не задумывалась ни на секунду. Она мгновенно отстегнула балисонг и взмахнула им перед ошеломленным Джей-Кеем. И, воспользовавшись его замешательством, вынырнула на поверхность.

— Держитесь за меня! — крикнула она китайцу. — Вдохните глубже. Раз, два, три...

И потащила его вниз. Джей-Кей поднимался навстречу и явно был готов оторвать ей голову. Но Маша толкнула в его объятия захлебывающегося китайца, который отчаянно брыкался. Джей-Кею пришлось держать его вдвоем с напарником. Маша всунула Ли Бэю в рот регулятор, нахлобучила маску, аквалангисты помогли ему очистить маску от воды, взяли под руки, потащили в пещеру... А в ее легких воздуха почти не осталось. Она вылетела на поверхность, чтобы вдохнуть, и с изумлением увидела вспенивающиеся следы и услышала щелчки: охрана Ли Бэя стреляла с берега. Китаец не блефовал. Пришлось ограничиться одним коротким вдохом и нырять вслед за аквалангистами.

В пещере было темно. Она нащупала тонкий трос, проложенный вдоль стены. Впереди в темноте смутно поблескивали баллоны и метался луч фонарика: аквалангисты держали Ли Бэя под руки с двух сторон. Ей никак было не протиснуться между ними, дышать было

нечем, объясняться жестами было некогда. Она оттолкнула напарника Джей-Кея, протиснулась между ним и стеной пещеры, обдирая спину о камни и изо всех сил удерживая диафрагмой последние капли воздуха в грудной клетке. Через несколько секунд вынырнула на поверхность, выдохнула и перевернулась на спину. Рядом раздался плеск — Кевин с катера кинул ей конец.

— Где мой брат? Все прошло удачно?

— Сейчас они поднимутся, и вы все услышите сами.

Рядом забулькали пузыри — группа поднималась на поверхность. Ее жестко взяли за предплечье.

— В чем дело, мэм? — в голосе Джей-Кея звучал металл, и Маша краем глаза заметила, что Кевин на палубе немедленно напрягся. — Вы ничего не перепутали?

— Я не могла объяснить жестами, что ситуация изменилась.

— Почему вы не перешли к плану В после начала переговоров?

— Он не отказывался от диалога. Но при этом у него в руках была ампула с ядом. И при любой агрессии он бы ею воспользовался. Зато он чувствовал себя абсолютно свободным и мог говорить все, что думает. Его охраняли двое вооруженных и хорошо обученных бойцов. Вода в бухте очень прозрачная. Они бы расстреляли группу с поверхности. Ли Бэй мог погибнуть.

— ОК,— подумав, пробормотал Джей-Кей. — Вы поступили правильно. Можно было обойтись без дешевых эффектов... — он кивнул на нож.

— У меня было слишком мало времени, чтобы тратить его на дискуссии.

— Все верно, Мэри,— произнес Кевин, протягивая ей руку и вытаскивая на борт. — Мой брат — сторонник протокола. А иногда проще достать нож, чем следовать правилам.

— Уступаю ему свою порцию ланча в виде компенсации,— отвечала Маша, клацая зубами. Она оделась, но озноб не проходил. Аквалангисты разбирали снаряжение на дайв-деке. Кевин подошел к ней и шепнул:

— Что вам удалось узнать?

— Переговоры в Москве состоятся. Китайцы достигли многого и рассчитывают на монополию в этой области. Ли Бэя охраняют. Он понял, кто я, и хотел меня предупредить.

— О чем?

— О том, кто будет моим противником на переговорах. Ли Бэй сам заложник своих научных открытий. И сам опасается последствий.

— Как вы полагаете, он пойдет на сотрудничество?

— Человек, который в любую секунду готов умереть, абсолютно свободен в своих поступках,— пожала плечами Маша,— впрочем, как и я...

Ли Бэй, нахохлившись, сидел на корме. Когда Маша подошла к нему, он взглянул на нее исподлобья:

— Вы не сказали, что работаете на американцев!

— Я не работаю на них. Я просто им помогала. С ними вы бы не стали разговаривать, а со мной согласились. И у меня не было времени на дискуссии. Зато теперь вы в надежных руках. У вас появится снова возможность работать. Вам дадут новое имя, будут охранять. Думаю, сейчас вы в большей безопасности, чем у себя на родине.

— Американцы! Они забирают все! Им плевать на весь мир! Я ведь хотел в первую очередь помочь своим близким. Вы не можете представить, как живут у нас обычные люди!

— Обычные люди везде живут одинаково. Неужели вы действительно верите в то, что сможете однажды победить смерть?

Ли Бэй глотнул из термоса чаю, задумался, потом заговорил спокойнее и тише:

— Моя мать умерла, когда мне было два года. Отец женился второй раз. По традиции наследников императорского рода воспитывают в строгости. Меня отправили к дальним родственникам в провинции Хунань, где был заповедник саламандр. Там я услышал легенды о саламандрах, об их уникальной способности к регенерации. Мечтал придумать лекарство, чтобы никто не умирал, в восемь лет читал институтские учебники по биологии. Я был тихим мальчиком из столицы, в очках, с вечной книжкой в руках, белая ворона. Понимаете, как ко мне относились? У меня нет родных братьев и сестер, некому было меня защитить. Только мой сводный брат Мо, которого присылали на каникулы, защищал меня от сверстников. Он казался мне туповатым, был младше на два года. Толстый, неуклюжий мальчик, мечтавший стать непобедимым воином, как герой Брюса Ли из фильма «Путь Дракона». Мо все время дрался, книжек не читал, двух слов не мог связать. Мне с ним

было ужасно скучно. Однако мы сдружились. Он увлекался ножами, мечами, читал пособия по кунг-фу, все время пытался с новыми железками. А я был занят учебой, рано стал помогать биологам в лаборатории. Однажды я услышал крики со двора. Под деревом сидел Мо, по его руке текла кровь, он терял сознание. Вероятно, махал очередным ножом и отхватил себе палец. Соседи кричали и охали, позвонили отцу, хотели ехать в местную больницу, но в ней не было нужных условий. Отец выслал за Мо машину из хорошей больницы для элиты. Но она находилась в двух часах езды. Надо было что-то сделать сейчас! Я сначала схватил отрубленный палец и сунул в лед, потом, как умел, обработал рану. Сделал Мо укол антибиотиков — я знал, где сотрудники лаборатории хранили шприцы с нужными лекарствами. Всегда есть риск пораниться и занести инфекцию, если ты работаешь с саламандрами. А потом я полез в лабораторный шкаф, где стояли образцы выделений саламандр, выбрал свежий образец и нанес часть на рану, а часть на отрубленный палец. И недолго думая, скрепил их между собой, поскольку мой брат был в забытьи и не мог возразить. Забинтовал и стал дожидаться приезда врачей.

Они были в ужасе от увиденного. Сказали, что у больного может случиться сепсис, что возможна ампутация, что мне самому надо отрубить руки за то, что я сделал. Увезли Мо в больницу. Отец ужасно кричал на меня по телефону, я думал, моя жизнь кончена. Оказалось, что отрубленный палец прижился! Остался шрам. Тогда я понял, над чем буду работать. Благодаря связям отца меня отправили учиться в Россию, там я защитился. Потом мне предложили вернуться и возглавить лабораторию в заповеднике. Я нашел Мо и не узнал его: его фигуре мог бы позавидовать Брюс Ли. Он стал спокойным и во взгляде появилось что-то особенное. Я впервые подумал, что у моего брата есть внутренний мир. К тому времени он дважды становился чемпионом Китая, преподавал в школе боевых искусств, объездил разные страны, постигая секреты у стариков. Но, поговорив с ним, я убедился, что Мо так и не повзрослел. Остался мальчиком, мечтающим о пути Дракона. Когда ситуация в моей фирме сильно осложнилась из-за долгов, мои партнеры настоятельно потребовали пригласить Мо в службу безопасности. Он серьезно отнесся к делу, изучил всю

информацию, потом посетил своего учителя в каком-то дальнем монастыре, вернулся оттуда, преисполненный сознания своего особого долга. Якобы учитель сказал ему: «Если Огненная Саламандра будет служить кому-то ради выгоды, своей или чужой, ее придется остановить. Нельзя нарушать равновесие в мире, нельзя давать шанс на продление жизни тем, кто этого не заслуживает. Есть вещи, которые никто не вправе изменить. Ты должен остановить Саламандру». Это все, что я смог выжать из Мо, когда он вернулся от своего учителя, вооруженный старинным мечом и напичканный очередной порцией мифов. Я не верю в мифы, я верю в анализы и структуру ДНК. Но мне бы не хотелось, чтобы Мо пострадал. Если вам придется встретиться с моим сводным братом, вспомните о том, что я вам рассказал. У меня нет семьи, я все время учился и потом был занят только наукой. Мо — моя единственная родня. Если то, что я знаю о вас, правда, у Мо нет шансов. Я убеждал его отказаться от этой миссии, но тщетно. Постарайтесь договориться между собой.

— Я попробую,— кивнула Маша,— хотя слабо верится, что ученик Зыюнга станет уклоняться от поединка.

— Откуда вы знаете его имя?

— Я однажды побывала в его школе. Есть такая поговорка: «Не мир тесен, а тропы узкие». Спасибо, что вы были со мной откровенны. Поверьте: вашему брату ничто не грозит. Меня больше никто не заставит делать то, чего я не хочу. Слово Саламандры!

Она взяла из рук Ли Бэя пустой термос и принесла ему новый. Тот благодарно кивнул и завернулся в ветровку по самые брови.

Маша присела рядом с Кевином:

— Надеюсь, вы меня не обманули? Это абсолютно мирный человек, «ботаник».

— Скоро мы встретим одну прогулочную яхту и передадим ценного пассажира на их борт. Всего пара часов — и он в самолете.

— Тогда, с вашего разрешения, я бы предпочла откланяться, на обратном пути подберете меня вот на том островке,— она ткнула пальцем в островок примерно в полукилометре.

— Почему?

— Мне лучше не знать дальнейших обстоятельств вашей прогулки.

— ОК! Тогда до встречи! Вас подбросить?

— Нет, спасибо, я пешком,— пробурчала Маша по-русски, надевая ласты и маску.— Меньше знаешь — лучше спишь. Эх, сигареты не во что завернуть...

Она кувыркнулась спиной за борт, сделала знак ОК и быстрым кролем пошла в сторону островка. Половина дела была сделана.

Через пару часов катер Джей-Кей забрал с островка замерзшую и голодную Машу. Больше всего ей хотелось курить, она с наслаждением дымила на корме, плюнув на все правила. И американцы безропотно это терпели.

— А где Кевин? — спросила Маша, обойдя обе палубы.

Джей-Кей подошел к ней:

— Кей-Кей вынужден был попрощаться заочно, обстоятельства вынудили его срочно улететь.

— Служба? Или семейные проблемы?

— Нет, мэм, что вы! Какая жена будет терпеть постоянно отсутствующего мужа, который никогда не говорит о причинах своего отсутствия? Эту проблему Кевин решил лет пятнадцать назад. Его бывшая жена переехала в Австралию, вышла замуж, сын взрослый. Он просил вам передать, чтобы вы не беспокоились за своих родных в Праге. Он лично проследит за тем, чтобы они были в безопасности,— Джей-Кей замялся.— Мой брат никогда не смешивает личные интересы со служебными. Поэтому он просил разрешения написать или позвонить вам.

— Конечно,— Маша написала электронный адрес и московский номер на листке бумаги.— Я с удовольствием пообщаюсь с ним, когда... когда все это кончится.

— У вас не осталось больше каких-нибудь нерешенных проблем на Крите?

— На Крите, пожалуй, нет. Осталось одно небольшое дело в Москве.

Американские подводники посадили ее в такси на портовой площади, зазывали на прощальный ужин, но Маша отказалась. Ей надоело разговаривать по-английски, слушать разговоры про подводное снаряжение и делать вид, что вокруг сплошные аквалангисты-любители и что она в это верит. Джей-Кей выдал ей визитку со своими координатами и обещал, что, когда бы она ни захотела понырять в хорошей компании, она всегда будет желанным гостем на борту его катера.

Она раскладывала на террасе ласты и гидрокостюм, а в голове не было ни одной стоящей мысли, кроме вопроса: придет еще Андрей или он улетел в Москву? Он снова мог исчезнуть, и она отлично это знала, но все рано пыталась понять: ей ждать или нет?

Когда зазвонил мобильник, она кинулась к нему опрометью.

— Ты там ничего не надумала? — раздался хриловатый баритон, — неужто ума за три года не прибавилось?

— Спасибо вам... Только ведь там у меня и работа, и родные.

— Понял, — Аполлинарьевич замолчал, потом пробурчал: — не говори потом, что я тебя не предупреждал.

— Не скажу!

— Когда завтра у тебя рейс?

— В три часа дня.

— В двенадцать заеду. Будь готова, терпеть не могу ждать, когда бабы собираются.

— Я думала такси заказать.

— В двенадцать буду, — повторил Аполлинарьевич и повесил трубку. Крут был Кирилла Петрович Троекуров...

Отпуск заканчивался. Пора бы подумать о работе. Она достала из чехла ножны, вынула меч.

— И что мы с тобой делать будем против китайца?

При первом взмахе меч ответил коротким свистом, потом голос его стал сильнее и увереннее. Ката стрелка... влево под сорок пять, вправо под сто тридцать пять... Странно: она стояла спиной к окну, но заметила силуэт на фоне неба. Круговой обзор? Нет, наверно, увидела тень... Она осторожно опустила оружие, но не убрала его.

— Войти можно? Или это опасно для жизни?

— Давно подсматриваешь?

— Недавно. Я любовался, а не подсматривал.

Андрей обнял ее. Минуту или больше они стояли, не двигаясь, просто прижавшись друг у другу. Потом он чуть отодвинулся и спросил, заглядывая в глаза:

— Ты можешь внятно объяснить, куда девался китайский гость? Их якудзы прочесали весь порт.

— Думаю, сейчас он далеко и в безопасности.

— А точнее?

— Точнее не скажу. Но его имя больше не прозвучит ни в каком контексте. Твои влиятельные структуры могут не беспокоиться: он не сможет ни на что повлиять. Если ему удастся действительно выдумать что-то стоящее, все сильные мира сего об этом узнают первыми. И тебя опять пошлют туда, не знаю куда, чтобы принести то, не знаю что.

— Ты сдала его американцам? Наши тебе этого не простят!

— Я никому никого не сдавала! Американские подводники пригласили меня понырять с ними за компанию, потом высадили меня на островке напротив входа в порт и отвалили на свои зачетные погружения. Да еще сигарет не оставили. На обратном пути меня забрали с островка. Все!

— Врешь неубедительно, но складно. С Олегом Сергеевичем сама будешь в Москве объясняться, где ты там каталась на катере и с кем.

— Он мне не начальник. С кем хочу, с тем катаюсь. Где хочу, там ныряю. Я в отпуске.

— Не спорю. Лично меня судьба китайского биолога больше не касается. Главное, что его не будет на переговорах в Москве ни с какой стороны. Что ж, будь по-твоему, Царевна-лягушка,— пробормотал Андрей,— одно обещание из двух ты выполнила, хотя и неожиданным образом. А что будешь делать со второй частью?

— А со второй частью все просто, Андрюша,— она впервые произнесла его имя таким образом и сама запнулась от неожиданности, но продолжила: — никакой Огненной Саламандры больше нет. Есть маленькая Дашка, которую ты поклялся охранять. И есть я — Маша Северцева, обычная тетка без всяких сверхъестественных способностей.

— В каком смысле?

— По возвращении из Вьетнама вся метафизика закончилась! Я давно стала такой же, как все. Если меня напугать, я заплачу. А если меня убивать — я умру. Меч, который ты видишь, сделал кузнец Миклашевский из подручной заготовки перед пожаром в мастерской.

Она увидела его изумленные глаза и добавила:

— Да-да, ты подставил меня по полной! И я отчаянно блефовала. Но у меня выбора не было. Я боялась за Дашку. Можешь не беспокоиться: кроме тебя об этом уж точно никто знать не будет! Теперь ты веришь, что я и второе обязательство выполню? Никто больше не

увидит Огненной Саламандры и не узнает ее настоящей силы.

— И ты все равно хочешь вернуться на переговоры и выйти на поединок с китайцем? Слово самурая?

— Это всего лишь показуха,— улыбалась Маша.— И ты не представляешь, кто будет моим соперником...

— Давай называть вещи своими именами: это самоубийство!

— Не надо утрировать. Может, все само собой рассосется.

— Зачем тебе это?

— Затем, чтобы от Дашки отстали раз и навсегда! Нет Саламандры, значит, я обычная женщина, следовательно, моя внучка — тоже обычная девочка. Теперь понятно?

Андрей кивнул. Сел, обхватив голову руками. А она выдохнула и вложила меч в ножны коротким отточенным движением, за которое ее похвалила бы даже непревзойденная Нгу Май, монахиня из Шаолиня.

глава 7

На этот раз обошлись без прощальных сцен. Жизнь показала: чем убедительнее ты прощаешься навсегда, тем больше шансов, что новая встреча не за горами. Андрею нужно было в аэропорт, его самолет улетал раньше, и летел он не один: Маша слышала, как он договаривался с кем-то о встрече у стойки регистрации. Она не стала ничего спрашивать: этот человек мог лгать так искренне, что нельзя было понять, делает ли он это по обязанности или просто от души. Он был лжецом, он работал неизвестно на кого, он обманывал ее много раз.

— Хоть на край света сбеги, все равно обратно придешь,— пробормотала она вслед отъезжавшему такси.— Есть сюжеты длиной в жизнь. Но нельзя идти вперед с головой, повернутой назад! — И пошла собираться.

В полдень Маша сидела на ступеньках у ворот виллы. Сначала раздался резкий визг тормозов и хруст гравия, потом она увидела сверкающий черный «бумер», выписывающий лихой вираж. Аполлинаревич остановил тачку в полуметре от ступенек.

— Готова, что ли?

Он был при параде: в светлом костюме сафари, шляпе — и, если не знать его бурной биографии, можно было подумать, что Машу провожает заслуженный деятель культуры и искусства.

Вопреки ожиданиям он свернул на развилке не в сторону Ираклиона, а куда-то вглубь острова. А в ответ на немой вопрос буркнул:

— Там через перевал есть дорога красивая. Да не бойся, не опоздаем! Кто тебя еще туда отвезет? Ее только местные знают, крюк в двадцать верст, а красотища... чем в аэропорту торчать.

Узкий серпантин резко уходил вверх, тяжелую заднеприводную машину закидывало в стороны, зато Аполлинарьевич ловил кайф от езды.

— Видишь, как мне тачку сделали? Он еще тысяч сто пятьдесят легко пройдет!

Маша привыкла к неожиданным выходкам старика и понимала, что тот по-своему хочет ее отвлечь. Когда они поднялись над долиной, Маша попросилась выйти из машины. Дорога была залита солнцем, свистел ветер в сухих травинках. Над асфальтом взлетали столбики пыли. Маленькие смерчи, закручиваясь, пролетали мимо и исчезали в изрезанных желтоватых скалах. Один из таких пыльных смерчей оказался выше, почти в человеческий рост, он прошел прямо перед носом, на секунду замер и рассыпался на глазах.

— Если бы я была древним греком, я бы точно подумала, что бог явился мне в облике этого смерча, чтобы о чем-то предупредить.

— Думаешь, это был Гермес быстроногий?

— Вряд ли. Выгоды я точно не жду.

— Может, Афина послала его? Предупредить хотела, чтобы ты вняла здравому смыслу и не возвращалась? Маня, у меня с собой новые ксивы: паспорт, банковская карта, водительские права. Если что — мы твой паспорт прямо тут в кустах сжигаем, и все! Пять минут — и ты свободный человек... а деньги потом отдашь. Или не отдашь.

Она пожала руку старика:

— Спасибо. К сожалению, не могу. Они меня шантажировали внучкой, я должна вернуться.

Аполлинарьевич покачал головой:

— Ладно, ты девка шустрая, выкрутишься. Поехали!

Вскоре дорога пошла вниз, охристые скалы стали покрываться сначала подлеском, потом густыми серебристыми зарослями. Вскоре пе-

ред ними засинело море, на дороге появились указатели на аэропорт. Через полчаса Аполлинарьевич вытащил сумки из багажника, угостил ее на прощание своей сигаретой и, попыхтев молча, произнес:

— Ну, если что, на каникулы приезжай с внуками. Надя рада будет. И нашим деткам компания не помешает.

Маша фыркнула: в устах Аполлинарьевича подобное приглашение звучало так же, как если бы во времена Троянской войны Менелай вдруг шепнул Парису: «Знаешь, я подумал: забирай себе эту стерву, мне холостая жизнь больше нравится...»

Она обняла старика и пошла внутрь, потом услышала резкий звук тормозов и обернулась — но увидела только черный сверкающий хвост «бумера». «Кажется, в наших отношениях начинается новый этап: отныне мы можем рассчитывать только друг на друга», — свистнула она на забытом языке мечу, надежно упакованному в двойной чехол. И пошла в зону паспортного контроля.

ЧАСТЬ V

*Если во что-то вовлечена женщина, я знаю,
что все будет хорошо. Мне совершенно ясно,
что женщины правят миром.*

ГАБРИЭЛЬ ГАРСИА МАРКЕС

глава 1

Москва встретила ее ярким закатным солнцем, растаявшими сугробами, весенней разношерстной толпой, где зимние куртки и сапоги перемешивались с майками и кроссовками. Подключив свою сим-карту, она нашла несколько пропущенных звонков от дочери, десятков вызовов от Эвальда Карловича и Александра Васильевича. В почтовом ящичке нашлось только одно стоящее сообщение: оно было от Кевина. Тот в сжатой форме излагал, что обе ее просьбы выполнены. Это означало, что китайский ученый в надежном месте, а за домом дочери в Праге ведется круглосуточное наблюдение. Кевин осторожно спрашивал ее о дальнейших планах. «Мне надо решить одну небольшую проблему, а после этого я смогу строить любые планы», — сдержанно отвечала Маша.

Проблема нарисовалась тут же: позвонил Штайн.

— Как вы провели свободное время?

— Немного развеялась.

— Вы ничего не делаете просто так, Мария. Я слышал, что вам удалось улучшить позиции своей фирмы и ослабить позиции конкурентов?

— Полно, это только слухи! Я плавала и загорала, а конкуренты сами вырыли себе яму неумной активностью! — ласково проворковала Маша.

— Кстати, — помолчав, произнес Штайн менее светским тоном, — переговоры перенесли на сутки, причем тормозит процесс фирма «Нано-вита». Какие-то проблемы с образцами продукции, вы бы поинтересовались. Мы честно выполняли обязательства по отношению к вашим родным, все в порядке. Насколько я знаю, у девочки был насморк, и два дня она провела не в детском саду, а дома с няней. На машине сына ночью кто-то снес зеркало, больше происшествий не было.

— Спасибо за заботу.

Маша швырнула телефон на диван: они по-прежнему не оставляли Дашку без наблюдения ни на минуту. Но за-

думываться было некогда, потому что позвонил Александр Васильевич и закудаhtал: да вы уехали так внезапно, да надо было нам сказать, что у вас проблемы, мы бы с вас пылинки сдували...

— В следующий раз я непременно так и поступлю,— пообещала Маша.

— Только мы место проведения переговоров изменили, уж не стали вас дергать по такой ерунде. Решили из центра перенести в хороший новый гольф-клуб возле МКАДа. Прекрасные условия, частный отель для гостей, территория обширная. Там, кстати, как раз сейчас проводится турнир по всяким восточным единоборствам, это нам на руку. Я вам скинул все на мыло.

— ОК, я посмотрю.

— И еще мы сдвинули на сутки все мероприятие.

— Что-то серьезное?

— Нет, пустяки. Не берите в голову, голубушка, можете еще целый день отдыхать и готовиться. Пожалуйста, посмотрите тезисы для презентации.

Она открыла письмо: название гольф-клуба показалось знакомым. Именно об этом клубе шла речь в приглашении на турнир, от которого отговаривал ее сэнсей Марат. Отлично, значит, у нас будут еще и зрители. На миру и смерть красна, как говорится.

Равнодушно пробежала глазами присланные ей документы: в плане отведено два часа на отдых и развлекательную часть — турнир по фехтованию на восточных мечах. Для гостей были зарезервированы места в VIP-зоне. И указано было время поединков — примерно 16 часов. Если это открытая площадка, то важно будет выбрать нужную позицию, чтобы солнце не било в глаза, а если закрытое помещение... Неужели они такие идиоты, что рискнут наблюдать за поединком в закрытом помещении? Вероятно, им не представили полную информацию о событиях трехлетней давности во Вьетнаме.

«Можно узнать, на что ты надеешься?» — ядовито осведомился внутренний голос. «Понятия не имею»,— ответила Маша весело. Ей вообще почему-то было очень легко и весело с того момента, как она села в самолет. Как будто прошлое отпустило ее. Главное было не задумываться. Рефлексия — дело непродуктивное. А вот почему «Нано-вита» переговоры на сутки откладывает? И Штайн туманно намекал на «проблемы с образцами».

Ей позвонила дочь, с некоторым подозрением расспросила о неожиданном отпуске. Фамильная интуиция. Ничего выведать не смогла и вскоре распрощалась: дела. Потом Маша поговорила с сыном, ему тоже было некогда. Хочешь поболтать с детьми— а у них своя жизнь. А у нее?.. У нее меч нечищенный. Она вынула бутылочку с гвоздичным маслом и углубилась в процесс. Ее отвлек звонок Алексея.

— Вы вернулись? Надо поговорить. Лично.

Цепной пес Штайна был немногословен, но, судя по тону, чем-то взволнован.

— Давайте приезжайте,— неожиданно сказала Маша,— адрес-то знаете. Кормить не буду, холодильник после отпуска пустой, а кофе налью.

Он действительно приехал через час, долго запихивал свой джип в маленький дворик, потом тщательно осматривал бампер, не поцарапал ли. Эти бывшие вояки иной раз бывают такими занудами.

— Да вы не стесняйтесь,— Маша демонстративно повернулась к нему спиной, возясь с джезвой.

Тот мялся и никак не мог приступить к делу. Денег, что ли, хочет предложить? Или сдать кого-то?

— Дело в следующем,— наконец выдавил он из себя,— я принес вам схему гольф-клуба.

Выложил на стол лист, на котором с максимальным разрешением была выведена распечатка из Google. Там действительно было видно все, вплоть до урн и количества окурков в них. Она пожала плечами:

— Спасибо, я сама собиралась посмотреть план в интернете, не стоило ради этого приезжать.

— Смотрите. Вот VIP-зона, здесь будут сидеть все гости. Открытая площадка. Солнце в четыре часа будет светить отсюда, значит, чтобы занять более выигрышную позицию, вам надо будет постараться оказаться спиной к випам. А дальше вы можете переместиться сюда, площадка позволяет, тут никому ничего не будет видно. Я буду здесь, над боковой трибуной, в люке для кондиционеров. Мне будет все хорошо видно, если потребуется помощь, дайте знать. Какой-нибудь жест: например, поправьте волосы два раза подряд.

— Зачем?

— Если ситуация будет неоднозначно развиваться, у меня есть указание помочь.

— Каким образом?

Он смотрел сквозь нее:

— Неважно. Поставлена задача, чтобы вы победили.

— Слышь, мужик, ты сдурел совсем? Ты вообще слышал, кто мой противник? Это один из ведущих мастеров фехтования в Китае, он учился этому всю жизнь! Ты вообще знаешь, что бывают честные поединки? Слышал? Может, в книжке читал в детстве? А ты вообще знаешь, кто я и что я умею? Тебе объясняли? Не боишься мне такие предложения делать?

Он моргнул и спокойно ответил:

— Нет. Мне было дано указание: предложить помощь. Вы отказались. Если понадобится, я ее окажу и без вашего согласия. Слишком многое зависит для нашей фирмы от результата переговоров, мы не можем положиться на какую-то мистику. И не забывайте, что у нас существует жесткая договоренность: вы выполняете свои обязательства, а мы — свои. Повторю на всякий случай: поправить волосы два раза подряд. И не надо стесняться, жить всем хочется, в этом нет ничего стыдного. Особенно когда есть близкие люди, о которых мы беспокоимся.

Тут у него зазвонил мобильный, он коротко поговорил, сослался на занятость и ушел, оставив Машу в состоянии тихого бешенства.

«А ведь ты бесишься, потому что соблазн и впрямь очень велик», — пропел масляным голосом невидимый собеседник. «Да. Но это нечестно». — «А честно выдавать себя за того, кем ты больше не являешься? Одна ложь порождает другую. И в этом нагромождении уже невозможно отличить, кто солгал первым и почему. Но всегда найдется дурачок, которого больше всех мучит совесть, и он-то всю кашу и расхлебывает».

Она еще раз посмотрела на план. Ни за что не пойдет в ту сторону, куда просил Алексей. А вот за участком поля, который отведен под турнир, шли кусты, за ними забор, бочки, доски, мусор, наверняка закрытые или камуфляжной сеткой, или завешенные рекламными щитами. После зимы не убрали толком, свалили как попало. Вот в эти мутные задворки и надо переместиться, да побыстрее. Может, удастся вообще смыться? Ей нужно будет пару минут обороняться, а потом очень агрессивно контратаковать. Все не предугадаешь. Она взмахнула мечом, прислушалась к свисту.

— Как думаешь, выкрутимся? Мы с тобой — одной крови! Кстати о твоём происхождении: неплохо бы выяснить, как поживает твой благородный родитель.

И набрала номер оружейника Миклашевского.

глава 2

Утром ей пришлось ехать на другой конец Москвы. Оружейника перевели из «Склифа» в районную больницу. Миклашевский выглядел еще неважно, ожоги заживали, но он хромал и кривился при каждом движении.

— Оказывается, у меня два ребра было сломано при падении с лестницы, и одно из них проткнуло легкое.

Маша принесла с собой печенье и фрукты, быстро соорудила чай. С трудом разгребла на больничной тумбочке место, чтобы поставить два стакана. Федор Алексеевич не выдержал и пяти минут светской беседы.

— Не томите: меч выдержал испытания?

— Еще нет. Завтра.

— Но вы готовы?

— Думаю, да.

И за что вы будете сражаться? Под каким флагом и за чью честь?

Вопрос был задан самым шутивным тоном, но привел Машу в полное замешательство.

— Долго объяснять...

— Так не бывает, моя дорогая! На любой простой вопрос есть простой ответ. Если вы не знаете, на чьей стороне воюете, никакой меч вам не поможет.

— Федор Алексеевич! Почему вы считаете себя вправе задавать мне подобные вопросы? Вам платят деньги за вашу работу, мне — за мою.

— Раз вы обиделись, значит, сами понимаете, что я прав.

— Вам лично доводилось хоть раз сражаться за кого-то или за что-то? — огрызнулась воинственно настроенная Маша.

Кузнец растерянно заморгал, потом тихо ответил:

— Да, я один раз пытался сражаться с системой. Когда Лиза вернулась из экспедиции, мне не называли диагноз и не разрешали

привлекать других врачей. Пока я воевал с ветряными мельницами в лице Минобороны и спецотдела, Лизы не стало. Я проиграл свое сражение. Враг не имел конкретного воплощения, сама система сопротивлялась мне и убила Лизу. Если мы с вами выйдем на лестницу, где можно курить, я расскажу подробнее.

Маша помогла ему дойти до курилки, Миклашевский прислонился к подоконнику, набил трубку, пыхнул два раза, заговорил более спокойно. И по его размеренной интонации Маша поняла, что он рассказывал это тысячу раз, самому себе, до тех пор пока эмоции не превратились просто в слова.

— Лиза была талантливым биологом, очень рано защитилась, делала блестящую карьеру. Ее переманили из академического института в закрытый, обещали больше денег, свою лабораторию и полную самостоятельность. На деле все оказалось несколько иначе: руководители в погонах, сплошные допуски, бесконечные отчеты с грифом «секретно», вмешательство людей, которые ничего не понимали в науке... Потом начался всеобщий развал, зарплата превратилась в резаную бумагу, а оборонные предприятия стали производить по конверсии кастрюли и массажеры. И вот тогда в Лизинем институте появился некий персонаж. Не обычный проходимец, нет,— доктор наук, тоже работавший в системе оборонных закрытых НИИ. Он предложил съездить на Дальний Восток, взять образцы, изучить народные средства и природные аномалии. По крайней мере, так объясняла сама Лиза. Они должны были выполнить свою часть работы и получить очень приличную сумму. Приглашали троих, но решили ехать только Лизе. У нее был допуск максимального уровня секретности. А это был заказ от высших эшелонов ВПК. Она должна была вернуться через месяц, но не вернулась. Я стал звонить ее коллегам, те ничего не знали. «Институт режимный, информация закрытая, ждите, вам сообщат». Еще через месяц мне позвонили из закрытого военного госпиталя и сказали: ваша жена в карантинном блоке, состояние тяжелое, вас туда не пустят. Я требовал назвать диагноз, пытался узнать адрес госпиталя,— бесполезно. «Информация закрытая, вам сообщат».

У меня лежало дома пять тысяч долларов — по тем временам, огромная сумма. Я хотел вывезти Лизу в Германию, в клинику, где работал мой школьный друг. Но ее бы никто не выпустил из каран-

тинного блока, особенно с секретным диагнозом. Тогда я впервые обратился за помощью к одному из своих клиентов, работавших на Лубянке. Тот навел справки, через несколько дней перезвонил, назвал фамилию и имя человека, который курировал секретную программу Лизиного института. Назовем его НН. Сказал, что НН — человек вполне современный. То есть берет, причем много. Я позвонил, попросил разрешения хотя бы увидеть жену. НН всячески отнекивался, ссылаясь на режим и допуск. Я не мог заплатить ему, берег деньги для лечения в Германии. Но обещал отдать самый дорогой меч из своей коллекции — один из знаменитых мечей Японии, с клеймом XVI века, контрабандой вывезенный оттуда еще в годы Первой мировой войны. НН был не дурак и согласился. Назначил мне встречу на «Тушинской», я ждал его возле жуткого оптового рынка — помните рынки тех времен? НН приехал на черной «Волге», я кинул в его багажник национальную реликвию Японии, завернутую в два слоя мешковины. Мы оказались в очень странном месте недалеко от Москвы. На воротах болталась синяя табличка с названием секретного НИИ. Помните, все «ящики» раньше носили красивые поэтические имена? Этот назывался именем какой-то звезды. НН попросил меня подождать и исчез за шлагбаумом. Я готов был отдать не только меч великого японского мастера, но и все что угодно, лишь бы увидеть Лизу еще раз. Потом НН вышел, вынес мне грязно-желтый лабораторный халат, охранник открыл дверь. Мы прошли мимо длинного серого бетонного ангара, за ним был старый кирпичный цех. Сбоку — железная дверь. НН постучал в нее, нам открыл человек в маске биозащиты, выдал мне такую же. Я ждал НН, но он замахал руками: чур меня, дальше идите сами. Я спустился за провожатым в подземный коридор, внизу было три этажа, на каждом свой пост охраны. Я подумал: если даже в эпоху всеобщего развала это место так тщательно охраняется, какие же демоны прячутся в этом подземелье? Но мне не было страшно. Мне было все равно. Я хотел увидеть Лизу.

На одном из этажей нас пропустили внутрь. Меня подвели к окошку. Небольшое помещение, кругом кафель, грязный синеватый свет, какие-то огромные трубы — вероятно, мощная вытяжка. На столе лежало что-то серое, маленькое, не поймешь — то ли животное, то ли кусок высушенного дерева. Мой провожатый ткнул пальцем в стекло. Я сначала не понял, что он имеет в виду. Тогда он еще раз ткнул

пальцем, в бумажку на опечатанной двери, я прочел: «Миклашевская Е. И.». Буквы и числа. И потом — две даты. Сопровождающий ткнул мне пальцем в дату на бумажке и жестами объяснил, что позавчера Лизы не стало. Я попытался жестами объяснить, что хочу зайти туда, но это было бесполезно. Меня повели наверх. НН ждал у железной двери.

— Видели? — спросил он, глядя в сторону.

— Да, спасибо,— машинально ответил я, как будто шла речь о чем-то совершенно обычном.— Когда я смогу забрать тело?

— Помилуйте, голубчик, тело вам никто не отдаст. Диагноз неизвестен, только кремация в условиях секретности. Чтобы потом получить урну, предъявите этот документ.

Он дал мне заполненный подслеповатый бланк, дал еще какие-то инструкции, потом подошел к воротам и пробурчал:

— Я не смогу отвезти вас обратно. Всего хорошего. Там подальше есть остановка, ходит автобус, он довезет вас обратно до метро.

— Спасибо,— ответил я машинально и поплелся к остановке.

Через какое-то время мне выдали урну с прахом. Пока я ждал, разглядывал бумажку: Лизины инициалы, потом «Обр. № такой-то, сектор С, два нуля...» Два нуля — это все, чем отблагодарила родина мою жену.

Миклашевский еще раз расковырял трубку, снова набил ее, но так и не поджег. Заговорил снова, глядя в сторону:

— Помните нашу мемуарную историю «Аум Сенрике»? Некоторые деятели ВПК сделали себе состояния на продаже зарина руководителям этой секты в 90-е годы. Фамилия человека, который уговорил Лизу и ее лабораторию заняться этим странным заказом, Пивоваров. И его фамилия однажды всплыла в статье об этой секте, но так, между делом. Я пытался найти его следы, безрезультатно. Никто не знает, откуда он взялся и куда делся потом. Я теперь понимаю, что речь шла о неудачной разработке нового вида биологического оружия. Оно и убило Лизу.

Кузнец выколотил трубку и вздрогнул:

— Я не знаю, зачем рассказал вам об этом. Ей-богу, случайно вышло... Простите.

— Нет ничего случайного в этом мире, Федор Алексеевич. Вы случайно не помните, что еще было написано на табличке того НИИ?

Может быть, вы вспомните название? Может быть, оно было написано на том бланке, по которому вам выдали урну?

— Это важно? — опешил кузнец.

— Я не уверена... Постарайтесь вспомнить! Ну не сейчас, так потом, ладно?

— Не помню... — кузнец покачал головой. — Я был в каком-то трансе. Помню только две буквы «и» в названии: одна ровная, а вторая — кривая, с облупленной средней черточкой... Что все-таки вы хотите узнать, Маша?

— Мне пора, — пробормотала Маша. — Я попытаюсь понять, за что я все-таки воюю. А вы попытайтесь вспомнить название НИИ. Выздоровливайте!

Она проводила кузнеца в палату. Миклашевский пожелал ей удачи и обещал позвонить. Маша плюхнулась в машину, закурила. И тут в водительское стекло постучали.

— Мария! Какая встреча! — радостно воскликнул знакомый голос. — Как вы загорели! Прекрасно выглядите! Найдется пять минут?

Пальчу не удалось долго рассыпаться в комплиментах, Маша прервала этот поток:

— Олег Сергеевич, вряд ли вы случайно здесь прогуливались?

— Нет, конечно. Не скрою, мы поставили у больницы наружное наблюдение, поскольку китайские конкуренты ваших заказчиков — люди серьезные, за ними лучше бы приглядывать, по крайней мере на нашей территории. Но оказалось, что кроме вас, Миклашевский никому не интересен. Зато нам с вами надо потолковать.

— Давайте где-нибудь перекусим, я вчера вернулась, дома ни крошки... — она вспомнила приход Алексея: — ...да еще какие-то люди с глупыми предложениями ходят...

— Что за люди? — напрягся Пальч.

— Не берите в голову, не по вашей части! — усмехнулась Маша. — Раз у вас тут «наружка» целыми днями стоит, они, наверно, знают, где поесть можно?

Пальч приосанился и повел ее в «Шоколадницу».

— У ваших заказчиков, — начал он многозначительно, — начались проблемы. Похоже, их научные изыскания идут не так, как хотелось бы. Более того, речь идет о целой партии бракованных образцов, которую они хотят уничтожить, не дожидаясь перегово-

ров, чтобы не допустить утечки информации. Китайская сторона же, напротив, хочет тайком заполучить неудачные образцы их продукции. Всегда приятно убедиться, что конкурента постигла неудача, не правда ли? Мы не знаем, о чем идет речь, но хотели попросить вас выяснить.

— То есть вы нагло меня хотите использовать в своих целях? А что я с этого буду иметь?

— Позвольте вам напомнить, что у вас по-прежнему нет допуска к работе с генератором, и что формально вас можно в любой момент задержать...

— ...остановить всеми возможными способами... Где-то я уже это слышала,— пробормотала Маша.— Давайте заключим сделку: я узнаю, что за беда приключилась у моих заказчиков, а вы закроете глаза на возможное несанкционированное применение генератора без допуска?

— Вы хотите сказать, что у вас есть новый генератор? — Палыч перестал кушать блинчики с семгой.

— Я сказала то, что хотела. Если образцы существуют, вы их получите. Но тогда не мешайте мне в моих частных разборках.

— То есть, вы хотите...

— Я хочу карт-бланш на любые свои действия, с генератором или без него.

— Мария, вы не в том положении, чтобы требовать.

— Я частное лицо! Я делаю свою работу, выполняю контракт, органирую заказчикам презентацию и переговоры. Вы обращаетесь ко мне — частному лицу с просьбой. Так кто из нас в каком положении? По-моему, я сверху! — рывкнула Маша, подавшись вперед. И с изумлением заметила, что Палыч отшатнулся. «Да он меня боится...»

— Ладно, не горячитесь,— примирительно буркнул Палыч,— в конце концов ваши частные дела меня не касаются. Нас интересует только информация об образцах продукции.

— А еще вы узнаете, в каком институте работала покойная жена Миклашевского и при каких обстоятельствах она умерла. И что за персонаж некий Пивоваров?

Палыч опешил:

— Зачем вам это?

— Долго объяснять, просто узнайте и все. Интуиция.

— Интуиция? Да, она вам присуща. И я не раз имел возможность в этом убедиться,— он полез во внутренний карман куртки, достал сложенный вчетверо листочек.— В нашу прошлую встречу вы просили дополнительные сведения о корпорации «Иммортел» и НПО «Андриас». Забавные вещи выяснились. Не буду утомлять подробностями, но кое-что вас заинтересует. У корпорации «Иммортел» есть дочерняя фирма в Китае, еще они владеют контрольным пакетом акций одноименной страховой компании. И вот как раз в списке совета директоров этой страховой компании имеется некий Пивоваров П. А.

— Быть может, это совпадение? Пивоваровых, знаете, сколько?

— Много. Но человек с такой фамилией много лет находится в международном розыске по делу секты «Аум Сенрике»...

— Олег Сергеевич! Давайте договоримся: я делаю свою работу. «Аум Сенрике» не имеет ко мне никакого отношения. Равно как поджог рейхстага и битва при Фермопилах.

— Ну-ну,— примирительно буркнул Палыч,— я ж без всякой задней мысли, у вас своих забот хватает. Но если вдруг вам попадется эта фамилия в интересующем нас контексте...

— ...я снесу башку любому, кто откликнется на эту фамилию, не правда ли?

Палыч развел руками:

— С вами невозможно работать! Ох, уж эта мне творческая интеллигенция...

Маша еле отделалась от собеседника и поспешила домой. Она собралась вынуть вещи из сумки, лежавшей в углу после прилета, когда ее застал звонок Александра Васильевича.

— Мария Владимировна, голубушка! Не хотел вас беспокоить, но не могли бы вы в офис подъехать? Мы можем прислать за вами машину.— Голос у клиента был весьма озабоченный.

— Нет уж, спасибо, я сама.

По пустякам накануне переговоров ее дергать не будут, видно, у «Нано-виты» и впрямь серьезные проблемы. Но ей обязательно нужно было проверить одну вещь. Она открыла почту и нашла старое письмо от Александра Васильевича, в котором он предоставлял ей официальную информацию о фирме «Нано-вита». И нашла статью из дальневосточной газеты. Прошло немного времени с тех пор, как

она впервые узнала о существовании фирмы «Нано-вита», а автор статьи заплатил жизнью за маленькое журналистское расследование. В обоих текстах упоминался российский научный руководитель Ли Бэя — Пивоваров П. А.

Нет ничего случайного под этим небом. Миклашевский, сам того не зная, подкинул ей последние элементы паззла. Теперь она знала, что за человек руководит страховой компанией «Иммортел». Штайн был прав: это особая категория людей. В 90-х им ничего не стоило продать зарин выродкам, которые залили им станцию метро. Теперь они запросто могут залить полпланеты неизвестным видом бактериологического оружия, а потом за милую душу продать всем «вакцину бессмертия». И третья сила, на стороне которой играет Андрей, не случайно кинула ее в самое пекло: здесь нужны нестандартные методы... Методы и сила Огненной Саламандры... Где они? В очередной раз Маша стиснула кулаки от ярости и бессилия. Что поделаться... Как говорится в любимом фильме про войну, «арфы нет — возьмите бубен». С этими словами она завернула в чехол самопальный меч.

На всякий случай кинула в сумку деловой брючный костюм для переговоров и туфли, подумала и добавила черный комбинезон с драконом и кроссовки — на всякий случай. «Кажется, нам пора провериться, — сказала она мечу, упрятанному в темно-синий матерчатый чехол. — А согласишься, что жить стало если не лучше, то явно веселее! По крайней мере, я смогу ответить Миклашевскому, за что мы с тобой воюем: за мою Дашу и за его Лизу!» И свистнула мечу еще что-то очень личное, на языке, понятном только им обоим.

глава 3

По дороге ей позвонил Штайн.
— Ситуация осложняется, я прошу вас быть как можно внимательнее и осторожнее. Не исключено, что китайская сторона попытается пойти на конфликт, не дожидаясь завтрашних переговоров. Что бы вам ни предлагали ваши клиенты из «Нано-виты», помните о том, что главное — это ваша безопасность. Еще раз подчеркиваю: ваша жизнь — это цена вашего контракта.

— Вы предлагаете мне спрятаться в чулане?

— Я предлагаю вам не забывать о том, что возле подъезда вашей внучки стоит круглосуточная охрана. Наш общий знакомый будет неподалеку и позаботится о том, чтобы все прошло гладко, но и вы должны помнить о своих обязательствах.

Маша нажала «отбой» и выругалась. В переводе на русский это означало: «Не рыпайся и делай что говорят, если надо, снесешь башку кому угодно. А если что пойдет не так, на тебя всегда найдется снайпер, а мы займемся Дашкой».

Она сворачивала с Новой Риги на проселок, когда позвонил Палыч:

— Маша, я кое-что узнал. Вы оказались правы. Это именно тот человек. Нас тем более интересует, какие образцы продукции тщательно скрывают ваши друзья.

— А вам-то что за дело до их продукции?

Палыч соврал, что связь плохая, и обещал перезвонить. Интересно, что нужно ведомству Палыча от «Нано-виты»? Неужели они действительно хотят найти одного из организаторов теракта в Японии? Деятели ВПК, которые на этом срубили максимальное бабло, сгинули, оставшись безнаказанными. Их не слишком усердно искали. Есть другая сторона. «Деньги — нерв войны», — говорил Цицерон. Контора Палыча тоже заинтересована в успехе страховой компании «Лотос», потому что им обещали с этого приличный откат. Андрей говорил, что у него самого есть доля в небольшой фирме, аффилированной с компанией Штайна. Почему она опять вспомнила Андрея?

Раздался еще один звонок. Надо было отключить мобильник, чтобы не отвлекали. Номер не определился.

— Маша! Это я!

— Андрей? Ты? — она растерялась и от неожиданности затормозила на обочине. — Ты откуда?

— Я не в Москве. Я по «Скайпу». Слушай внимательно! Ты была права. На днях в одной лондонской газете появится статья о фирме, которая тебя хорошо известна. О том, как одна страховая компания поставляла им материал для экспериментов...

— Материал? Какой материал?

— Какой? Живой материал, блин! — заорал Андрей в трубку. — Иммигранты-нелегалы! Людям обещали огромные страховые выплаты и потом ничего не возвращали. А тех, у кого документы не в по-

рядке, вообще не досчитались. Эту статью немедленно перепечатают у нас. Им конец, слышишь?

— Кого у нас волнует, что написано в британских газетах?

— Несколько пострадавших выжили и обратились с судебными исками, причем не в наш суд, а в Международный трибунал. Преступления против человечества. Нашим такая головная боль ни к чему. Осталось меньше суток, и карточный домик развалится. Не ходи туда! Сваливай по-быстрому. Под любым предлогом! Я сейчас вообще не в России, как раз по этому делу пришлось уехать. А то бы я тебя под замок посадил, пока все не кончится. Придумай глупость какую-нибудь: скажи, дома утюг забыла выключить! Это всегда действует! Баба на то и баба, что дура.

— Но сегодня еще все может случиться, понимаешь? И я кое-что узнала о действующих лицах. Это очень страшные люди. Штайн был прав. Я не могу рисковать. Дашка все еще под наблюдением.

— Да возле их подъезда очередь из наблюдателей! Ничего не будет!

— Я подумаю. Спасибо!

— Хватит думать, трясти надо! — заорал Андрей. — Маша, не заигрывайся в эти восточные игры, я хочу тебя видеть живой и здоровой. Я очень хочу тебя видеть! И я тебя больше никуда не отпущу, слышишь?

— Взял бы да остался в Москве, чтобы меня охранять! — перебила его Маша. — Или хотя бы сумку мне донес тяжелую... с мечом-то... Ладно, спасибо, что предупредил! — и нажала отбой.

Хватит доверять тем, кому доверять нельзя! Наверно, Андрей был прав. Но Аполлинарьевич сказал: «Послушай его и сделай наоборот». Слишком много людей за последние полчаса давало ей самые противоречивые советы и указания. И есть еще Дашка, и снайперы из службы безопасности Штайна. А еще есть мифический боец Мо — сводный брат Ли Бэя. Он-то вообще ни при чем, но Алексей прострелит ему башку и глазом не моргнет. Конечно, Мо — это последний человек, о котором ей следовало бы беспокоиться. Она в глаза его не видела, вдобавок Мо собирается ее убить. Но она дала слово Ли Бэю! Слово Саламандры. Слово — такая опасная вещь, неизвестно, что хуже: пообещать что-то сдуру или нарушить обещание. Она швырнула телефон в сумку: больше никаких разговоров. «Слово Саламандры» нынче стоит очень дорого.

Мобильник напоследок жалобно хрюкнул пришедшей эсэмэской. Читать ее было уже некогда.

— Мария, обстоятельства слегка изменились,— Эвальд Карлович старался не смотреть на нее, переглядываясь с Александром Васильевичем.— Мы вынуждены попросить вас выйти за рамки обязательств, указанных в контракте, и взглянуть на ситуацию несколько шире.

— То есть? Мы будем драться не на мечах, а на сковородках?

Александр Васильевич ухмыльнулся, а Эвальда перекосило:

— Хотелось бы, чтобы вы максимально серьезно отнеслись к нашей просьбе. Дело в следующем: в любой научной деятельности бывают удачи и неудачи. Как раз недавно одна опытная партия образцов нашей продукции оказалась неудачной. Мы не успели утилизировать ее, об этом узнали конкуренты. Они хотят получить эти неудачные образцы именно накануне переговоров. Как вы понимаете, это не в наших интересах. Мы не должны допустить, чтобы что-то попало в руки наших китайских конкурентов. Как известно, они настроены крайне решительно и привыкли к несколько иной модели ведения бизнеса. Они могут попытаться завладеть этими образцами. Более того, стало известно, что ваш завтрашний противник также может принять участие в попытке захвата этих образцов. Он крайне опытный человек и вполне вероятно, что вам придется встретиться с ним прямо сегодня. Если вы сможете закрыть этот вопрос, завтрашние переговоры могут стать простой формальностью. Преимущество нашей фирмы не будет ни у кого вызывать сомнений. Вы будете являться тому живым свидетельством. И более того, ваше присутствие на переговорах будет носить совершенно формальный безобидный характер. Рассчитываем на то, что вы проявите понимание... и материальную заинтересованность. Финансовые вопросы мы могли бы решить по завершении этой маленькой операции. Если вы, конечно, согласитесь на наше новое предложение.

— То есть китайцы сегодня попытаются выкрасть неудачные образцы? И я должна с ними разделаться? Вместо красивого показательного боя на поле дорогого гольф-клуба — ночная разборка на помойке? А у меня кимоно с драконом... красивое такое, специально покупала... — Маша изо всех сил «включала блондинку».

Александр Васильевич укоризненно покачал головой:

— Голубушка, ну право, давайте обсудим ваши условия.

А Эвальд произнес сквозь зубы:

— Цена удваивается.

— Да бросьте вы из себя Аль-Капоне строить, лучше объясните русским языком, что вам нужно, — примирительно сказала Маша. — Я тут никому безобразничать не позволю, хоть китайцам, хоть кому! Только давайте без всяких расовых предрассудков!

Александр Васильевич вздохнул с облегчением, а Эвальд сел на край офисного дивана:

— Две наши машины должна вывезти партию неудачных образцов для утилизации, вы пойдете в группе сопровождения.

— Там будет ваша охрана? — с пренебрежением спросила Маша. — Три отставника и два инвалида русско-японской войны?

Эвальд покачал головой:

— Нет, мы специально попросили выделить группу сопровождения из службы безопасности страховой компании «Лотос». Это компания с солидной международной репутацией. У них достаточно опыта перевозки ценных грузов. И люди все проверенные. Не беспокойтесь. Если кто-то попытается похитить образцы, вы его остановите. Не стесняясь в средствах и методах. Ваши методы нам известны.

Маша попросила разрешения выйти в курилку, затянулась и задумалась: еще один человек дает ей карт-бланш на применение необыкновенных свойств... которыми она более не владеет. А иначе-то никак не справиться...

Она вытащила из сумки телефон. Ах да, сообщение. Эсэмэска от Миклашевского. Одно слово: «Сириус». Маша пожала плечами и переправила его Палычу с вопросом: «Как теперь называется этот институт?» В курилку за ней прибежала секретарша:

— Мария, пришел руководитель нашей службы безопасности, хочет обсудить детали. Сдать пост, так сказать.

В кабинете сидел мужчина, который две недели назад спрашивал, где ее обучали: на филфаке МГУ или в каком другом ведомстве.

— Помню, — заулыбался мужик, — захват и удержание вместо приветствия! Северцева Мария Владимировна, креативный директор, временный пропуск...

— Да-да, — в тон ему ответила Маша, — сектор С, код два нуля...

И замерла на полуслове.

— Что с вами?

— Нет-нет, не обращайтесь внимания. Просто подумала: вдруг я дома утюг не выключила?

Эвальд хрустнул челюстями, а Александр Васильевич замахал руками:

— Не волнуйтесь, сейчас все утюги делают с предохранителями.

— Я в курсе, — медленно ответила она, — да это уже и неважно.

Посмотрела в окно: отсюда был виден угол пристройки, где располагался пост охраны. Там болталась синяя табличка, длинную аббревиатуру «НПО Био-нано-тех-сред-мед...» на таком расстоянии прочесть было невозможно. Но наверху, под козырьком, висела еще одна табличка, оставшаяся с советских времен, и буквы на ней виднелись отчетливо: НИИ «Сириус». Пазл сложился.

глава 4

Машины с образцами для утилизации должны были выехать после двух часов ночи. Оба руководителя фирмы пожелали Маше удачи, еще раз напомнили об удвоенном гонораре и отбыли. На территории НПО не осталось никого, кроме группы сопровождения из «Лотоса». Начальник охраны НПО ушел последним, нерешительно пожелал Маше удачи и долго оглядывался, словно никак не мог понять, почему он уходит, а эта женщина остается.

Маша, переодетая в черный комбинезон с драконом, коротала время в опустевшей приемной, где стояла кофемашина и на полке лежали сушки с печеньями. Комбинезон было жалко, она берегла его для показухи в дорогом гольф-клубе. Показуха отменяется, все всерьез.

Ей было почти все понятно. Не хватало одной детали: зачем конторе Палыча нужна фирма «Нано-вита»? Неужели только из-за денег, которые заплатит им компания Штайна, если деятельность конкурентов будет разоблачена? Вряд ли. Палыч был человеком специфическим, но, как ни странно, на первом месте у него были интересы безопасности собственного государства. Просто он никогда не задумывался, кого, собственно, должен защищать. Но землю рыл честно. За державу — а не только за откат.

Вполне возможно, что раньше НИИ «Сириус» занималось разработкой бактериологического оружия. Вероятно, в начале 90-х Пивоваров затеял какой-то бизнес с «Аум Сенрике». Тогда лидер секты выступал в Кремлевском дворце съездов перед тысячами людей, а фрагменты его выступлений показывало центральное телевидение. Желание обедневшего функционера из ВПК присосаться к кормушке было вполне понятно. Возможно, речь шла о продаже нового вида биологического оружия, который разрабатывало его НИИ. Жена Миклашевского попала в эту историю случайно, ее смерть была нелепой и никому не нужной. Нового биологического оружия не вышло, бабки надо было отрабатывать, японцам из «Аум Сенрике» продали вульгарный зарин. После взрыва в токийском метро начались поиски и аресты. На всякий случай Пивоваров убрался из Москвы в Тихоокеанское отделение Академии наук. Его вина не была доказана, да никто особо и не старался найти настоящих виновников. Потом, в конце 90-х, когда оборонка пришла в полный упадок, руководители НИИ «Сириус» создали НПО и решили заняться тем, что приносит реальный доход и может быть продано. Тут Пивоварову на Дальнем Востоке подвернулся молодой китайский ученый со своими уникальными идеями. Пивоваров почуял запах больших денег, взял над Ли Бэем шефство, пробил финансирование его работы, дал защититься. После защиты Ли Бэй вернулся на родину, а Пивоваров вульгарно воспользовался его результатами. Этот человек мыслил масштабно, создал целую структуру: НПО «Андриас», страховую компанию «Иммортел», обещал «Нано-вите» невероятные барыши. Но тут подоспел Штайн и стал предлагать «Нано-вите» более выгодный процент...

Как говорил ей Кевин, пока в мире есть диктаторские режимы, они будут выкладывать за «вакцину бессмертия» огромные деньги. Кто знает, может, контора Палыча пообещала кому-то вечную жизнь? И, конечно, все, что можно, они уже застраховали в компании Штайна. Пивоваров был негодяем и аферистом международного класса. Но Штайн представлял гораздо более крупный капитал. И репутация у его фирмы была серьезная. И методы — тоже. Она вспомнила лицо Алексея: не промахнется ни при каких обстоятельствах.

А ей-то что делать со всем этим? Когда паззл сложился полностью, она вспомнила слова Андрея: «Ты поймешь, почему именно я тебя отговаривал». Кевин объяснил ей, что она была приманкой. Но теперь понятно, что именно Андрей, вплотную работавший со Штайном, втянул ее в историю с «вакциной бессмертия». Причем втянул совершенно сознательно: чтобы вызвать из тени всех заинтересованных лиц разом, лучшей приманки, чем Огненная Саламандра, было не найти. Огненная Саламандра действительно являлась образцом стопроцентной регенерации, тем самым «образцом высшей категории». Мисс Джекпот, как справедливо выразился Штайн. Андрей был честен, когда сказал: «Ты моя работа». Значит, незачем ждать от него большего. Его работа закончена. Рассчитывать на него бессмысленно. Причем здесь любовь? Да вовсе ни при чем. И довольно об этом. Ей не было больше ни больно, ни страшно. Когда можно рассчитывать только на себя, страх и боль на время исключаются из перечня допустимых эмоций.

Из головы не шло слово «образец». И на справке, которую выдали Миклашевскому, тоже было написано: «Обр. № такой-то». А если речь идет об опытах на людях?

Она впервые увидела Пальча три года назад в закрытой клинике. И первые слова, которые она услышала, выйдя из комы, были сказаны о ней: «Какой превосходный материал!» Ей довелось быть образцом, правда, недолго, и в шкуре Саламандры, поэтому она быстро выкрутилась из ловушки. Но ощущения подопытного животного застряли в спинном мозгу и вряд ли покинут его до конца жизни. Есть такая порода двуногих, для которых любое другое двуногое — это биоматериал. Образец, годный или не годный для каких-то целей. Пивоваров как раз относился к этой разновидности двуногих. Сейчас ей оставалось только проверить свою догадку, и Маша искренне надеялась, что догадка не подтвердится. Можно было бы угнать эти две машины по дороге. Но если она права, то в машину будут грузить просто «неудачные образцы». Упакованные так, чтобы никто не догадался, что раньше это были люди. А сейчас, возможно, они еще живы.

Времени оставалось немного, поэтому она закрыла глаза, сделала несколько дыхательных упражнений и полностью сосредоточилась, пытаясь дословно воспроизвести то, что рассказывал ей оружейник, сидя на больничном подоконнике.

Окружающий мир исчез, остался только голос Миклашевского. Сидя на больничном подоконнике, он хрипло пересказывал то, что тысячу раз прокручивал в голове. Поэтому слова его были скупы, а описания точны, невзирая на дистанцию в двадцать лет. «Мы прошли мимо длинного серого бетонного ангара, за ним был старый кирпичный цех. Сбоку — железная дверь...»

Она открыла глаза. Глянула на часы — прошло только пять минут, а казалось, что медитация продолжалась целую вечность. Достала из чехла меч, вспомнила, что балисонг остался в багажнике. Никакой балисонг не поможет, если в дело вступит снайпер. Но Алексей должен вступить в игру только в одном случае: во время ее поединка с Мо. При условии, что Мо будет иметь явное преимущество. Во всех остальных случаях снайпер не должен был вмешиваться. Алексей — человек конкретный и будет действовать в рамках инструкции.

И снова она подумала о загадочном китайском бойце, которым ее постоянно стращали владельцы «Нано-виты». О сводном брате Ли Бзя. Ученики Зыонга — братья, даже если никогда не видели друг друга. Они давали одну и ту же клятву воинов Индры. Ей никогда не узнать, что двигало Зыонгом, пославшим одного своего ученика против другого. Возможно, Зыонг видит дальше. Бессмысленно искать причину. Важен результат: у нее самый опасный противник, которого можно было найти. Да еще вооруженный четвертым мечом короля винь чун. Но в конце концов Мо — не мифологический персонаж, а человек. Благодаря своей профессии, она видела столько разных людей, что перестала удивляться.

Тело слегка затекло от сидения в неподвижной позе, мышцы покалывало, в крови вскипали холодные будоражающие пузырьки. «У нас будет шанс размяться...» — шепнула она мечу на свистящем наречии. И бесшумно вышла в коридор. Там был пост охраны. «Если ты твердо знаешь, что тебя не увидят, тебя никто не увидит», — говорил Зыонг. Охранник не увидел ее в упор. Возможно, он просто дремал с открытыми глазами перед экранчиком маленького телевизора на пульте.

Оставаясь незамеченной, она обогнула главный корпус, плавно двигаясь в тени, прошла вдоль серого длинного ангара. Оружейник не ошибся ни в одной детали. Вероятно, он никак не мог избавиться от чувства вины, картина последней встречи с женой стояла у него перед глазами. Если бы у нее были включены обычные человеческие

эмоции, она бы от всей души пожелала кузнецу обрести покой и получить прощение, хотя бы у самого себя. Но у нее сейчас не было ни души, ни эмоций. Она была никем и ничем. Когда двигалась ползком вдоль длинной узкой тени — сама была длинной узкой тенью. Когда один из охранников повернул голову в ее сторону, он увидел только кусок бетонной плиты — она была плитой. Когда рядом с ней качнулось дерево, скрывавшее ее в тени, и свет упал на ее лицо — лицо стало пятнистым, как древесная кора. Она ничего не чувствовала. Ей надо было пробраться к кирпичному зданию, обогнуть его по периметру, найти железную дверь и открыть ее каким-то образом. И она почти добралась до нужного угла, когда спиной почувствовала чей-то пристальный взгляд. Взгляд был холодным и точным. Как укол в сонную артерию. Но тот, кто смотрел, не собирался ее убивать. Наверно, это Алексей, который пробрался на территорию и контролировал ситуацию. Скорее всего, он был на крыше главного корпуса.

Во Вьетнаме ей доводилось разбираться со снайперами одним взмахом меча, но тогда она была настоящей Огненной Саламандрой. А сейчас она была никто и ничто. Она прилипла к стене, став такой же теплой и шершавой, и за несколько минут добралась вдоль нее до железной двери.

Стучать или звать кого-то глупо. По рассказам кузнеца, там несколько уровней. И на каждом — пост охраны. Дверь надо открыть, причем быстро и без лишнего шума. Она не задумалась ни на мгновение. Меч послушно лег в подставленную ладонь. Руке стало нестерпимо горячо, тень под ногами исчезла сама собой. «Это всего лишь кусок железа! — свистнула она мечу. — Когда мне нужен огонь, я становлюсь огнем!» И одним точным взмахом направила узкий луч в паз между железной пластиной двери и рамой. Дверь поддавалась не сразу, ей пришлось упереться всем телом. Тяжелый металл выгнулся, потом дверь медленно-медленно начала опрокидываться внутрь помещения. Нельзя было допустить, чтобы охрана услышала грохот, ей пришлось проскользнуть в образовавшуюся щель. Три стремительных росчерка меча рассекли железную махину на несколько частей, которые она просто отшвырнула в сторону как несерьезную помеху. Навстречу ей выскочила какая-то фигура — и была отброшена назад, в полутьму коридора. Другой охранник уткнулся ей прямо в лоб. «Три уровня?» — прошипела Саламандра, схватив его за горло. Видимо,

что-то случилось с ее речевым аппаратом, потому что охранник понял вопрос не сразу. Но уж когда понял, сразу отдал ключи и показал, где вход на этажи.

Дальше все было просто. Она летела по коридорам, почти не касаясь бетонных плит, отталкиваясь от стен, успевала только открыть очередную дверь и на бегу пересчитывать фигуры в темноте. Свет упал на чье-то лицо: желтоватая кожа, раскосые глаза. Иммигранты-нелегалы, кто их хватится. На нижнем уровне их оказалось четверо, на втором — пятеро, на верхнем — всего двое. Люди пребывали поначалу в каком-то оцепенении, еле шевелились, возможно, под действием лекарств или наркотиков. Времени на объяснения не было, поэтому Саламандра просто хватала все, что шевелилось, за первую попавшуюся конечность, и вышвыривала в коридор. Если сразу не поднимались, давала ближайшему пинка и кричала:

— Наверх! Бегом!

Пинок под зад понимают люди любой расы. Особенно когда среди ночи к ним рывается неизвестно кто с мечом в руке.

На верхнем уровне ей пришлось задержаться: один из охранников увернулся и включил сигнализацию, которая завывала и замигала желтым светом по всему коридору. Саламандра вырубилась сначала охранника, потом разнесла пульт одним взмахом меча — с каждой секундой он все точнее повторял каждое движение ее тела и опережал его. «Молодец, драконья кровь!» — свистнула ему Саламандра.

Она остановила кучку перепуганных людей возле выхода, жестом показала: «Тише, я пойду первая». Надо было всего лишь подогнать машину. Никто из группы сопровождения по-хорошему ключи не отдаст и ворота не откроет, на это потребуется дополнительное время, а его нет. Саламандра прицелилась точнее, чтобы в два прыжка пересечь освещенный двор, и тут почувствовала на своей шее острие клинка.

— Зыонг говорил, что ты большой мастер,— тихо прошептал кто-то по-английски.— Но я не думал, что ты сможешь так легко разнести стену.

Меч сам шевельнулся в ее руке... «Не сейчас! — свистнула ему Саламандра».

— Мо? — спросила она, не поворачиваясь.— Подожди, мне надо кое-что тебе сказать.

— Откуда ты знаешь мое имя?

Его голос был низким, спокойным и каким-то металлическим, словно говорящий сознательно выдавил из себя все эмоции. И почему-то казался на удивление знакомым, даже этот свистящий акцент она слышала недавно.

— Мне рассказывал о тебе Ли Бэй.

— Когда ты его видела?

— Недавно. На Крите. Он теперь в безопасности. Мы будем драться прямо сейчас или я могу повернуться и поговорить?

— Повернись.

Клинок на шее ослабил давление, она медленно развернулась.

Перед ней стоял вполоборота высокий худощавый азиат в черном комбинезоне. Лицо было наполовину закрыто повязкой, на манер ниндзя, виднелись только очень яркие очень черные глаза. Она мгновенно вспомнила Ли Бэя, протирающего очки на критском солнце. Да, это без сомнения был его брат — сходство очевидно, только Мо повыше. Длинный хвост был завязан высоко на затылке, что придавало ему слегка девчачий вид. Но по одному мягкому кошащему шагу, который он сделал, чуть отступив назад и развернувшись, стало понятно: боец опытный и беспощадный. «Нам не повезло!» — свистнула Саламандра мечу.

— Твой брат просил тебе передать, что ему больше ничто не угрожает. Ему удалось скрыться от людей, которым он должен.

— Откуда ты знаешь?

— Я помогла ему бежать. И еще он мне рассказал про твой палец.

Мо продолжал стоять неподвижно, но его глаза так полыхнули в темноте, что ей стало не по себе: что, собственно, он думает? Он вообще думает? Или это машина для убийства? Тогда с ним бессмысленно разговаривать. Его надо просто убить. «Я обещала Ли Бэю, что не причиню вреда его брату. Я слово дала. Слово Саламандры. А вообще он действительно выглядит как персонаж из фильма с Брюсом Ли. Прямо Маска Зорро! И не страшный совсем... Отставить!» Сейчас у нее было достаточно других дел, более неотложных. У выхода из подвала столпились напуганные «образцы», и медлить было нельзя.

— Послушай, тебя наняли, чтобы ты убил меня. А я по контракту должна убить тебя. Нас обоих используют. Я знаю, что тебе сказал Зыонг, но Зыонг не может знать все. И когда он посылал тебя сюда,

он не мог знать, что в этом подвале находятся люди, которых использовали для опытов.

— Женщина! Ты опять хочешь мне помешать!

И тут до нее дошло: тот самый неизвестный пленник со связанными ногами... Мо усмехнулся одними глазами:

— Я должен был освободить их еще неделю назад. Я приехал сюда вместе с остальными в грузовике, потому что так легче было попасть внутрь. Но ты влезла в фургон, зачем-то меня освободила, пришлось бежать. Ты спутала все планы, которые разработали мои друзья вместе с Зыонгом. После моего побега здесь удвоили охрану, а мы напрасно потеряли время. Эти люди пойдут со мной. Ты нам не нужна.

— Я хочу их спасти. Так же, как и ты.

— Как я могу тебе верить, если твои хозяева хотят их уничтожить? Мои хозяева хотят их забрать. Зыонг хочет их спасти. Там есть вьетнамцы. Есть китайцы. Мы должны всех увезти в безопасное место.

— Ты думаешь, я ломала эту дверь, чтобы их уничтожить?

— Нет. И ты сделала за нас тяжелую работу. Мы бы долго возились с дверью. Это хорошо. Пожалуй, хорошо, что я не убил тебя в день знакомства.

— Ты не сможешь меня убить, Мо. Я Огненная Саламандра. Я сильнее.

— А у меня — четвертый меч короля винь чун,— Мо слегка приподнял клинок.

— Давай мы потом разберемся, кто круче,— зашипела Саламандра.— Давай мы сначала придумаем, как их посадить в грузовик и вывезти в безопасное место без шума.

Мо отвернул воротник комбинезона, изнутри там был пришита крохотная зеркальная пластинка, благодаря которой Мо смог увидеть, что делается снаружи. Он тихо присвистнул:

— Мой товарищ ждет в грузовике, но служба безопасности «Лотоса» уже здесь. Это плохо. Там неплохие бойцы.

Он оглядел сбившихся в кучку пленников:

— Они вялые. Слабые. Им кололи какие-то препараты. Не могут бежать быстро. Машина на стоянке, там, за забором.— Он показал на бетонную двухметровую стену.— Ты подняла шум, сигнализация сработала. Ты опять спутала мои планы! Лучше бы я сам вскрыл дверь! Я бы все сделал тихо! Надо было убить тебя тогда!

— Что ж не убил? — прошипела Саламандра. И добавила порусски: — Бэтмен, мать твою...

— Пожалел.

В его голосе по-прежнему не было никаких эмоций, но глаза смеялись.

— Ты сказал, что твой товарищ ждет в грузовике. Но по плану их должны вывезти на двух машинах. Если поедет одна, это будет подзрительно.

— У одного грузовика проблемы: масло вытекло. Решили ехать на одном. Мы слышали.

— Охрана заметит, что за рулем не их водитель.

— Охрана ничего не заметит.

Он заметил дрожь, пробежавшую по ее лицу, и усмехнулся:

— Женщина, я не убиваю всех подряд. Им добавили снотворное в «Кока-колу» и в заказанную пиццу. Но группу сопровождения из «Лотоса» придется нейтрализовать все равно.

— Давай я отвлеку их. А ты пока выведешь людей. Где стоит грузовик?

— Там, — он махнул в сторону забора. — Сзади.

— На счет «три»! — крикнула Саламандра. И повернулась к нему спиной, готовясь к прыжку. — Раз... два... три!

Она краем глаза увидела, как Мо подался вперед, потом зрение на мгновение померкло, обзор стремительно стал разрастаться и одновременно изображения исказились, как при съемке «рыбьим глазом». По телу пробежала горячая судорога, ей показалось, что по наэлектризованным волосам бегут легкие искры. А потом не осталось никаких чувств — только меч, приросший к телу.

«Мне нужен огонь, и я становлюсь огнем!»

Меч прошел через толстую бетонную стену, как сквозь брикет сливочного масла. Она вычертила «восьмерку» одним движением, отточенным в тысячах тренировок. Стена зашаталась и рухнула, рассыпаясь на корявые обломки с торчащей арматурой, Саламандра развернулась и рассекла железные пруты как травинки. За упавшей стеной раздался рык мотора: огромная «Скания» подъехала вплотную к образовавшемуся пролому. Боковым зрением она видела, как Мо пересчитывает перепуганных пленников и выталкивает их наружу. Но тут раздался крик, вспыхнули прожектора — это вступили в игру секьюрити из «Лотоса».

— Бегите к грузовику, я смогу задержать их! — крикнула она Мо. — Ну, давай скорей! Там моя машина у входа. Возьми ключи, езжай на ней. На двух машинах убежать лучше, сможешь отвлечь, если будут преследовать.

Одной рукой она кинула ему ключи.

— А ты?

— Я как-нибудь выкручусь.

Он качнул головой:

— Зыонг сказал: людей освободить, тебя остановить.

— Зачем?

— Не знаю. Я должен выполнить его приказ. Машина уйдет, а мы с тобой останемся вдвоем и решим наш вопрос.

Она вытянула меч, свистнула по-змеиному, по лезвию побежали синеватые искры...

— Я прикрою вас! Думай быстро! Или эти люди погибнут.

— Ты права, отвлеку бойцов,— по-прежнему бесстрастно произнес Мо. Махнул рукой. Пленники кинулись к пролому в стене. А Саламандра развернулась в прыжке и оказалась посреди освещенной части двора в перекрестье четырех прожекторов, висевших по периметру. Женщина с мечом представляла на первый взгляд легкую добычу для нескольких вооруженных мужчин. Но они были остановлены сплошным движением клинка, вычерчивавшего в воздухе замысловатые траектории. Карт-бланш на любые действия был только у нее — у нападавших такого приказа не было. И они просто не понимали, что с ней делать. А ей не хотелось пускаться в ход свою огневую мощь, слишком неравны были бы силы. Поэтому она держала нападающих на дистанции, а боковым зрением пыталась понять, как дела у Мо и его подопечных. Услышала рык мотора: «Скания» двинулась к выезду. Она заметила, что Мо еще не сел в машину, а достал из кармана телефон. Набирать номер одной рукой ему было неудобно, а убрать королевский меч в ножны — страшно. Саламандра не без ехидства наблюдала за тем, как он мучается.

Наконец Мо набрал нужный номер и скрылся из виду.

Она некоторое время отбивалась от нападающих, по-прежнему держа их на безопасной дистанции, потом услышала краем уха выстрелы, отвлеклась на мгновение — и получила сильнейший удар,

от которого из глаз полетели натуральные искры. «Позор мне, убогой!» — свистнула она мечу, уходя в низкую стойку змеи и нанося удар по ногам нападавшего. Тот отлетел в сторону. А когда она выпрямилась, то увидела круговым зрением, что сзади возник Мо. И не в атакующей позиции, а наоборот, спина к спине. Она почувствовала его присутствие всей кожей.

— Ты почему не уехал? Я тебе ключи от машины дала!

— Там пришли другие. Пришлось задержаться.

— Какие другие?

— Те, кто должен захватить грузовики с образцами. Бойцы с китайской стороны.

— И где они?

— Трое. Там,— он кивнул в сторону пролома в стене, там мелькнули три тени.— Сюда идут. Они хорошие бойцы, я решил, что ты не справишься.

— Я не справлюсь? — Саламандра расшвыряла в стороны трех нападавших, развернулась и вычертила на стене огненную «восьмерку».

Мо пожал плечами:

— Это трюк. Китайские бойцы очень серьезные.

Саламандра еще раз прочертила в воздухе «восьмерку», двое в черном поспешно укрылись за стеной ангара.

— Куда третий делся?

Мо молчал, по-прежнему прикрывая ей спину.

— Уходи, Мо. Я могу их задержать.

— Нет,— отвечал он сквозь зубы, при этом оба медленно перемещались спина к спине по двору, постепенно двигаясь к пролому в стене.

— Зыонг сказал, я должен остановить Саламандру...

— Может, мы потом разберемся, кто из нас лучший боец? А сначала закончим с этими?

Мо по-прежнему молчал. Наверно, у него английский на уровне начальной школы. «Говорил Ли Бэй, что его брат тупой! Вечно ты пялишься на чужие мускулы, да еще не вовремя...»

— Тогда почему ты прикрываешь мне спину?

В диалоге образовалась некоторая пауза: Мо снес обоих нападавших бойцов «Лотоса», только один полетел в сторону, а второго он,

не оборачиваясь, швырнул под ноги Саламандре. Та отскочила в сторону и зашипела:

— Зыонг очень мудрый! Но даже он не знал, что меня сопровождает снайпер, который выстрелит, если увидит, что побеждаешь ты...

— Ты тоже умная,— одобрительно сказал Мо,— но ты не знаешь: в группе есть снайпер. Если ты начнешь одерживать верх, он застрелит тебя.

— Тогда почему ты не убил меня сам?

— Я решил подождать, пока ты сломаешь эту дверь. Ты сделала это быстро. Я отдыхал.

— Может быть, попробуем удрать?

Мо выпрямился.

— Я обещал Зыонгу честный бой.

— Когда по кустам сидят снайперы, о честном поединке можно забыть.

Он молчал. Это привело ее в бешенство.

— Послушай, Мо! — зашипела она, отшвыривая последнего нападавшего в сторону.— Я не хочу с тобой драться вообще! Не хочу, чтобы наш снайпер застрелил тебя. И не хочу, чтобы ваш снайпер застрелил меня. Пусть они между собой разберутся.

— Они не будут разбираться между собой. Главное — наш поединок. Для наших бойцов он важнее, чем машина с людьми. Их для этого сюда прислали. Ни твои, ни мои бойцы не выпустят нас отсюда, пока кто-то один не победит. А мне надо еще догнать машину с пленными и помочь им вернуться. У меня мало времени.

— Давай придумаем что-нибудь...

Она не успела договорить, как Мо подался вперед, потом сразу назад, сделал обманное движение и ударил не глядя из-под руки, она рефлексивно отступила — и полетела на асфальт.

— Зыонг сказал: я научил ее уходить от атаки сбоку, но не успел научить уходить от удара назад. А меня он научил,— спокойно проговорил Мо, медленно разворачиваясь.— Зыонг лучше знает. Не бойся, это хороший меч, ты ничего не почувствуешь.

И она отчетливо увидела, как сверкает при свете луны четвертый меч короля винь чун. Вокруг все замерло. Меч двигался, словно в замедленной съемке... лунные блики играли на лезвии... Саламандра вывернулась в самую низкую стойку змеи, на которую была способ-

на, лезвие Мо свистнуло в сантиметре от ее лица, а сам китайский боец ловко увернулся от контрудара по ногам.

— Ты настоящий мастер! — улыбнулся Мо, разворачиваясь к ней всем корпусом. — Пожалуй, я позвоню Зыонгу и скажу, что передумал. А снайперов мы с тобой уберем. Заодно ты мне покажешь, как сделать огонь. Я пока не разобрался, я могу просто драться этим мечом. А у тебя здорово получается. Красиво...

— Хорошо. Но за это ты мне покажешь, как выкручиваться, если руки связаны...

В этот момент обострившееся зрение Саламандры уловило вспышку. И она почувствовала легкую волну, которую образовывал маленький сгусток, двигавшийся в голову Мо... «Он не сможет так быстро среагировать, он человек!» «Ты сможешь!» — зазвучал в глубине памяти голос Нгу Май. По позвоночнику пробежал короткий озноб, потом его сменила горячая судорога, рука слилась с мечом, тело словно вытянулось в сторону опасности. «Ката стрелка: влево под сорок пять... разворот...» Ее клинок пошел вверх на реверсном движении и пересек траекторию смертоносного зернышка. Темный сгусток столкнулся с клинком. Удар был слишком силен, она не смогла его сразу отбить, смогла лишь замедлить движение смерти...

Она встретила взгляд Мо: он был направлен в ту сторону, где, наверно, находился стрелок китайцев. Боковым зрением Саламандра увидела, что темноту распарывает еще один темный продолговатый маленький предмет, который движется прямо ей в лоб. Снайперам надоело ждать — или они получили новые инструкции от своих хозяев.

Она успевала заслониться своим мечом, но тогда Мо оказался бы без защиты, и пуля Алексея бы вошла бы прямо в макушку, где торчал девчачий хвост. «Выбор невелик: или он, или я». Все вокруг замерло. Осталась только чуть искаженная картинка пространства. И клинок, который все тяжелее было удерживать.

— Беги! Я смогу удержать удар, недолго, но ты успеешь!

Потом сообразила, что говорила на драконьем языке, и Мо вряд ли понял хоть слово.

— Женщина, ты действительно думаешь, что я сейчас брошу тебя и убегу? — свистнул Мо в ответ на том же языке, вскидывая меч ко-

роля винь чун. Время замерло полностью, прозрачное холодное пламя всколыхнулось перед глазами, словно волна прокатилась через пространство, полностью искажая его и меняя очертания предметов. Раздался резкий скрежет металла: два скрещенных клинка замерли, отодвигая смерть.

глава 5

Свет погас. Пахнуло холодом.
— Ну вот, так-то лучше. По крайней мере я убедился в том, что для вас еще что-то значат общечеловеческие ценности. Вроде порядочности, совести и прочей ахинеи

— В твоих устах выражение «общечеловеческие ценности» звучит еще более странно, чем в устах наших политиков, — огрызнулась Саламандра, — нашел время и место для разговоров о вечном! Мне очень неудобно стоять в этой дурацкой позе.

— И ему неудобно. И от него я никак не ожидал такой прыти, это ты у нас мастер выскакивать в четырехмерку. А Мо просто молодец! Он до этого и меч-то нормальный в руках не держал. А справился. Похоже, тебя пожалел. Ведет себя, как и подобает нефритовому воину, стоит как вкопанный. Как думаешь, он мог тебя победить?

— Не мог. Он ката Стрелка не знает.

— Но первый удар ты пропустила...

— Да, пропустила.

— А потом он выручил тебя!

— Еще бы! С четвертым мечом короля винь чун каждый станет мастером на все руки.

— Сколько раз тебе повторять: разве важно, где чья шпилька? Важно, где чья кровь!

— Я не настоящая Огненная Саламандра. Я была ею недолго, потому все мои качества исчезли.

— То, что дано по рождению, не может исчезнуть. Как говорил вскоре после вашей революции академик Орбели, «бывший князь — это все равно что бывший фокстерьер!» Нравится тебе этот дар или нет, но избавиться от него ты не сможешь никогда.

— Ты хочешь сказать, что мой меч ничем не отличается от его меча?

— Почему же? Отличается: временем изготовления и ценой. Но мы-то знаем, что это чистый пиар,— темный силуэт зашевелился, и она была готова поклясться, что Дракон улыбается.

— Долго мы будем стоять вот так?

— До тех пор пока я не решу, что с вами обоими делать.

— Отпусти нас обратно, и все. Раз я по-прежнему Огненная Саламандра, я сейчас им такой фейерверк устрою, что забудут, зачем пришли! Людей мы освободили, а остальным, надеюсь, займется Палыч, он у нас мастер решать деликатные вопросы. Сейчас ночь, сотрудников на территории нет, только снайперы по крышам. Дай душу отвести! Чтобы больше тут никаких образцов и всего прочего близко не лежало!

— В том и загвоздка. Сейчас этого допускать нельзя категорически.

— Почему?

— Нельзя нарушать существующий порядок вещей. Ты не можешь уйти победителем. Ты представляешь собой образец невиданного сверхмощного оружия, на которое зарятся спецслужбы. С каким трудом удалось сохранить это в тайне после твоих приключений во Вьетнаме! Если победит Мо, будет еще хуже, потому что его хозяева — люди исключительно неприятные, им никак нельзя давать в руки такие козыри. Ваш общий учитель был прав, когда послал Мо остановить тебя. Есть правила, которые не могут быть нарушены. В эпоху, когда ваши ведущие державы ведут запрещенные исследования, нельзя допускать и мысли о достижении бессмертия. Еще не хватало, чтобы упыри, находящиеся у власти, собрались жить вечно! Вы не сможете нарушить основные законы бытия, но наплодите таких монстров, что сами потом не сможете справиться. Ты думаешь, вам позволят вернуться?

— Разве мы не во временной петле? Ты учил меня, что петлю достаточно просто рассчитать, если знать основы четырехмерных исчислений.

— Дорогая, вы оба сегодня без всяких исчислений вышли в четырехмерку. На другой уровень. Потому что оба стали настоящими мастерами и потому что цели у вас обоих были самые благородные. Вот и все. Как говорили твои учителя в Школе воинов Индры, «вери симпла, ап — даун».

— Значит, мы не во временной петле?

— Нет. В шлюзе. Временная петля — это низший уровень четырехмерки. Шлюз — уровень продвинутых пользователей.

— Помню... Я там была, когда впервые тебя встретила.

— Да. Я смотрел и думал, что с тобой делать. Вижу, что не ошибся.

— Но я была в шлюзе, когда перенесла клиническую смерть. Ты хочешь сказать...

Дракон отвернулся и молчал.

— Можно нам опустить мечи? — опять спросила Саламандра.

— Учись у своего дальнего родственника, — фыркнул дракон, — молчит и терпит.

— Какой он мне родственник? Понаехали тут...

— Маньчжурская династия по преданию восходит к роду Дракона, — наконец произнес Мо. — И у нас принято молчать, когда говорят старшие в роду.

— А у нас не принято делать замечания незнакомым людям, — огрызнулась Саламандра.

— Мы знакомы уже больше недели, — пробурчал Мо. — И мне кажется, я тебе понравился. По крайней мере, в машине ты меня разглядывала в зеркальце изо всех сил, чуть шею не свернула.

— Кулаки твои разглядывала. Думала, только тупые кекусинкаевцы могут всю жизнь набивать мозоли. И еще на шее у тебя висела оранжевая бусинка. Она из четок Зыонга? Я у него выпрашивала на память — не подарил.

— Он дал мне ее перед самым отъездом и сказал: «Покажи Саламандре во время боя, она, как любая женщина, непременно отвлечется на безделушку. А ты этим воспользуешься».

— Вижу, вы начали находить общий язык, — обрадовался дракон, — значит, мой план сработал.

— Какой еще план? Открой шлюз, мы там по-быстрому разберемся... вдвоем с вновь обретенным родственником...

— План, дети мои, состоял в следующем. Как известно, драконы тоже смертны. Да-да, у нас это происходит иначе, мы просто переходим в другое измерение, ничего трагического. Но есть некие функции, которые надо кому-то передавать. Ты должна помнить, в чем состояла моя задача.

— Следить за сохранением равновесия между мирами, не допускать несанкционированного перехода в четырехмерку, при опас-

ности извещать верхний и нижний миры,— без запинки произнесла Саламандра.

— Не скрою, сегодняшней переход в четырехмерку был несанкционированным, особенно учитывая, что вас здесь двое. Но в этом и состоит мой план. Я выполнял слишком много функций одновременно. Поэтому на замену себе присмотрел вас обоих. Вы еще абсолютно молоды, впору в школу отправлять. Тебе хорошим манерам не грех поучиться. А ему надо бы почитать что-нибудь, кроме комиксов, трактата об искусстве войны и краткого курса марксизма.

Мо насупился.

— Не обращай внимания,— шепнула Саламандра.— Он к тебе хорошо относится, я вижу. Я его давно знаю.

— Но в целом я вполне вами доволен. Да и кто лучше всех уследит за порядком и равновесием между мирами, чем дисциплинированный китайский боец и простая российская тетка? Мимо него не проскользнешь, а у тебя не забалуешь. Так что, дети мои, хватит дурака валять, я вас забираю. Прямо сейчас.

— Как сейчас? — воскликнули оба, Саламандра чуть не выпустила меч, но дракон шикнул на нее:

— С ума сошла? Выпустишь меч из рук, а он один удар не удержит... Разве такой результат кого-то устроит? Любое действие должно быть продуктивным!

— Но ты не можешь забрать нас прямо сейчас. У меня дома полно дел, я Никиту не видела полгода, к Даше после приезда еще не заезжала. Вообще я еще не собираюсь покидать этот мир! Там меня ждут, любят... Ты нас спросил?

— Меня тоже никто не спросил, понравится ли мне время моего перехода. Но я его знал заранее, в отличие от вас, поэтому отчасти форсировал события.

— Каким образом? Я просто подписала контракт о работе с очередным заказчиком.

— У меня свои источники информации в вашем мире, я могу ее получать, а значит, могу и вбрасывать. Что касается тебя: именно я добился того, чтобы произошла утечка секретных данных по Вьетнаму. Считай, что это я тебя нанял! Это со мной ты подписала «контракт Саламандры». Мне была нужна ты. Здесь и сейчас. Причем в компании этого молодого человека, за которым я давно приглядываю.

Дальше все развивалось само. Поэтому я имею возможность с вами поговорить перед уходом.

— Погоди, Дракон, ты что, всерьез? Мы должны перейти прямо сейчас?

— Вы уже вышли оттуда. Но еще не пришли сюда. У вас есть выбор: останетесь ли вы только в виде двух кусков обгоревшей плоти на территории секретного завода после пожара или займете те места, которые вам положены по рождению и предназначению. Но решать надо сейчас. Потому что скоро и мне надо будет уйти. Думайте быстрее. Мне кажется, постепенно вы подружитесь: один тупой, но старательный, другая вся такая внезапная. И этих-то еле нашел,— пробормотал Дракон как будто про себя, потом встрепенулся и громко продолжил: — Отличная пара! Для нашего племени возраст еще просто детский! — и снова буркнул себе под нос: — Еще, глядишь, расплодитесь тут...

Поймав яростный взгляд Саламандры, он повысил голос:

— Ну?

— С чего ты взял, что мы согласились? — спросила Саламандра.

— С чего ты взял, что мы покойники? — почти одновременно с ней спросил Мо.

— Какой снайпер позволит себе уйти, промахнувшись? А их там двое.

— Нет. Я не готова сейчас. Я хочу домой, к своим.

— Нас не спрашивают, когда мы хотим. Нам просто говорят: сейчас.

— Почему ты выбрал меня?

— Не я тебя выбрал. Это твое предназначение. Я тебе объяснял однажды, даже стихи цитировал: «Каждая снежинка падает в место...»

— «...для нее отведенное», — хором закончили оба.

Дракон одобрительно кивнул:

— Теперь я точно вижу, что вы подружитесь!

— Но я не хочу сейчас! Я не готова!

— Хорошо,— жалился Дракон,— спешл фор ю, леди: не сейчас. Намного позже. Зато с десятью годами полного паралича. На голове у родных, с суднами, пролежнями, сиделками. Ты лежишь и все понимаешь, все слышишь, только не можешь ни шевельнуться, ни сказать ничего. А они думают, что ты — бесчувственный кусок мяса.

Мучаются сами, мучают друг друга, забывают, какая ты была, видят воняющую гниющую плоть. А твоя душа при этом бьется в полуживой оболочке и никак не может обратиться к ним. Так устроит? Ах да, Мо, я тебе ничего не сказал: не сейчас, но скоро. Ваша мафия не любит, когда не выполняют условия контракта. Пуля в позвоночник. Года три сильнейших болей, частичной потери речи, морфий, неподвижность. Родных у тебя нет, брат живет под другим именем и не может тебе помочь. Приют для инвалидов. Каждый день превращается в вечность. Все, что могу предложить.

— А иначе никак нельзя?

— Нет! За все надо платить! И если тебя для чего-то привели в этот мир, умей сделать выбор вовремя! Больше пользы принесешь! Кстати: почему ты решила сражаться с Мо? Ведь думала, что у него меч короля винь чун и что у тебя нет шансов, а все-таки пошла? Тебя отговаривал твой сердечный друг, — Дракон издал некое подобие шипения, — приводил вполне разумные аргументы, но ты не послушалась. Почему?

— Во-первых, я ему больше не верю.

— С ума сойти! Неужто поумнела?

— А во-вторых, я догадалась, что образцы продукции — это живые люди. Если можешь предотвратить — надо попытаться. Иначе потом кто-то поступит так же с твоими детьми и внуками. Закон кармы.

— Вот именно! Вы оба здесь, потому что для вас законы кармы что-то значат. Это важнее четырехмерного исчисления, уж ему вас как-нибудь научат. И когда ты захотела открыть железную дверь, свойства Саламандры вернулись к тебе, потому что тебя заботила не твоя частная жизнь и твои частные проблемы, а жизнь других людей!

— Слушай, а ты серьезно говорил все это? Насчет паралича?

Дракон вздохнул:

— Нет, конечно. Мне нужно, чтобы вы согласились. И у меня нет других аргументов, кроме того, что это ваш долг. Но вы слово «долг» понимать не хотите. Пришлось напугать.

— Я не могу, я не готова сейчас, я их люблю больше жизни, я буду по ним скучать.

— Это не смерть, — наконец произнес Мо. — Это другая жизнь.

Дракон одобрительно крякнул:

— Молодец! Учись у него! Простых вещей не понимаешь!

— Почему ты говоришь, что я должна сама сделать этот ужасный выбор? Я женщина... я простая тетка... я не хочу сейчас принимать это решение... я не могу...

— Не бойся,— тихо сказал Мо.— Нас двое. Ты Огненная Саламандра. Ты не можешь ничего бояться. Ты помогла моему брату. Ты дала ему слово, что не причинишь мне вреда, и сдержала его. Я тебя не брошу. Не бойся. Я тоже умею держать слово.

Дракон смотрел прямо на нее:

— Подумай: там твой дар не нужен, более того — опасен. А ты знаешь, что он у тебя есть. Ты хочешь прожить еще много лет впустую? Или найти ему достойное применение? И выполнять свой долг здесь и сейчас?

Она молчала.

—Я не просто так нашел тебе напарника. Ты стояла с ним в бою спина к спине. Неважно, в каком измерении и в какой жизни,— ты можешь ему верить. А это самое главное, деточка.

Дракон пристальнее взгляделся в ее лицо и язвительно добавил:

— Хотелось бы увидеть, как плачут Огненные Саламандры. Редкое зрелище, наверно. Пока ни разу не доводилось.

Она сделала глубокий вдох и тихо произнесла:

— Я согласна.

— Хорошо,— кивнул Дракон,— иного ответа я и не ожидал. А сейчас мне надо отлучиться, вы пока подождите. Надо как-то закрыть тему. Не делай такое лицо, это будет легко объяснить: смертельные травмы в результате несчастного случая, проводка, бензин, сами знаете, уж как польхнет. Коменданту потом дадут условный срок за несоблюдение техники безопасности. На НПО начнутся проверки. Зато обе фирмы быстрее уберутся с горизонта. Надоели! Лучше бы пивками торговали, все пользы больше! Пойду, разберусь.

— Тебе нельзя переходить в наше измерение!

— В частном порядке. Дайте старику размяться! В последний раз я работал «в поле» три года назад, во Вьетнаме. Помнишь, я тебе показывал извержение подводного вулкана?

— Помню. Я тогда пообещала вернуться к тебе.

— Я помню. Но видишь, как жизнь устроена: ты пришла сейчас, а у меня теперь другие планы.

Дракон замолчал, потом встрепенулся:

— Подождите, я скоро вернусь, — и темный силуэт исчез.

Через какое-то время ледяной сквозняк стал стихать. Мрак начал рассеиваться, уступая место теплому обволакивающему туману. Стены стали отодвигаться, растворяться в нем. Только поверхность под ногами была по-прежнему твердой и фактурой напоминала кафель.

— У меня рука затекла так, что сил больше нет. Давай мечи опустим?

— Не знаю. А можно?

— Кто нам теперь запретит?

Он подумал и кивнул:

— Тогда на всякий случай одновременно. На счет «три»: раз... два... три!

Оба резкими движениями откинули мечи в стороны, уходя в боковые страховки. Два остывших кусочка металла упали со звоном на кафельный пол.

— Это наш снайпер стрелял, — Мо повертел их в руках. — А это — ваш.

— Интересно, когда дракон вернется за нами? — спросила Саламандра, разминая затекшие суставы.

— Он не придет, — ответил Мо. — Разве ты не поняла? Он попросился. Совсем!

— Как? Он сказал: подождите, мне надо отлучиться. Он придет! Он обещал.

— Он специально это сказал, чтобы ты опять не заплакала. Женщина. Не понимаешь простых вещей. А теперь тебе плакать нельзя. Слезы остались там.

Но Саламандра все равно заплакала.

Мо присел рядом на корточки:

— Это очень трудно понять. И еще труднее с этим смириться. Но нас двое. И я тебя не оставляю. Раз уж я тебя не убил в первую минуту нашего знакомства...

— ...только не говори, что это начало большой и крепкой дружбы! — огрызнулась Саламандра, пытаясь вытереть глаза рукавом.

Тогда Мо наконец снял с лица черную повязку, стер ее слезы со щек, улыбнулся и протянул руку поистине королевским жестом. «Кровь не обманешь».

Навстречу из сумерек тихо вышли двое: высокая светловолосая девушка и стройный парень с азиатским разрезом глаз, словно сошедшие со старой фотографии на стене.

— Не плачь, — сказали они, — и ничего не бойся. Пойдем. Нам пора познакомиться.

— Мама? — Саламандра еще всхлипывала. — Папа? Это правда вы?

— Конечно, мы ждем тебя. Это твой друг? Тебе повезло, доченька. Настоящий воин. Тебя зовут Мо? Пойдем с нами. Тебя тоже ждут. Твои родители очень гордятся тобой.

— Почему?

— Разве Дракон не сказал вам? Только самым достойным доверяют такую работу. Мы гордимся вами обоими! Пойдемте скорее! Не бойтесь! Те, кого мы любим, всегда рядом с нами, остальное неважно. И мы можем быть рядом с ними, когда захотим. Торопитесь, дети, теперь у вас будет очень много дел.

— Как, и здесь передохнуть не дадут?

— Мы пришли в этот мир не для того, чтобы отдохнуть, — задумчиво произнес Мо.

— Ты можешь нормально разговаривать? Здесь языковой барьер отсутствует! Давай, скажи для разнообразия хоть что-нибудь человеческое.

Мо задумался и выпалил:

— А я все думал: почему у нее такие глаза? Оказывается, от отца. И еще я думал: почему у нее такие кудрявые волосы? Оказывается, от матери. И еще я думал: как можно доверять бабе меч? Наверно, Зыонг на старости лет умом двинулся. И как с ней можно всерьез драться? А оказалось, можно.

— Молчи, Бэтмен, мать твою, — прошипела Саламандра. — Веди себя прилично, здесь мои родители. Я сама их впервые вижу. Что они подумают?

— Что их дочь ругается, а это не пристало ни женщине, ни воину, ни тем более Саламандре, — сурово отвечал Мо тоном персонажа Брюса Ли. — Знаешь, что написано об этом у Конфуция?

ЭПИЛОГ

А теперь из этой руки перебрасываешь нож в другую и повторяешь движение, обратную петлю... умница, девочка! На сегодня хватит. Скоро мама заглянет, клади балисонг на полку, за стекло... да не на ту полку, Даша! Перепутаешь, мама заметит, догадается, что ты его брала, испугается и перепрячет!

— Мама папе говорила, чтобы он убрал бас-сонг в шкаф. А папа сказал, пусть тут лежит, под твоей фотографией, я еще маленькая и не достану.

— Хорошо. Ложись.

— Маша, а когда я научусь работать с бас-сонгом, ты мне подаришь меч?

— Есть еще два меча на этой планете. И один из них непременно будет твоим.

— Когда я вырасту?

— Нет. Когда тебе это будет очень нужно. Меч сам найдет своего хозяина, который будет его беречь. Так говорится в одной старой легенде. Легенды никогда не врут, их просто надо уметь слушать. А сейчас до свидания, детка! Спи, а я буду держать тебя за руку во сне. И тебе никогда не будет страшно! Огненные саламандры никого не боятся. Сила воды и сила огня будут охранять твой сон. Скажи «спокойной ночи» моему другу. Посмотри, Мо, правда, она на меня похожа?

— Кровь не обманешь...

— Пока-пока!

Дверь в детскую открылась, заглянула мама:

— Даша, ты еще не спишь? С кем это ты разговаривала?

— Это я со своими зверушками, спать их укладываваю...

— Спи, доченька!

Мама прикрыла дверь, вышла на кухню, взяла в руки рисунок. Тут зазвонил телефон:

— Да, мамуль... только уложила... ничего, она очень спокойно это восприняла. Иногда вдруг говорит: Маша приходила. Не знаю, психолог сказал, что дети по-другому относятся к смерти.

Держа в одной руке трубку, она вертела в другой рисунок дочери.

— Вот нарисовала сегодня, весь вечер пыхла. Что нарисовала? Ящерица разноцветная. Помнишь, у Маши была татуировка, она ее во Вьетнаме сделала? Все еще удивлялись, зачем. Ну разве что-то можно было ей сказать? Не говори, очень нелепо. Да, у ее агентства был контракт с этой фирмой. Но контракты бывают разные. Вот, ящерица нарисована. И написано: Маша. А рядом другая ящерица, поменьше, и написано: Даша. Завтра обязательно посоветуюсь с психологом. Но зато Дашка теперь так хорошо засыпает, так спокойно!

Москва 2012-2013

ГАЛИНА ДИЦМАН@
Контракт Саламандры

РЕДАКТОР	Светлана Заикина
КОРРЕКТОР	Ирина Степачева-Бохенек
ИЛЛЮСТРАЦИИ,	
ДИЗАЙН, ВЕРСТКА	Галина Дицман@

**Отпечатано с готового оригинал-макета
по заказу ИП Чибисов К.Е
в ООО «Формула Печати»
г. Москва, 121170, ул.Поклонная, 15
WWW.PRINT-FORMULA.RU**